

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. Г. Скребцова

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Курс лекций

Филологический факультет
Санкт-Петербург
2011

ББК 81.2-923
С45

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Филологического факультета СПбГУ*

*Утверждено Ученым советом Филологического факультета СПбГУ
Председатель Л. А. Вербицкая*

Рецензент:
д-р филол. наук С. А. Мызников (ИЛИ РАН)

Скребцова, Т. Г.
С45 Когнитивная лингвистика: Курс лекций. — СПб.:
Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 256 с.
ISBN 978-5-8465-1037-1

Предлагаемое учебное пособие основано на курсе лекций по когнитивной лингвистике, которые автор с 1999 г. читает на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Книга ориентирована на традиционное понимание когнитивной лингвистики, принятое за рубежом (прежде всего в США и Великобритании) и отраженное в соответствующих англоязычных учебниках. Содержание пособия охватывает основные направления когнитивных исследований в языкознании, а также включает ссылки на близкие по духу работы ученых, не относящихся себя к данной области.

Для студентов и аспирантов филологических факультетов, а также широкого круга специалистов в гуманитарных и общественных науках, когнитологии и теории искусственного интеллекта.

ББК 81.2-923

ISBN 978-5-8465-1037-1

© Т. Г. Скребцова, 2011
© Филологический ф-т СПбГУ, 2011
© С. В. Лебединский, оформление, 2011

Лучшие теории в любой области — это, безусловно, прекрасные теории, и ученый не меньше, чем художник, посвящает себя поискам красоты. Мне думается, что семантизм обладает большими эстетическими достоинствами, чем синтаксизм.

Уоллес Чейф

...linguistics is fundamental to the theory of thinking and in the last analysis to all human sciences.

Benjamin Lee Whorf

ОТ АВТОРА

Настоящее учебное пособие посвящено обзору основных достижений в современной, динамично развивающейся междисциплинарной области науки — когнитивной лингвистике. Оно основано на одноименном курсе лекций, который я читаю на филологическом факультете СПбГУ с 1999 г. по настоящее время.

Эту книгу можно рассматривать как продолжение и развитие моей первой монографии — «Американская школа когнитивной лингвистики» (СПб., 2000), которая своим возникновением обязана стажировке в Калифорнийском университете (Беркли) в рамках программы Американского Совета по международным исследованиям и обменов (IREX). Хотя эти публикации существенно различаются по объему и организации материала, их объединяет общее видение когнитивной лингвистики как направления научной мысли. Именно с этого хочется начать, чтобы предупредить возможные вопросы, недоумения и возражения.

Как в той, так и в этой книге я ориентировалась на зарубежную (прежде всего американскую, ибо когнитивная лингвистика сложилась в США) традицию понимания сути данного направления, его содержания и объема. Мне хотелось познакомить отечественного читателя с той *оригинальной* (в смысле: подлинной) когнитивной лингвистикой, как ее понимают на Западе и описывают

в англоязычных монографиях и учебных пособиях. Несмотря на пресловутую нечеткость, размытость границ этой области исследований, в зарубежной науке уже давно сложилось достаточно устойчивое представление о ней, главным образом за счет ее институционализации. К когнитивным лингвистам причисляют прежде всего тех ученых, которые являются членами Международной ассоциации по когнитивной лингвистике (ICLA), публикуют свои работы в специализированных изданиях типа *Cognitive Linguistics* или *Cognitive Linguistics Research*, регулярно участвуют в соответствующих научных конференциях, часто упоминаются на страницах работ, посвященных когнитивным исследованиям языка, и в соответствующих библиографических подборках.

Отечественные же авторы — по-видимому, в силу недостаточной осведомленности — зачастую искаженно представляют суть данного направления, неправомерно расширяя или, наоборот, сужая его объем, выдавая периферийные явления за центральные и т. д. Так, к нему охотно причисляют исследования, связанные с фреймами и сценариями, которые, несомненно, имеют отношение к когнитивным аспектам языка, но возникли в рамках теории искусственного интеллекта и когнитивной психологии задолго до формирования когнитивной лингвистики, так что было бы более корректно рассматривать их в качестве предпосылок последней. Другой пример — неоднократные попытки российских языковедов свести богатство и разнообразие данной области исследований исключительно к анализу так называемых культурных концептов. На этом фоне я видела свою задачу в том, чтобы очистить понятие когнитивной лингвистики от различных «наслоений», которыми оно «обросло» в отечественном филологическом узусе.

Впрочем, даже обозначенный выше институциональный подход к выделению данной области оставляет большую свободу в выборе предмета описания, ибо когнитивную лингвистику, безусловно, отличает многообразие исследовательских подходов. В подобной ситуации разумно попытаться выделить некое ядро — наиболее известные и репрезентативные теории, наилучшим образом воплощающие суть этого направления и наиболее отчетливо с ним ассоциирующиеся. Для меня также было важно, чтобы их авторы были профессиональными языковедами и преимущественное внимание уделялось именно лингвистическим (а не психологическим, философским, физиологическим, информационным и т. д.) проблемам. В итоге я остановилась на четырех

персоналиях — Дж. Лакоффе, Р. Лангакере, Ж. Фоконье и Л. Талми. Изложение содержания их концепций и составило основной текст книги; за немногими исключениями, ссылки на работы предшественников, последователей и критиков, а также близкие по духу исследования авторов, не принадлежащих к рассматриваемому направлению, вынесены в примечания — с целью разграничить главный предмет рассмотрения и соображения, имеющие отношение к нему «по касательной». Само собой разумеется, что последних может быть очень много; если я злоупотребила вниманием читателя, прошу прощения.

В завершение мне хочется сказать слова благодарности всем тем, кто помог мне в реализации настоящего замысла, — из них прежде всего хочется назвать Т. В. Черниговскую и А. С. Асиновского, которые, ознакомившись с моей первой монографией, доверили мне читать курс лекций по когнитивной лингвистике в руководимых ими подразделениях — соответственно на кафедре общего языкознания филологического факультета СПбГУ и в Центре переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению при СПбГУ. Опыт лекционной работы способствовал систематизации знаний и их осмыслению в более широком контексте отечественной и зарубежной лингвистики; важную роль в этом сыграли вопросы и комментарии, исходившие от студентов и слушателей. Хочется высказать глубокую признательность и всем тем, кто помог мне при подготовке первой монографии: это, прежде всего, ее ответственный редактор Н. Л. Сухачев, рецензенты В. В. Богданов и С. А. Кузнецов, а также сотрудники отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН и лично его руководитель Н. Н. Казанский, принявшие активное участие в обсуждении книги и рекомендовавшие ее к печати. Ценную помощь на протяжении всех этих лет мне оказывали работники Библиотеки РАН, в том числе ее отделения в Институте лингвистических исследований.

Глава I

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Еще одна междисциплинарная область знания

Когнитивная лингвистика — современная, активно развивающаяся область научных исследований. Своим возникновением она обязана, главным образом, работам американских языковедов, однако впоследствии приобрела своих приверженцев в европейских странах и в России. К настоящему моменту за рубежом существует уже целый ряд учебных пособий и хрестоматий по когнитивной лингвистике [Ungerer, Schmid 1996; Lee 2001; Croft, Cruse 2004; Evans, Green 2006; Geeraerts 2006; Kristiansen et al. 2006]. Широкий отечественный читатель знакомился с этим направлением по мере выхода в свет соответствующих обзорных публикаций на русском языке [Герасимов 1985; Демьянков 1994; Кубрякова 1994; Ченки 1996; 1997; Баранов, Добровольский 1997; Рахилина 1997; Рахилина 1998а; Скребцова 2000 и др.]. С известностью пришла и популярность, о чем свидетельствует стремительно растущий объем русскоязычных публикаций, авторы которых используют выражения *когнитивная лингвистика*, *когнитивный подход*, *когнитивные исследования* и т. п. Конечно, в этом есть и своеобразная дань моде, но все же определяющим фактором, по-видимому, является интерес к тому новому, что предложили когнитивисты в области анализа и описания языка, признание их вклада актуальным, достойным внимания и плодотворным.

Когнитивная лингвистика не вписывается в рамки одной науки, а лежит на пересечении нескольких дисциплин, что является характерной особенностью современного гуманитарного знания — достаточно вспомнить другие «пограничные» области, такие как

психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, биолингвистика, юрислингвистика, компьютерная лингвистика, политическая лингвистика, а также лингвогеография, лингвистическая антропология и др. Междисциплинарность когнитивной лингвистики выражается в активном привлечении сведений и экспериментальных данных из других наук: прежде всего из психологии, но также из философии, нейрофизиологии, социологии, политологии, этнографии, теории искусственного интеллекта и др. Определяющая роль в этом комплексе, однако, принадлежит лингвистике, и наибольший вклад в становление и развитие данной области внесли и продолжают вносить именно лингвисты. При этом они берут на себя так называемое *когнитивное обязательство* (*cognitive commitment*), которое требует, чтобы объяснение и описание языковых фактов не противоречило эмпирическим данным других наук [Lakoff 1990: 40].

Зарождение когнитивной лингвистики

Официальное «рождение» когнитивной лингвистики приурочивают к Международному лингвистическому симпозиуму, состоявшемуся весной 1989 г. в Дуйсбурге (Германия) и ставшему одновременно Первой международной конференцией по когнитивной лингвистике. Участниками симпозиума была создана Международная ассоциация когнитивной лингвистики (*International Cognitive Linguistics Association*), основан журнал *Cognitive Linguistics* и задумана серия монографий *Cognitive Linguistics Research*, в которой впоследствии публиковались труды выдающихся представителей этого направления.

Однако по существу когнитивная лингвистика возникла раньше, и конец 1980-х гг. — это период не зарождения ее, а расцвета, время выхода в свет многочисленных работ, выполненных в духе соответствующей идеологии. К моменту организационного оформления когнитивной лингвистики уже был опубликован целый ряд монографий, впоследствии признанных классикой данного направления (ср., напр., [Lakoff, Johnson 1980; Johnson-Laird 1983; Fauconnier 1985; Lakoff 1987; Langacker 1987]).

Многие ученые связывают зарождение когнитивного подхода в языкознании с выходом в свет знаменитой книги Джорджа Миллера и Филипа Джонсона-Лэрда «Язык и восприятие» [Miller, Johnson-Laird 1976]. Ее авторы поставили перед собой задачу заложить основы «психолексикологии» — науки, изучающей си-

стему языка в психологическом аспекте. Как показало будущее, психолексикологии не суждено было состояться, — однако состоялась когнитивная лингвистика, в значительной мере унаследовавшая предложенные Миллером и Джонсоном-Лэрдом идеи и подходы.

Основной постулат когнитивной лингвистики

Термин *когнитивный*, заимствованный в русский язык из английского (*cognitive*), восходит к латинскому и далее к греческому корням, связанным с понятиями познания, знания, мышления. Исследователи, стоявшие у истоков когнитивной лингвистики, провозгласили ее основополагающим принципом связь языка и когниции (от англ. *cognition*). При этом *когниция* охватывает в совокупности процесс достижения знания (т. е. познание) и его результат (т. е. знание) [Кубрякова 1994: 35].

Это утверждение (о том, что язык связан с когницией) может показаться отечественному читателю, воспитанному на идеях Л. С. Выготского и трудах советской школы психолингвистики, банальным и «пустым». В советском языкознании связь языка с мышлением (а следовательно, с познавательным процессом, а значит, и его результатом) сомнению не подвергалась.

Иначе обстояло дело на Западе, в особенности в США, где в 1960–1970-е гг. уверенно доминировала генеративная лингвистика с ее стремлением моделировать абстрактную языковую компетенцию некоего «усредненного» говорящего, функционирующего в «нейтральной» среде. В этом контексте тезис о том, что язык связан с познанием, а следовательно, с познающим человеком (его мышлением, понятийной системой, физиологией, психикой, социально-культурными особенностями, фоновыми знаниями, прошлым опытом и т. п.), прозвучал весьма революционно.

В силу известных внешних обстоятельств отечественное языкознание в XX в. развивалось в значительной степени самостоятельно и не знало тех резких смен парадигм¹, что были характерны для западной лингвистики. Для того чтобы в полной мере оценить значение фундаментального постулата когнитивной лингвистики, следует вспомнить основные вехи драматичной истории зарубежного языкознания в XX в.

---

¹ Ср. предложенную Д. Герартсом метафору маятника [Geeraerts 1988a: 672].

Возникновение когнитивной лингвистики можно рассматривать в двух аспектах:

- как этап в развитии языкознания;
- как результат становления когнитивной парадигмы в науке.

Как мы увидим ниже, эти линии развития не являются независимыми: их объединяет фигура Ноэма Хомского — основателя трансформационной порождающей грамматики и видного деятеля «когнитивной революции». Таким образом, предпринятое разделение достаточно искусственно, но может быть оправдано соображениями, касающимися логики изложения. Каждый из этих аспектов обеспечивает определенную перспективу, позволяющую лучше понять суть когнитивной лингвистики, причины ее возникновения и место в современной науке. Обратимся к их рассмотрению.

Когнитивная лингвистика как этап в развитии языкознания

Эволюция лингвистической мысли в XX в. и место когнитивной лингвистики по отношению к другим теориям языка могут быть проиллюстрированы схемой (рис. 1), заимствованной из статьи [Geeraerts 1988a]. Собственно говоря, данная схема отражает основные вехи в развитии лексической семантики, однако для наших целей — выявления причин, вызвавших к жизни когнитивные теории языка, — она вполне подходит, ибо, как будет показано ниже, именно семантика составляет главный предмет исследования когнитивной лингвистики. Схема заслуживает внимания еще и потому, что представляет собой «взгляд изнутри» (ее автор — голландский лингвист Дирк Герартс — является видным представителем рассматриваемого направления) и позволяет судить о том, как сами когнитивисты видят свое место в истории языкознания и в его сегодняшнем дне, как они «позиционируют» себя по отношению к другим направлениям лингвистической мысли. В несколько адаптированном виде схема приводится ниже.

Указанные даты, по замыслу Герартса, отражают период доминирования того или иного направления в лексической семантике. Дадим краткую характеристику соответствующих этапов в развитии языкознания и некоторые комментарии к схеме Герартса.

Рис. 1. Основные этапы развития лексической семантики
[Geeraerts 1988a: 673]

Историко-филологическая наука

Конец XIX — начало XX в. — это время, когда семасиология (занимавшаяся в то время преимущественно вопросами лексического значения) еще не выделилась в самостоятельную дисциплину и оставалась тесно связанной с историей и психологией. Соответственно описание семантической стороны языка осуществлялось с историко-этимологической или психологической точек зрения. Этот этап¹ развития языкознания связан с именами таких ученых, как Г. Пауль, В. Вундт, Э. Велландер, М. Бреаль, А. Дармстетер, А. А. Потехня, М. М. Покровский.

Характерной особенностью данного периода является так называемый атомистический подход — стремление на примерах из истории отдельных слов выявлять общие типы изменения значений, а при рассмотрении причин и природы этих изменений сосредоточивать внимание главным образом на внеязыковых факторах. Под влиянием идей ассоциативной психологии семантические изменения объяснялись через ассоциации, близость «представлений». Значения считались некими психологическими сущностями и не отграничивались принципиально от идей, понятий и представлений. Язык считался тесно связанным с психикой и не мыслился отдельно от других когнитивных способностей человека.

¹ Заметим, что Герартс объединяет в рамках одного периода то, что принято разбивать на два этапа — «сравнительно-исторический» и «психологический» [Караулов 1987: 12–15; Степанов 1990: 439–440].

Структурная лингвистика

Принципы структурного подхода к языку были сформулированы в знаменитом «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра, посмертно изданном его учениками Ш. Балли и А. Сеше в 1916 г. Разумеется, невозможно в нескольких словах выразить суть целостной и глубокой концепции автора. Ограничимся некоторыми положениями, которые представляются важными с точки зрения истории развития лингвистической мысли. Ниже приводятся основные тезисы, по которым Соссюр противопоставил свое учение прежним теориям языка и которые, в свою очередь, оказали серьезное влияние на дальнейшую историю лингвистики [Соссюр 1999: 16–30, 76, 82 и др.]:

- Соссюр выдвинул новый взгляд на язык как на систему знаков, выражающих понятия, и на лингвистику как составную часть науки о знаковых системах — последнюю он предложил назвать *семиологией*;
- Соссюру принадлежит требование разграничения «внутренней» и «внешней лингвистики», освобождения языкознания от посторонних влияний;
- разделив язык и речь и противопоставив их по основаниям «социальное — индивидуальное» и «существенное — побочное, случайное», единственным объектом лингвистики в собственном смысле Соссюр считал язык;
- в основе концепции Соссюра лежит взгляд на язык как на систему, представляющую собой сложный механизм и подчиняющуюся лишь своему собственному порядку.

Выход в свет лекций Соссюра оказал огромное влияние на языкознание и привел к формированию структурной лингвистики¹ — мощного направления, которому было суждено определить ход развития языкознания в XX в. В его основе лежали заложенные Соссюром принципы анализа языка как автономной, самодостаточной системы. Язык рассматривался структуралистами как иерархия уровней (фонологический, морфологический и т. д.), каждый из которых представлен набором единиц и правил, по которым образуются единицы следующего, более высокого, уровня.

Структурный подход к описанию уровней языкового строя оказался весьма плодотворным в фонологии и с успехом приме-

---

¹ И — в более широком контексте — структурализма, в той или иной степени затронувшего все гуманитарные дисциплины.

нялся в морфологии. На более высоких уровнях языка, однако, исследователи столкнулись с серьезными трудностями, связанными с необходимостью учитывать смысловую сторону языка в ситуации, когда опыт систематических исследований значения еще не был накоплен. К тому же семантическая проблематика неизбежно выходит за рамки собственно языка, а это противоречит идее изучать язык «в самом себе и для себя». Как результат структурная лингвистика избегала анализировать значения и при этом наивно полагала, будто, минуя значения, можно построить убедительную теорию языка. За «эталон» уровней языка были взяты фонология и формально понятая морфология. Десятилетия спустя видный американский лингвист Уоллес Чейф назвал эту тенденцию «фонетическим креном» [Чейф 1975: 76]. Однако следует отметить, что европейский структурализм все же не исключал явным образом семантику из лингвистики, так как, по Соссюру, означаемое является составной частью знака.

В США зарождение структурной лингвистики связано с книгой Леонарда Блумфилда «Язык» (1933)¹. Структурализм распространяется в Америке, что вскоре приводит к его доминированию в мировом масштабе. Американский структурализм, по сравнению с его европейской «разновидностью», характеризовался гораздо более радикальной позицией по отношению к семантической проблематике: значение было сознательно исключено из сферы языковых исследований. Родоначальник американского структурализма Л. Блумфилд, задавшись целью сделать лингвистику точной наукой (по образцу механики), рассматривал язык как естественнонаучный объект и стремился описать его со всей возможной строгостью². Однако этому мешала проблема языкового значения, не укладывавшегося в жесткий формат описания — в отличие от языковых звуков и форм. Отсюда Блумфилд сделал вывод о невозможности изучать и описывать значение на современной ему стадии развития языкознания. Хорошо известно его утверждение: «Определение значений является таким образом уязвимым звеном в науке о языке и останется таковым до тех пор, пока человеческие

---

¹ Блумфилд был знаком с концепцией Соссюра и, согласно свидетельству Р. Якобсона, упомянул «Курс общей лингвистики» в числе пяти работ, оказавших на него наибольшее влияние [Мауро 1999: 279].

² Это стремление отчасти было обусловлено потребностями изучения индейских языков, к которым, как утверждал Ф. Боас, традиционные лингвистические категории и методы неприменимы. В связи с этим и возникла идея создать такие процедуры описания языков, которые были бы пригодны для любых языков, независимо от их структурных особенностей.

познания не сделают огромного шага вперед по сравнению с современным их состоянием» [Блумфилд 1968: 143]. В итоге лингвистический анализ полностью сосредоточился на языковой форме, а семантические соображения игнорировались.

Известно, что на взгляды Блумфилда сильное влияние оказала идеология бихевиоризма (от англ. *behaviour* — поведение), безраздельно господствовавшего в те годы в психологии. Бихевиоризм исключал из сферы научного анализа все, что недоступно непосредственному наблюдению (т. е. все вопросы, связанные с мышлением, познанием, психикой), и сводил многообразие человеческого поведения к реакциям на стимулы. Любые умозрительные размышления считались мистицизмом и выходом за пределы науки. В результате проблема значения была сведена к «телесным движениям» и «физиологическим реакциям» слушателя на произнесенную форму¹. Такой подход не мог иметь никаких реальных последствий для исследования значений и практически означал лишь то, что они изгонялись из языкознания и передавались в ведение психологии и физиологии, занимавшихся «внешними и внутренними стимулами» и «телесными реакциями». Скептическое отношение Блумфилда к значениям могла усилить и философия логического позитивизма, занимающая настороженную позицию по отношению к тому, что недоступно непосредственному наблюдению при помощи органов чувств.

Подводя итог краткой характеристике структурного этапа в развитии языкознания, еще раз подчеркнем, что если «фонетический крен» в европейском структурализме оттеснил семантику на периферию лингвистических исследований, то американский бихевиоризм пошел еще дальше и полностью исключил значения из сферы лингвистики как неподведомственные ей объекты исследования. Идеи Блумфилда оказали огромное влияние на американскую лингвистику: она стала описательной (дескриптивной) и таксономической наукой, наподобие ботаники, геологии и астрономии².

---

¹ Можно согласиться с Дж. Лайонзом, который отмечает, что «человеческий язык включает в себя и поведенческий компонент» [Лайонз 1978: 441], так как существуют высказывания типа «*Здравствуйте!*», которые социально предписываются в определенных ситуациях и по сути являются «условными реакциями» на нее. Однако едва ли «значительная часть» нашего повседневного пользования языком вполне адекватно описывается в „бихевиористских„ терминах» (курсив мой. — Т. С.) [там же: 440].

² Разумеется, мы имеем в виду господствовавшую тенденцию, которая не исключала наличия других течений и школ, придерживавшихся зачастую не просто отличных, но противоположных взглядов. Вспомним, что на этот же период (1920–1940-е гг.) приходятся исследования Э. Сепира и его ученика Б. Л. Уорфа, последовательно проводивших идеи ментализма.

Трансформационная порождающая грамматика

Следующий период в истории зарубежного языкознания связан с именем Ноэма Хомского, создавшего модель трансформационной порождающей (или, как принято теперь говорить, генеративной) грамматики. Как известно, первая версия этой грамматики, изложенная в книге Хомского «Синтаксические структуры», появилась в 1957 г. (русский перевод — 1962); впоследствии автор неоднократно вносил изменения в первоначальный вариант модели, так что возникали все новые ее модификации. С середины 1950-х до середины 1970-х гг. генеративная грамматика доминирует в зарубежном языкознании, а Хомский занимает ведущие позиции в американской лингвистике и когнитивной психологии.

Примечательно, что Герартс не противопоставляет трансформационную семантику предшествовавшей ей структурной семантике, а рассматривает их в тесной связи друг с другом. По его мнению, генеративная семантика представляет собой кульминацию структурного подхода к лексическому значению [Geeraerts 1988a: 666–669]. Однако в более широкой перспективе вопрос о соотношении структурализма в языкознании и пришедшего ему на смену генеративизма остается спорным¹. Под влиянием знаменитой книги о парадигмах научного знания [Кун 1975] многие зарубежные ученые уверенно говорят о генеративной парадигме, сложившейся в результате так называемой хомскианской революции. В то же время другие авторы выдвигают возражения против уместности терминов *парадигма* и *революция* — как при описании истории лингвистики вообще (в силу известной преемственности взглядов, отсутствия резких «разрывов»), так и применительно к смене дескриптивизма генеративизмом (идеям Хомского находят параллели в постструктуральной концепции его учителя Зеллига Харриса)².

Как и при рассмотрении структурного этапа в языкознании, нас интересуют прежде всего те отличительные черты генеративного направления, которые существенны с точки зрения его места в истории лингвистики, а именно:

- был провозглашен и реализован дедуктивный принцип в описании языка — взамен характерного для американско-

---

¹ Об отношении Хомского к структуралистской концепции Соссюра см. [Поляков 1987: 112–135].

² Подробное изложение различных взглядов по этому вопросу см. [Кубрякова 1995].

го дескриптивизма индуктивного, эмпирического подхода, при котором задача лингвиста ограничивалась сбором наблюдаемых фактов, их описанием и классификацией. Бесперспективность индуктивного подхода, ставшая очевидной к моменту возникновения генеративной грамматики, обусловила решение Хомского строить лингвистику «сверху вниз», как теоретическую дисциплину¹. Это потребовало кардинального пересмотра взгляда на сущность языка, выдвижения новых представлений и гипотез (в том числе дихотомии *языковая компетенция — употребление* (англ. *competence — performance*));

- представление о языке как порождающем устройстве привело Хомского к созданию динамической модели языка взамен существовавших ранее статических. С установления единиц акцент был перенесен на выведение правил;
- «центр тяжести» в генеративной грамматике был смещен с описания фонологии и морфологии на синтаксис. Постулировалось существование относительно небольшого числа глубинных синтаксических структур (представляющих собой некие абстрактные схемы строения предложений) и реализующих их поверхностных структур (более многочисленных и специфичных для конкретных языков), связанных между собой правилами трансформации. Таким образом, глубинные и поверхностные структуры соотносятся между собой как универсальный каркас «языка вообще» и детали конкретных языков [Демьянков 1995: 246]. Сделанная Хомским ставка на синтаксис и обращение к ненаблюдаемым феноменам отражали стремление изучать вопросы, касающиеся самых общих свойств языка, его усвоения, организации знания языка в голове человека, механизмов вербального поведения;
- концепция языка как системы чистых отношений сменилась взглядом на язык как на ментальный, или психический, феномен. Внимание переключилось с описания внешних проявлений языка (англ. *E-language*, от *externalized* — ‘внешний’) на изучение языка «внутри человека», т. е. его языковой способности (англ. *I-language*, от *internalized* — ‘внутренний’).

---

¹ Ср.: «Американская дескриптивная лингвистика увязла в описательных процедурных манипуляциях, а Н. Хомский предложил ей заняться большими, глобальными проблемами теоретической лингвистики. Он потребовал, <...> чтобы наука о языке поднялась на следующую ступень своего научного становления и превратилась из науки описательной в науку объяснительную» [Звегинцев 1978: 9–10].

При этом сама модель генеративной грамматики мыслилась как отражение этой языковой способности;

- языкознание утратило свою былую автономность и сблизилось с когнитивной психологией, что повлекло за собой возникновение психолингвистики.

Перечисленные особенности как будто подтверждают заявления Хомского о том, что его теория является антитезой американскому структурализму. Вместе с тем у Хомского можно найти и черты, роднящие его со структуралистами (этим и объясняется отмеченное выше отсутствие единого мнения относительно того, состоялся ли в генеративной грамматике полный разрыв с предшествующей традицией). К таковым прежде всего следует отнести стремление обойти стороной проблемы значения. По едкому замечанию критика, у Хомского «было глубокое методологическое отвращение к значению, и его работа придала новую силу одному из ключевых элементов блумфилдовской политики в отношении значения: в формальном анализе его следует избегать» (цит. по: [Вежбицкая 1999: 7–8]).

Дело в том, что в основе модели Хомского (во всех ее модификациях) лежит автономный синтаксический компонент, который порождает структуры, непосредственно лишённые семантического содержания. В первой версии генеративной грамматики семантический компонент как таковой вообще отсутствовал, в результате чего порождались такие грамматически правильные, но бессмысленные предложения, как знаменитое «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (*Colorless green ideas sleep furiously*). Обрушившийся на Хомского поток критики привел к дополнению модели семантическим компонентом, который впоследствии постоянно разрастался и усложнялся. Взаимоотношению синтаксиса и семантики в генеративной модели стали уделять все больше внимания, но суть вещей от этого не менялась: семантическое описание оставалось лишь «довеском» к основному синтаксическому построению, сохранившему свою автономность и приоритетность¹.

На схеме Герарта от трансформационной семантики вниз идут две стрелки, соответствующие двум линиям развития лингвистики. Одна привела к созданию в 1970–1980-е гг. различных теорий логической (формальной) семантики, другая — к возникновению

---

¹ По образному выражению В. А. Звегинцева, семантика «вошла в американскую лингвистику не через парадную дверь, а через заднее крыльцо, сразу же попав в объятия синтаксиса» [Звегинцев 1981: 16]. Разделение понятий грамматичности (*grammaticality*) и осмысленности (*meaningfulness*), описание грамматики в отрыве от значения превратилось в «бомбу замедленного действия» [Coulthard 1977: 3].

когнитивной семантики (указанный в схеме 1975 г. — это, по-видимому, «округленная» дата выхода в свет книги Миллера и Джонсона-Лэрда (см. выше)). В проекции на языкознание вообще речь идет о сосуществовании на данном этапе двух противостоящих направлений: формальных теорий языка и когнитивной лингвистики. Тот факт, что оба они имеют своим предтечей Н. Хомского, лишь подтверждает незаурядность фигуры последнего.

Формальные теории языка

Формальные теории схожи с генеративной грамматикой в том, что они также представляют собой попытку описать язык формализованно с целью реализации полученной модели на ЭВМ. При этом привлекается мощный и разнообразный математический аппарат (теория конечных автоматов, теория рекурсивных состояний, теория множеств, исчисление предикатов, понятия математической логики и т. д.). Формальные описания находят свое практическое применение в создании автоматических систем обработки языка, организации баз данных, моделировании искусственного интеллекта.

Отличительной чертой формальных теорий является представление о том, что естественный язык в своих существенных свойствах не отличается от искусственных; отсюда — высокий уровень абстракции описания. Цель видится в создании универсальной грамматики, которая охватила бы не только все естественные языки, но и искусственные языки логики. Яркий пример тому — известная грамматика Ричарда Монтегю (*Montague*).

Применительно к естественному языку логическая семантика исходит из того, что значение основано на понятиях референции и истины, а истина состоит в соответствии языковых символов категориям или положениям вещей в окружающем мире. Работа соответствующих моделей обычно демонстрируется на примере ограниченного набора предложений определенного типа, которые переводятся в форму логического исчисления и затем анализируются с точки зрения их логических свойств (следствие, противоречие, эквивалентность) и условий истинности¹. В этом свойстве формальных теорий проявляется их существенное расхождение с концепцией Хомского. Для Хомского грамматика языка — это область психологии, а в формальных теориях — область логики.

---

¹ Что касается возможностей применения интенциональной логики к описанию лексического значения, то они еще более ограничены, что признается и самими представителями формальных семантик.

Когнитивная лингвистика

Если формальные теории языка наследуют генеративной грамматике по линии формализации, то когнитивная лингвистика связана с ней через менталистские устремления Хомского — его неприятие бихевиоризма, взгляд на язык как на явление психики, призыв к изучению «внутреннего» языка (*I-language*). Утверждая союз лингвистики и психологии, Хомский подчеркивал, что языковые явления способны пролить свет на когнитивные способности человека, ср.: «...в общем довольно специальное изучение структуры языка может способствовать пониманию человеческого разума» [Хомский 1972: 6]. Самим автором идея не была реализована, но, по остроумному замечанию Е. В. Рахилиной, «может быть, это и было то самое ружье, которое должно было однажды выстрелить» [Рахилина 1998а: 279].

Постоянное усложнение алгоритма и правил порождения в генеративной грамматике все сильнее загоняло ее в тупик, ибо всякий раз получалось, что какие-то фрагменты естественного языка не порождались, зато порождалось нечто такое, чего в языке не существует, так что требовались все новые усовершенствования, и так до бесконечности. Кризис, в котором оказалась генеративная теория, спровоцировал однажды мысль о том, что, возможно, человек думает и говорит совсем иначе — не алгоритмически.

Когнитивная лингвистика, возникшая как альтернатива генеративной теории, резко размежевалась с ней по вопросам, касающимся природы и внутренней организации языка. Точка зрения генеративистов представлена так называемым модулярным подходом (*modular approach*), согласно которому каждая система человеческого поведения есть автономный модуль, регулируемый своим набором принципов. Модули не вмешиваются в работу друг друга и взаимодействуют между собой лишь по ее окончании. Языковая способность рассматривается как один из таких автономных модулей. Утверждается независимость знания языка от знаний о мире, языковых структур — от общей организации человеческого мозга. Применительно к процессу понимания человеком высказываний на естественном языке данный подход означает фиксированный порядок обработки информации, а именно: сначала человек анализирует собственно лингвистическую информацию и только по завершении этого процесса обращается к рассмотрению контекста, а также к массиву общих знаний.

Альтернативный взгляд, которого придерживаются сторонники когнитивного направления, получил название холистического подхода (*holistic approach*). Приверженцы холизма рассматривают язык не как автономную подсистему, а как способность, обусловленную общим когнитивным механизмом. Язык — открытая система, и его свойства определяются процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта. Что касается языкового понимания, то когнитивисты считают, что учет контекста и общих знаний происходит в мозгу человека параллельно с анализом заключенной в высказывании собственно лингвистической информации и оказывает на последний непосредственное влияние.

Полемика о модулярности распространяется также на проблему взаимодействия различных уровней языка в процессе анализа того или иного высказывания. С точки зрения генеративистов, эти уровни (фонология, морфология, синтаксис, семантика) представляют собой самостоятельные модули, последовательно участвующие в процессе обработки информации¹. Сторонники когнитивного подхода, напротив, утверждают взаимозависимость и взаимовлияние разных уровней в процессе анализа человеком языковых сообщений, и их точка зрения имеет солидное эмпирическое подкрепление. Уже в конце 1960-х гг. в исследованиях Дж. Росса, Дж. Мак-Коли и Дж. Лакоффа (работавших тогда в рамках генеративной семантики) было показано, что семантический и прагматический компоненты предложения могут существенно влиять на анализ его синтаксической структуры.

Когнитивная лингвистика, провозгласившая неразрывное единство языка и ментальной организации человека, превратила замечание Хомского о том, что язык может служить источником сведений о мышлении, в методологический принцип. Язык получил статус «окна» в человеческое сознание (*mind*) [Fauconnier 1999: 96], а языковые структуры стали материалом для рассуждений о ментальных репрезентациях² (ср. ментальные модели

---

¹ Этот принцип нашел свое отражение в многочисленных так называемых уровнях моделях автоматической обработки естественного языка.

² А. Е. Кибрик справедливо замечает, что теоретически возможны два пути установления отношений между языковыми и когнитивными структурами: 1) от мышления к языку и 2) от языка к мышлению. Однако на практике первый путь недостаточно перспективен ввиду недостаточности наших знаний о механизмах мышления. Напротив, второй путь открывает возможность целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы [Кибрик 2005: 148–149].

Ф. Джонсона-Лэрда, ментальные пространства Ж. Фоконье, идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа, образ-схемы М. Джонсона и др.). Это новое понимание языка, по-видимому, и составляет главное достижение когнитивной лингвистики на сегодняшний день [Болдырев 2002: 17], поскольку о создании полноценной теории языка, альтернативной генеративной грамматике, еще говорить рано.

В статье Герарта есть один существенный момент, не нашедший отражения в схеме. Сопоставляя два подхода к исследованию лексического значения — историко-филологический и когнитивный, — автор видит примечательное сходство между ними, проявляющееся в присущих им обоим психологической направленности и интересе к механизмам семантического развития слов. Это позволяет мысленно наметить связь между первым и последним этапами в развитии лексической семантики и некоторым образом «замкнуть» схему.

Подводя итог историческому обзору, нельзя не обратить внимание на постоянное расширение границ лингвистики в XX в., происходившее вследствие изменения представлений об объекте исследования. Описание системных свойств языка «в самом себе и для себя» сменилось в генеративной грамматике отказом от автономности языкознания, его сближением с психологией — с целью изучать язык «внутри человека». Однако идея автономности возникла вновь — на этот раз применительно к языковой способности. Хомский и его последователи выдвинули взгляд на язык как на отдельный модуль человеческого знания, который можно «вычленишь» и исчерпывающим образом описать, не привлекая прочие знания и когнитивные системы. Этот подход, в свою очередь, подвергся жесткой критике со стороны основоположников когнитивной лингвистики, провозгласившей в качестве своего фундаментального принципа связь языка с другими когнитивными способностями. Для них язык — уже не только когнитивная способность, но и когнитивный процесс [Кубрякова 1995: 193–194].

Изменение взглядов на природу и сущность языка явно коррелирует со сменой научных парадигм: переходом от структурализма к генеративизму, а затем от генеративизма — к когнитивизму [там же]. Из существенных черт последнего следует назвать, во-первых, переключение интересов исследователей с объектов познания на субъекта и, во-вторых, смещение интересов в сторону рассмотрения единиц, превышающих микроединицы анализа, изучавшиеся ранее [Меу 1982: 16–17]. Проявление этих особенностей можно наблюдать и в когнитивных исследованиях языка.

Когнитивная лингвистика как составная часть когнитивной науки

Возникновение когнитивной лингвистики было обусловлено не только историей языкознания, но и — в более широкой перспективе — развитием когнитивных исследований и становлением так называемой *когнитивной науки* (англ. *cognitive science*; в публикациях на русском языке встречаются также термины *когнитология* и *когитология*).

Зарождение когнитивизма принято относить к 1960-м гг. и связывать со стремлением преодолеть бихевиоризм как методологию научного исследования и вернуть мысль (*mind*) в науки о человеке [Демьянков 1994: 19]. Организационное выделение Центра когнитивных исследований при Гарвардском университете в 1960 г. знаменовало кардинальную ревизию бихевиористского подхода и расширение границ психологии. Усилиями ключевых фигур «когнитивной революции» — лингвиста Н. Хомского и психолога Дж. Миллера — была образована новая область исследований — психолингвистика, призванная изучать экспериментальным путем, как устроено знание языка (как язык «дан уму»), и проверять выдвигаемые лингвистами гипотезы. Психолингвистику, объединившую две дисциплины, можно рассматривать в качестве непосредственной предтечи когнитивной науки, продолжившей интеграцию различных областей знания [Кубрякова 1995: 188].

Пытаясь определить предмет когнитивной науки, Е. С. Кубрякова пишет, что это наука «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных, процессов. Большинство принимает определение когнитивной науки, согласно которому она представляет собой науку о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [Кубрякова 1994: 34]. Собственно, под «когнитологией» подразумевается не столько единая наука, сколько некий их комплекс («федерация наук»), объединяемый общей междисциплинарной программой изучения процессов, связанных со знанием и информацией [Демьянков 1994: 18; Кубрякова 1994: 35].

Какова же роль когнитивной лингвистики в этом комплексе и в чем ее специфика? По мнению Е. С. Кубряковой, лингви-

стика не просто является одной из наук когнитивного цикла, а входит «в число системообразующих когнитивную науку дисциплин» [Кубрякова 2004: 3]. Ее характерная особенность состоит в том, что, в отличие от других дисциплин (прежде всего психологии), интересующихся преимущественно общими вопросами строения человеческого мозга, когнитивная лингвистика уделяет основное внимание его концептуальному содержанию. Что люди знают о себе и о мире, откуда они знают то, что знают, как организовано это знание и как оно активируется (пускается в ход) — вот центральные вопросы, которые исследует когнитивная лингвистика [Gibbs 1996: 29, 40]. Ответы на них должен дать анализ языковых фактов. Возможность перехода от данных языка к выводам относительно когнитивных структур и механизмов зиждется на упомянутом выше программном тезисе о связи языка и когниции. Когнитивная лингвистика исходит из того, что познавательные механизмы и структуры сознания регулярно выражаются в языке. Поэтому язык признается ценным источником сведений о ментальной «инфраструктуре» человека, средством выявления и объяснения общих аспектов когниции [Fauconnier 1999: 102]¹.

Современный этап развития когнитивной лингвистики

Когнитивные лингвисты — кто они?

Современный этап развития западной лингвистики может быть (в несколько упрощенном виде) представлен как противостояние двух «лагерей»² — генеративного и когнитивного³. Когнитивная лингвистика, возникшая позже генеративной и подающая себя в

---

¹ Это утверждение имеет и обратную, не очень приятную для профессиональных лингвистов, сторону: если структурная лингвистика изучала язык «в самом себе и для себя», то в когнитивной лингвистике языку отведена роль не более чем «поставщика» материала, а выводы из его анализа относятся к ведению уже других дисциплин.

² И соответственно двух «концептуальных каркасов» (*framework*), в терминологии Карла Поппера [Поппер 1983: 558–593].

³ Любопытно, что в США эта оппозиция проявляется и в географическом плане: так, генеративная лингвистика сосредоточена преимущественно на Восточном побережье, где расположен знаменитый Массачусетский технологический институт (MIT), а когнитивная лингвистика более активно развивается на Западном побережье (в Калифорнийском университете). А. Ченки называет это соответственно «восточным» и «западным» полюсами американской лингвистики [Ченки 1996: 77].

качестве ее принципиальной альтернативы, формулирует свои постулаты по принципу «от противного»: отталкиваясь от тезисов предшественницы и подчеркивая их несостоятельность, ведущую к неадекватному описанию фактов языка. В итоге получается стройный хор голосов, на один лад твердящих, что к языку следует подходить «не так, как в генеративизме», однако единодушие и уверенность исчезают при вопросе «а как?».

Действительно, на данном этапе когнитивная лингвистика не представляет собой единого направления, объединенного общностью концепции и исследовательских подходов, — скорее, наоборот. Разнообразие используемых теоретических конструктов и терминов, широчайший спектр попадающих в поле зрения исследователей языковых явлений, активное использование массивов знаний, относящихся к другим дисциплинам, оригинальность авторских подходов к анализу материала¹ — все это затрудняет выявление сути когнитивной лингвистики как направления. Как справедливо замечает Р. М. Фрумкина, на вопрос «что это?» ответ будет дан «кто это» [Фрумкина 1999: 86].

Однако и вопрос «кто это?» не кажется простым. Во-первых, взгляды и интересы ученых могут со временем меняться: конечно, сегодня никому не придет в голову отрицать принадлежность Дж. Лакоффа и Р. Лангакера² к когнитивному направлению, однако начинали они с порождающей семантики. С другой стороны, стоявший у истоков когнитивной лингвистики Дж. Миллер со временем отошел от соответствующей проблематики, сосредоточив свои усилия на компьютерной лексикологии (известный проект *WordNet*).

Во-вторых, дело осложняется разницей между декларацией собственной принадлежности к когнитивной лингвистике и фактическими исследованиями языка в духе когнитивного подхода, учитывающими данные других дисциплин (прежде всего экспериментальной психологии и нейрофизиологии), что позволяет

---

¹ По мнению В. И. Герасимова, это явление вообще достаточно типично для междисциплинарных исследований и объясняется тем, что разные подходы сохраняют некоторое «семейное сходство» со своими источниками — в данном случае когнитивной психологией, исследованиями в области искусственного интеллекта, психолингвистикой и т. д. [Герасимов 1985: 218]. Как справедливо замечает Дж. Тейлор, когнитивное обязательство само по себе не диктует определенной исследовательской стратегии [Taylor 1995: 4].

² Здесь и далее мы используем уже закрепившиеся в отечественной литературе способы транслитерации иноязычных фамилий, при этом сознавая, что они не всегда соответствуют оригинальному произношению.

выходить на обобщения междисциплинарного характера. Так, есть много ученых, на словах примкнувших к новому модному направлению, но на деле продолжающих свои исследования во вполне традиционном духе и не желающих брать на себя «когнитивное обязательство»¹. В то же время можно назвать целый ряд блестящих лингвистов, на протяжении многих лет занимающихся проблемами связи языка и сознания, языковых и понятийных структур, но не считающих нужным непременно ассоциировать свое имя с когнитивной лингвистикой, — например Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Вежбицкая, Р. Джекендофф.

Эта ситуация полемически заострена в статье Б. Петерса [Peeters 1998], который предлагает различать когнитивных лингвистов с маленькой буквы — тех, кто действительно стремится связать лингвистику с когнитивной психологией и нейрофизиологией, — и Когнитивных Лингвистов с большой буквы — тех, кто только провозглашает себя таковыми. Парадокс заключается в том, что первые, действительно достойные называться когнитивными лингвистами, в научном сообществе таковыми не считаются, а вторые, «захватившие» этот титул, нередко далеки от когнитологической проблематики и не чувствуют никаких обязательств по отношению к этому названию. Впрочем, есть и исключения: среди Когнитивных Лингвистов попадаются и настоящие когнитивные лингвисты (например, Дж. Лакофф) [там же].

Воспользовавшись обозначениями Б. Петерса, сформулируем свою позицию. Мы понимаем когнитивную лингвистику как институционализированное направление, члены которого недвусмысленно заявляют о своей принадлежности к нему, поэтому в настоящей книге мы не будем говорить о тех когнитивных лингвистах, которые сами себя к нему не причисляют. Труды некоторых из них, кстати, неоднократно переводились на русский язык (Ч. Филлмор, У. Чейф, А. Вежбицкая, Р. Шенк, Т. А. ван Дейк). Не рассматривается также концепция Р. Джекендоффа, во многом близкая к когнитивной лингвистике, но построенная на идее модулярности и автономного синтаксиса². В книге обсужда-

---

¹ Действительно, употребление термина *когнитивный* в зарубежных публикациях нередко сигнализирует не столько о принятии автором «когнитивного обязательства», сколько о соответствующем «позиционировании» себя.

² Обсуждению непростых отношений между концептуальной семантикой Джекендоффа и постулатами когнитивной лингвистики посвящены, в частности, статьи [Deane 1996; Goldberg 1996; Jackendoff 1996]. См. также сравнение концепций Лакоффа, Лангакера и Джекендоффа в [Ченки 1996], где автор, комментируя позицию Джекендоффа, небеспристрастно замечает: «...одной ногой он уже находится на

ются только исследования Когнитивных Лингвистов; из них мы выбрали тех, которые являются крупнейшими фигурами данного направления и, на наш взгляд, достойны считаться также и истинными когнитивными лингвистами (с маленькой буквы).

Едва ли разумно рассматривать когнитивную лингвистику как категорию с четко очерченными границами — скорее, более уместным будет провозглашенный Э. Рош прототипический подход, предполагающий наличие центральных (явно выраженных) случаев и менее типичной периферии. Если попытаться определить содержание книги в этих терминах, то следует сказать, что ее основу составляют концепции центральных представителей когнитивной лингвистики, к каковым мы причисляем Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Ж. Фоконье и Л. Талми. Современная когнитивная лингвистика в том виде, как она есть, сложилась прежде всего благодаря их работам. Естественно, при этом в поле зрения попадают и другие авторы — предшественники, ученики, критики и т. д., — занимающие более периферийное положение в рассматриваемом направлении или вовсе к нему не принадлежащие. В том числе привлекаются релевантные исследования отечественных лингвистов.

Оригинальность концепций упомянутых выше четырех авторов, каждая из которых основывается на особых понятиях, описывается при помощи специальных, нередко присущих только ей, терминов, исследует собственный предмет, затрудняет их сопоставление, тем более что сами представители когнитивной лингвистики обычно не стремятся к сравнительному анализу теорий, поэтому изложение строится в большей степени по авторам, чем по темам.

В книге не обсуждается целый ряд направлений в исследованиях языка, обнаруживающих близость к когнитивной лингвистике, но сложившихся и развивающихся независимо, а именно: усвоение языка (родного и иностранного), распознавание и синтез речи, ментальный лексикон, моделирование умозаключений, построение когнитивно адекватных моделей автоматической обработки языка, нейронные сети, когнитивные исследования дискурса и др. Некоторые из них традиционно включаются в психолингвистику¹, другие тяготеют к теории искусственного интеллекта, третьи — к дискурсивным исследованиям и т. д.

почве когнитивного подхода, а другой — погряз в традиции порождающего синтаксиса» [там же: 77].

¹ Об отношениях между психолингвистикой и когнитивной лингвистикой см. [Паршин 1996; Фрумкина 1999].

Фундаментальные принципы когнитивной лингвистики

Как отмечалось выше, когнитивная лингвистика достаточно разнородна, что затрудняет выделение особенностей, единых для всех соответствующих концепций. Скорее, можно говорить о некоторых основополагающих принципах, которые неоднократно заявлялись и обсуждались в трудах классиков данного направления. Эти принципы носят достаточно общий характер, будучи обусловлены идеями когнитивизма и/или характерными («парадигмальными» [Кубрякова 1995: 206]) чертами современной лингвистики. Перечислим главные из них.

1. Когнитивная лингвистика основывается на холистическом подходе к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком — в противовес отстаиваемому генеративистами модулярному подходу (см. выше).

2. Языковая способность считается проявлением общих когнитивных механизмов, следовательно, через посредство языка можно изучать человека — его мышление, память, познавательные процессы и т. д. Лингвистический анализ не ограничивается описанием языкового поведения, но распространяется и на соответствующие ментальные состояния и процессы. Его цель — создание единой модели, объясняющей, как устроено языковое знание человека и как он его использует в процессах порождения и восприятия речи.

3. Провозглашается органическая связь языкового знания с психической организацией человека, что отрицает возможность алгоритмического подхода к описанию языка (через набор элементов и правила их сочетания друг с другом). В связи с этим высказываются предложения в пользу сближения лингвистики с биологией [Langacker 1988a: 4]¹ — в противовес практиковавшемуся в структурализме и генеративной грамматике союзу с логикой и математикой.

4. Антропоцентрический принцип как отличительная черта современного языкознания (и шире — «очеловечивание» науки в целом, обретение ею «антропного» характера [Караулов 1987: 19]) в когнитивной лингвистике естественно вытекает из постулата о связи языка с когницией, сознанием, психикой человека. «Антропоцентрическое по своей природе» [Телия 1988: 173] сознание человека отражается в языке, следовательно, язык также

---

¹ В настоящий момент уже можно говорить об образовании так называемой биолингвистики [Jenkins 1999; 2004; Givón 2002], ключевые идеи которой были высказаны еще в знаменитой книге Леннеберга [Lenneberg 1967].

антропоцентричен, т. е. ориентирован на человека, «смотрит» на мир с точки зрения человека [Рахилина 2000: 338]¹. В когнитивной лингвистике считается, что антропоцентричность буквально пронизывает язык, проявляясь в широком спектре языковых структур.

5. Подчеркивается центральная роль физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации его понятийной системы. В связи с этим выдвигается тезис о том, что мышление «воплощено» (*embodied*) [Johnson 1987, 1992; Lakoff 1987], т. е. неразрывно связано с плотью человека, его анатомическими и физиологическими особенностями, телесным (прежде всего перцептивным и моторным) опытом². Подтверждение тому когнитивисты находят в языке, в частности при исследовании механизмов образности. Именно «воплощенностью» мышления, по их мнению, объясняются неудачи, связанные с моделированием искусственного интеллекта и автоматической обработкой языка.

6. Формулируется требование субъективизации лингвистических исследований — в противовес стремлению генеративистов к «объективному» описанию языка, в основу которого положена языковая компетенция некоего «усредненного» говорящего, функционирующего в «нейтральной» среде. На практике лозунг субъективизации прежде всего означает, что адекватный анализ значения языкового выражения невозможен без привлечения экстралингвистической информации, включающей в идеале широкий круг сведений об участниках коммуникации (социальные характеристики, психологические особенности, коммуникативные цели, фоновые знания, прошлый опыт и др.) и ситуации общения (место, время и обстановка, тип речевого события, статусно-ролевые характеристики участников, уровень официальности и т. д.). Вся эта информация образует контекст, и чем он обширнее, тем достовернее интерпретация текста³.

---

¹ Ср. также: «...язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 1974: 15].

² Ср. утверждение В. Н. Топорова о том, что представления о внешнем мире, Вселенной и пространстве оказываются мотивированными физиологическим аспектом человеческой жизни, конкретно — телом как «малым миром» [Топоров 1983: 245].

³ В своей рецензии на книгу Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи» Лангакер писал: «...мы с ним разделяем мечту (быстро становящуюся действительностью) о необъективистской лингвистике, которая отражала бы все богатство нашей умственной жизни и заслуживала бы ярлыка „когнитивная“ не по декрету, а ввиду ее естественности и психологического правдоподобия» (цит. по: [Ченки 1996: 74]).

Другой аспект субъективизации связан с особым вниманием к тому, как говорящий понимает и «представляет» ситуацию¹ (ср. аспекты образности у Лангакера, схематические системы Талми, ментальные модели Джонсона-Лэрда). Если генеративная грамматика исходит из того, что языковые выражения отражают положение дел в мире (или в одном из возможных миров), то для когнитивных лингвистов эта связь между языком и действительностью (реальной или вымышленной) всегда опосредована интерпретирующей деятельностью человека.

7. Функционализм (еще одна отличительная черта современного языкознания), несомненно, присущ когнитивной лингвистике², поскольку сфера ее интересов охватывает различные аспекты, связанные с использованием языка, — восприятие и порождение речи, интерпретация, запоминание и хранение информации. Когнитивная лингвистика изучает не языковую компетенцию, а употребление языка, язык в действии.

8. Основной предмет когнитивной лингвистики составляет языковое значение, так как именно оно является связующим звеном между языком и когницией³. (Поэтому словосочетания *когнитивная семантика* и *когнитивная лингвистика* нередко употребляются синонимично.) В соответствии с когнитивным обязательством (см. выше) к семантическим исследованиям предъявляется требование психологической адекватности. Широкое освещение получают проблемы лексической семантики (механизмы семантической деривации, структура значений многозначного слова, образные средства языка), что в целом не типично для западной (в особенности американской) лингвистики⁴.

9. Экспланаторность, или установка на объяснение языковых фактов, резко контрастирует с позицией дескриптивистов о том, что дело лингвиста — констатировать то, что есть, а объяснять — не его задача. Когнитивисты стремятся предложить интерпрета-

---

¹ В отечественных публикациях это явление получило название «вариативной интерпретации действительности» [Баранов, Паршин 1986].

² О взаимоотношениях между формальной, функциональной и когнитивной лингвистикой см. [Langacker 1999].

³ Ср.: «...если речь идет о каких-то общих с внеязыковыми правилами или хотя бы об общих принципах, на которые эти правила опираются, то это должны быть *семантические* правила» [Рахилина 1998а: 281].

⁴ В этом отношении весьма показательным было удивление известного американского лингвиста У. Вайнрайха перед самим фактом существования в советском языкознании такой дисциплины, как лексикология, и масштабом соответствующих исследований — по его свидетельству, в западноевропейской и американской лингвистике такой раздел отсутствует [Weinreich 1980: 315].

цию как можно большему числу языковых форм, так как убеждены, что они (языковые формы) мотивированы тем, как человек понимает окружающий мир.

10. Показ несостоятельности установленных в период структурализма границ (между языком и когницией, семантикой и психологией, знанием языка и знаниями о мире, словарной и энциклопедической информацией, семантикой и прагматикой, полисемией и омонимией и др.) сопровождается их разрушением. Когнитивная лингвистика провозглашает максимальную открытость, готовность инкорпорировать сведения из различных областей знания.

Перечисленные принципы, как кажется, достаточно полно очерчивают теоретический базис когнитивной лингвистики. Их согласованность и взаимосвязанность (отражение которых неизбежно затруднено при линейном порядке перечисления) обеспечивают внутреннее единство данного направления. Обращает на себя внимание острая полемичность утверждений, направленная на решительное отмежевание от структурализма и генеративизма, разрыв с предшествующей традицией.

Что касается методов исследования, в когнитивной лингвистике обычно практикуется интроспекция, иногда привлекаются данные опроса испытуемых. В этом отношении данное направление не вносит ничего нового, так как интроспекция традиционно признавалась и признается (хотя и негласно) в качестве допустимого методологического приема в семасиологических исследованиях [Geeraerts 1988a: 668] (исключение составляли некоторые радикальные структуралистские течения¹), а статистический опрос информантов заимствован из экспериментальной психологии. Это в какой-то мере объясняет категоричность заявления о том, что «разработанные подходы и результаты *обогащают* языкознание, но никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода» [Касевич 1998: 20]. На отсутствие у когнитивной лингвистики собственных ис-

---

¹ Так, дескриптивисты считали интроспекцию ненаучным методом и избегали ею пользоваться. Одним из первых американских лингвистов, выступивших с критикой этой позиции, был У. Чейф, ср.: «Если понятия находятся в нашем сознании, то именно там их и следует искать, но поступать таким образом означало бы навлечь на себя анафему со стороны бихевиористски настроенных исследователей недавнего прошлого» [Чейф 1975: 93]. По мнению С. Д. Кацнельсона, однако, «высказывания в защиту интроспекции определяются скорее общими антиструктуралистскими настроениями Чейфа, чем применяемыми им на деле методами исследования» [Кацнельсон 1975: 412].

следовательских методов обращает внимание и П. Б. Паршин [Паршин 1996: 30–31], делая, впрочем, единственное исключение для анализа метафор в варианте, предложенном Лакоффом и Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980]. Иной точки зрения придерживается Е. С. Кубрякова, которая, отмечая сосредоточенность когнитивной лингвистики на новых проблемах, новых областях анализа и новых «реальностях языка», считает, что собственный метод у данного направления есть и заключается он в постоянном соотношении языковых данных с другими опытными сенсомоторными данными [Кубрякова 1999: 5].

Когнитивная лингвистика и отечественные семантические исследования

В отечественной семантике термин *когнитивный* получил широкое распространение недавно¹ — в конце 1990-х гг., однако это не означает, что до того времени у нас отсутствовали научные работы, посвященные анализу взаимосвязи между структурами языка и мышления. На самом деле, российскими лингвистами эта задача была осознана гораздо раньше, и соответствующие исследования уже давно велись Московской семантической школой в рамках реконструкции наивной картины мира, отраженной в языке. Ввиду огромного числа публикаций на эту тему отметим лишь некоторые, наиболее репрезентативные: [Апресян 1986; 1995б; Роль человеческого фактора...1988; Логический анализ языка 1989 и след.; Понятие судьбы...1994; Яковлева 1994; Булыгина, Шмелев 1997; Шмелев 2002; Урысон 2003].

Несмотря на разницу в исследовательских традициях (изучение языковой картины мира восходит к гипотезе лингвистической относительности и далее — к теории семантического поля, а когнитивная лингвистика сложилась под влиянием идей когнитивизма), данные направления объединяет общее стремление делать

---

¹ Термин *когнитивный* в русскоязычных публикациях (о его использовании в зарубежных работах см. выше) нередко является данью моде и не несет никакой смысловой нагрузки, не говоря уже о когнитивном обязательстве. Показательно, что его устранение из заголовков и текстов многих статей никак не отражается на их содержании. Даже в недавней книге Е. В. Рахилиной [Рахилина 2000] его употребление не всегда кажется оправданным. По-видимому, это ощущала и сама автор, ср.: «Главная идея работы состоит в том, что сочетаемостные характеристики имен дают возможность восстановить некоторые — *мы назвали их когнитивными* — аспекты именной семантики» (курсив мой. — Т. С.) [там же: 7].

выводы о мышлении, сознании, понятийной системе человека, опираясь на анализ языковых фактов. Порой можно наблюдать удивительные параллели между исследованиями, выполненными независимо отечественными семасиологами и зарубежными когнитивными лингвистами¹. В то же время, как справедливо указывает Е. В. Рахилина [Рахилина 2000: 16], существует принципиальная разница в том, что касается используемых методов. Если в когнитивной лингвистике широко практикуется интроспекция и даже допускается статистический опрос испытуемых, то в отечественной семантике «разрешенную» основу лингвистического анализа составляет исключительно сочетаемость языковых единиц.

Исследования отраженной в русском языке наивной картины мира способствовали формированию особого направления, связанного с анализом так называемых «концептов». Появление в научном обиходе термина *концепт* (изначально — в переводах на русский язык работ А. Вежбицкой, Ч. Филлмора и др.) потребовало его разграничения с термином *понятие*. Согласно распространенной точке зрения, в отличие от понятий, представленных в нашем сознании набором существенных признаков, концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, столкновений разных мнений. В структуру концепта вносят свой вклад внутренняя форма слова, связанные с ним ассоциации, оценки. Концепты описывают действительность, но действительность особого рода — ментальную [Степанов 1997: 40–55].

Связь концепта с картиной мира подчеркивают и авторы «Краткого словаря когнитивных терминов», определяя его как «термин, служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1996: 90].

Концепты обладают национально-культурной специфичностью. По словам Ю. С. Степанова, концепт — «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41]. А. Вежбицкая определяет концепт как «объект из мира „Идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире „Действительность“» (цит. по: [Телия

---

¹ Один из таких примеров, представленный в статье Успенского [Успенский 1979], будет обсуждаться ниже, при изложении теории концептуальной метафоры.

1996: 97]). Отсюда интерес ученых к особым, специфическим для той или иной языковой общности концептам — вспомним неоднократные обращения к анализу таких русских понятий, как *душа, судьба, тоска, совесть, воля, правда, истина* и др.

Подобные исследования традиционны для Московской семантической школы, занимающейся изучением языковой картины мира, так как именно культурные концепты составляют ее основу, определяют национальный способ видения мира. Вопросы, связанные с внутренним строением концептов, их этнической спецификой, методикой описания и межкультурного сопоставления, имеют непосредственное отношение к лингвокультурологии. Однако в последние годы в отечественной литературе появилась тенденция причислять изучение концептов к когнитивной лингвистике. Более того, в силу недоступности большинства классических зарубежных трудов по когнитивной лингвистике¹ у отечественного читателя нередко складывается о ней искаженное представление, так что широкая и оригинальная область исследований, известная на Западе под этим именем, фактически сводится к гораздо более узкому направлению, связанному с анализом концептов (точнее, даже подменяется им)².

Насколько это правомерно? По-видимому, учитывая уже упомянутую размытость термина *когнитивный*, в принципе можно согласиться с тем, чтобы рассматривать исследования концептосферы русской культуры в качестве своеобразного «национального» направления когнитивистики в России. При этом, однако, не следует преувеличивать его удельный вес в когнитивной лингвистике в целом, принимая во внимание разницу научного контекста и известную обособленность отечественной традиции от зарубежных исследований.

---

¹ Так, знаменитые книги Лакоффа [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987] увидели свет на русском языке лишь в 2004 г. В отношении других крупных фигур зарубежной когнитивистики отечественный читатель по-прежнему вынужден довольствоваться немногочисленными статьями и отрывками из монографий — ср. [Джонсон-Лэрд 1988; Лангаккер 1997; Лангаккер 1998; Талми 1999].

² Ср., напр., [Маслова 2004; Попова, Стернин 2007].

Глава II

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ

1. ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Понятие концептуальной метафоры

Теория концептуальной метафоры принадлежит к наиболее известным достижениям когнитивной лингвистики. Ее основы изложены в книге лингвиста-теоретика, профессора Калифорнийского университета (Беркли) Джорджа Лакоффа и философа Марка Джонсона (Стэнфордский университет) «Метафоры, которыми мы живем» (1980) — мировом научном бестселлере, лишь недавно полностью переведенном на русский язык¹ [Лакофф, Джонсон 2004].

На протяжении четверти века со времени выхода книги в свет интерес к ней не ослабевал. Предложенная Лакоффом и Джонсоном новая трактовка понятия метафоры и оригинальный метод анализа раздвинули привычные горизонты рассмотрения этого явления и привлекли внимание многочисленных исследователей в различных странах. Мощный резонанс, вызванный их теорией, привел к стремительному росту числа публикаций, посвященных метафорам в самых разных областях человеческой деятельности.

Новизна подхода Лакоффа и Джонсона заключается прежде всего в переосмыслении понятия метафоры, обычно рассматривавшейся либо как фигура речи (в риторике со времен античности), либо как способ семантического развития слова (в исторической семантике), либо как один из типов переносных значений (в син-

---

¹ Впрочем, даже фрагменты книги, ранее публиковавшиеся в русском переводе ([Язык и моделирование... 1987: 126–170; Теория метафоры 1990: 387–415]), смогли обеспечить ей популярность в отечественных научных кругах.

хронической лексикологии и лексикографии). Для Лакоффа и Джонсона метафора — это метафорическое понятие, или *концептуальная метафора*. Это не только и не столько образное средство языка, сколько феномен мышления и культуры. Метафоры как языковые выражения возможны именно благодаря тому, утверждают авторы, что они заложены в понятийной системе человека. Иными словами, метафорично прежде всего мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешней манифестацией этого феномена¹.

Анализ концептуальных метафор строится в соответствии с общим методологическим принципом когнитивной лингвистики: по фактам языка делать выводы о структурах сознания. Метафорические выражения признаются важным инструментом исследования понятийной системы человека. Регулярность использования определенных образов применительно к описанию того или иного явления, с точки зрения Лакоффа и Джонсона, позволяет сделать вывод о наличии в сознании носителей языка соответствующей концептуальной метафоры, ср.: «Так как метафорические выражения в языке системно соотношены с метафорическими концептами, мы можем использовать метафорические выражения для изучения природы метафорических концептов и для понимания метафорической природы человеческой деятельности» [Там же: 28]. Для иллюстрации обратимся к рассмотрению языковых выражений, касающихся ведения спора²:

Он напал на каждое слабое место в моих доводах; его замечания были точно в цель; он не смог отстоять свои убеждения; он защищался изо всех сил, но я разгромил его аргументацию; он стал мишенью для нападков со всех сторон и т. д.

---

¹ Справедливости ради следует заметить, что схожие мысли неоднократно высказывались и до выхода в свет книги Лакоффа и Джонсона. Показательны, например, следующие высказывания: «Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс 1950/1990: 47]; «Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [Ортега-и-Гассет 1966/1990: 71]. Таким образом, «почва» для понятия концептуальной метафоры уже была подготовлена. Заслугой Лакоффа и Джонсона является то, что они развили идею о метафоричности мышления в оригинальную теорию, давшую начало новому направлению в изучении метафоры и внесшую огромный вклад в становление когнитивной лингвистики.

² Здесь и далее в качестве иллюстраций используются переведенные на русский язык оригинальные примеры Лакоффа и Джонсона (если соответствующая концептуальная метафора при переводе не утрачивается), а также дополнительные примеры из русского языка.

Спор не равнозначен войне; вербальная деятельность и вооруженный конфликт — это разные вещи. Но, как свидетельствуют приведенные выше примеры, для нас достаточно привычно обсуждать спор в терминах боевых действий. Значит, утверждают авторы, именно таково наше представление о споре. Поэтому мы и ведем себя в ситуации спора соответствующим образом: воспринимаем оппонента как противника, атакуем его позиции и защищаем свои собственные, разрабатываем стратегии, выбираем направление атаки, побеждаем или терпим поражение и т. д.¹ Следовательно, в нашем сознании существует концептуальная метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА².

Суть метафоры, по Лакоффу и Джонсону, заключается в понимании и переживании сущности одного вида через сущность другого вида; в последующих публикациях эти «сущности» получили названия *сфера-источник* (*source domain*) и *сфера-мишень* (*target domain*) (в русских переводах также встречаются термины *донорская зона* и *реципиентная зона* соответственно). В рассматриваемом примере ВОЙНА является сферой-источником, а СПОР — сферой-мишенью. Концептуальная метафора предполагает отображение сферы-источника на сферу-мишень (рис. 2).

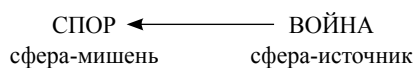

Рис. 2. Механизм концептуальной метафоры
(на примере СПОР — ЭТО ВОЙНА)

Предполагается, что при этой проекции в сфере-мишени сохраняется «когнитивная топология» сферы-источника. Иными словами, она наследует от сферы-источника структурный каркас

¹ Вот, например, как пишет о споре автор учебного пособия по аргументации А. А. Ивин: «Спор — это *борьба*, и общие методы успешной борьбы приложимы также в споре. Во всякой борьбе очень ценной является инициатива. В споре важно, кто задает тему, как конкретно она определяется. Нужно умело повести полемику по своему сценарию. Рекомендуется, далее, не *обороняться*, а *наступать*. Даже *оборону* лучше вести с помощью *наступления*. Вместо того, чтобы отвечать на возражения противника, надо заставить его *защищаться* и отвечать на выдвигаемые против него возражения» (курсив мой. — Т. С.) [Ивин 1997: 317].

² Здесь и далее концептуальные метафоры, в соответствии с оригинальной нотацией, обозначаются прописными буквами.

в виде набора основных элементов и отношений между ними¹. Поясним сказанное на примере другой концептуальной метафоры: ЖИЗНЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ.

Сфера-источник	Сфера-мишень
путешественник	человек (ср.: жизненный путь, идти по жизни)
место назначения	цель жизни
маршрут	способ достижения цели
препятствия на пути	жизненные трудности
проводники	советчики, друзья
пройденный путь измеряется вехами	крупные события в жизни — вехи жизненного пути
развилка	момент выбора
взятая в дорогу провизия	данные от рождения таланты и доставшиеся по наследству материальные ресурсы

Функцию концептуальных метафор Лакофф и Джонсон видят в том, чтобы сложные и отвлеченные области человеческого опыта представлять через более простые и конкретные². Метафора — это единственный способ осмысления абстрактных сущностей³. Следовательно, анализ несвободной сочетаемости абстрактного имени позволяет восстановить те знания и представления, которые связаны с соответствующей абстрактной сущностью в данной культуре.

Концептуальные метафоры обычно не осознаются носителями языка в силу привычности соответствующих представлений, их глубокой укорененности в сознании человека, поэтому в том, что касается языкового материала (отправной точки анализа), Лакофф и Джонсон отдают предпочтение так называемым «стертым», или «мертвым», метафорам — по сравнению с «живыми», образность которых отчетливо ощущается носителями. Именно узуальные

¹ Этот тезис впоследствии получил название *гипотезы инвариантности* [Lakoff 1990].

² Данная формулировка, по мнению некоторых лингвистов, излишне упрощает положение и легко может быть опровергнута противоречащими примерами (см., напр., [Баранов 2003а]).

³ На способность метафоры служить способом «формирования недостающих языку значений» [Арутюнова 1978: 336] обратили внимание еще античные мыслители — Квинтилиан, Деметрий, Цицерон и др. [Античные теории 1936: 218–220]. Образность в этом случае является обязательным, вынужденным спутником номинации; это — метафора «по необходимости» [Чернейко 1997: 241].

метафоры позволяют выявить конвенциональные способы осмысления действительности, в то время как окказиональные характерны скорее для индивидуального сознания и/или нестандартной ситуации¹.

Концептуальные метафоры культурно обусловлены, и, как замечают Лакофф и Джонсон, можно вообразить такое общество, в котором спор уподоблялся бы не боевым действиям, а, например, танцу. В такой культуре люди иначе воспринимали бы спор, по-другому вели бы его и говорили о нем; для нас же их действия никак не ассоциировались бы со спором.

Метафоры СПОР — ЭТО ВОЙНА и ЖИЗНЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ принадлежат к наиболее сложному и интересному, с точки зрения авторов, типу метафор — так называемым *структурным метафорам*. Помимо них выделяются еще *ориентационные* и *онтологические метафоры*.

Типы концептуальных метафор

Ориентационные метафоры

Ориентационные метафоры — это метафоры, в основе которых лежат пространственные оппозиции типа «верх — низ», «внутри — снаружи», «передняя сторона — задняя сторона», «глубокий — мелкий», «центр — периферия». Для подробного рассмотрения Лакоффом и Джонсоном выбраны те из них, которые опираются на противопоставление «верх — низ». Вот некоторые из этих метафор:

СЧАСТЬЕ — ЭТО ВЕРХ, ПЕЧАЛЬ — НИЗ.

Ср.: *поднять настроение кому-л., быть на вершине блаженства, быть на седьмом небе от счастья, воспарить / пасть духом.*

БОЛЬШЕ НАПРАВЛЕНО ВВЕРХ, МЕНЬШЕ — ВНИЗ.

Ср.: *доходы выросли, повысились / упали, снизились, экономический рост / спад, возрастание напряженности, упадок деловой активности.*

ХОРОШЕЕ НАПРАВЛЕНО ВВЕРХ, ПЛОХОЕ — ВНИЗ.

---

¹ Ср. разграничение языковой и художественной метафор в [Скляревская 1993].

Ср.: превозносить / унижить, возвышенные / низменные чувства, человек высоких моральных качеств, низкий человек (поступок), падение нравов, падшая женщина.

Авторы подчеркивают, что метафорические ориентации не произвольны, а обусловлены нашим физическим и социальным опытом взаимодействия с окружающим миром, поэтому они снабжают каждую метафору комментарием, объясняющим, почему, например, представления о счастье связаны с понятием верха, а о несчастье, печали, грусти — наоборот, с низом. Впрочем, как отмечают сами авторы, эти объяснения не претендуют на абсолютную точность, а скорее, носят характер правдоподобных догадок.

Так, первая из приведенных выше метафор, по их мнению, мотивирована позой человека: будучи в подавленном состоянии, он склоняет голову и опускает плечи, а чувствуя себя счастливым, распрямляет спину, отводит назад плечи, поднимает голову. Вторая метафора поясняется следующим образом: «Если вы добавляете некоторое количество субстанции или физических объектов во вместилище или в кучу, уровень содержимого вместилища растет, а куча увеличивается» [Там же: 39]. Наконец, последняя метафора рассматривается как обобщение других, более частных: здоровье, счастье, жизнь и власть ориентированы вверх, а это и есть слагаемые «хорошего» в жизни человека.

Подобная согласованность ориентационных метафор между собой обеспечивает их внешнюю системность. Имеет место и внутренняя системность: каждая ориентационная метафора представляет собой согласованную систему понятий, а не набор частных случаев. Так, все примеры с лексикой, обозначающей положение наверху или движение вверх, выражают позитивную оценку объекта или явления. И наоборот: положение внизу и движение вниз всегда ассоциируются с чем-то негативным.

Опыт взаимодействия человека с миром предоставляет ему множество различных оснований для пространственных метафор, и то, какие из них выбираются и становятся базовыми, варьирует от культуры к культуре. Лакофф и Джонсон утверждают, что фундаментальные оппозиции типа «верх — низ», «центр — периферия», «внутри — снаружи», по-видимому, едины для всех культур, а вариативность касается того, какой из них отдается приоритет. На Западе основной является оппозиция «верх — низ», но в мире существуют культуры, придающие большее значение категориям баланса и близости к центру.

Ориентационные метафоры, закрепленные в той или иной культуре, находятся в тесной связи с ее основными ценностями. Другое дело, что различные субкультуры в рамках одной культуры и разные люди могут по-разному определять, что есть счастье, добродетель и пр., «что такое хорошо, а что такое плохо». Но системы групповых и индивидуальных ценностей все равно согласуются с основными ориентационными метафорами культуры.

Онтологические метафоры

Использование категорий пространственной ориентации для осмысления окружающего мира столь широко задействуется человеком в повседневной жизни, что он обычно не отдает себе в этом отчета. Столь же естественным ему кажется интерпретировать свой опыт в терминах физических предметов и веществ — вычленять его части (как если бы они были дискретными объектами), группировать их, количественно оценивать и т. д. В теории Лакоффа и Джонсона эти операции описываются через так называемые онтологические метафоры.

Онтологические метафоры весьма многообразны. Распространенной является метафора *сущности (entity)*, позволяющая осмыслить абстрактное через конкретное. Поясним это на примере метафоры **ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО СУЩНОСТЬ**:

Инфляция снижает наш уровень жизни; если инфляция возрастет, мы не выживем; в этом году инфляция выше, чем в прошлом; мы достигли рекордного уровня инфляции; с инфляцией нужно бороться; инфляция наносит серьезный ущерб экономике.

Как видно из примеров, интерпретация инфляции в терминах автономной физической сущности позволяет осуществлять референцию к ней, количественно определять, видеть в ней причину чего-либо, принимать решения относительно дальнейших действий и т. д. — в целом, делает инфляцию как будто более осязаемой и, как результат, создает впечатление, что человек может разобраться в этом явлении и взять его под контроль.

Проведение границ в континууме нашего опыта, так же как и осмысление его через пространственные категории, имеет физическую основу. По мнению авторов, способ восприятия окружающего мира человеком определяется его опытом обращения с дискретными материальными объектами, и в частности, его восприятием себя, своего тела. Человек — существо, ограничен-

ное от остального мира кожей. Он — вместилище (*container*), и потому ему свойственно воспринимать прочие сущности как вместилища с внутренней частью и наружной поверхностью¹.

Человек проецирует собственную ориентацию «внутри — снаружи» на окружающий мир. Он разбивает булыжник, чтобы посмотреть, что там внутри. Он воспринимает поляну в лесу как ограниченное пространство, так что можно находиться либо на поляне, либо вне ее — в лесу, хотя на самом деле между стеной леса и свободным от деревьев участком отчетливая граница обычно отсутствует, а имеется некоторая промежуточная полоса, где деревья постепенно сходят на нет. Поле зрения также осмысливается как вместилище, ср.:

В поле зрения появляется корабль; я держу его в поле зрения; в поле зрения ничего нет.

Метафора вместилища широко используется человеком для понимания событий, действий, занятий, состояний, ср.:

участвовать в соревновании; погружаться в размышления; пребывать в недоумении; прийти в ужас; впасть в депрессию / кому; выйти из ступора; прийти в сознание; быть в опасности / вне опасности.

К классу онтологических метафор принадлежит и хорошо известная метафора персонификации, или олицетворения, позволяющая осмысливать неживые предметы и отвлеченные понятия в терминах человеческих поступков, качеств, целей, ср.:

Чувство долга не позволило ему уйти; его религия запрещает ему пить французские вина; этот факт противоречит теории; жизнь обманула меня; инфляция съедает наши доходы.

На самом деле, персонификация представляет собой общую категорию, охватывающую широкий круг более специальных метафор, каждая из которых «высвечивает» какое-то отдельное свойство человека. Так, в выражении *инфляция съедает наши доходы* воплощена не общая идея ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ЧЕЛОВЕК, а более конкретная метафора ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ПРОТИВНИК.

---

¹ Ср.: «С одной стороны, человек — это часть мира, это *man in space*; с другой стороны, занимая определенный объем, тело формирует *space in man*, которое „заполнено“ или „заполняется“ самими разными сущностями — начиная от реальных органов и субстанций и кончая его мыслями и чувствами, состояниями и ощущениями, способностями и знаниями» [Кубрякова 1999: 8].

Последняя не только определяет специфическое осмысление этого явления (инфляция может нас атаковать, причинять страдания, нанести ущерб и даже уничтожить), но и диктует соответствующее отношение. Так, под влиянием этой метафоры правительство может предпринять соответствующие меры *борьбы с инфляцией*. «Очеловечивание» инфляции делает ее более понятной для большинства людей, не способных разобраться в сложном комплексе экономических и политических факторов, вызывающих снижение уровня жизни.

Структурные метафоры

Метафоры, основанные на простых физических понятиях (типа *верх — низ, сущность, вместительность*), составляют основу понятийной системы человека: без них он не смог бы функционировать в окружающем мире. Однако сами по себе ориентационные и онтологические метафоры не очень богаты в том смысле, что не много говорят нам о соответствующей сфере-мишени. По сравнению с ними структурные метафоры позволяют гораздо глубже проникнуть в суть понятия, задействуя для его осмысления более конкретные и подробно проработанные концепты.

Выше речь уже шла о таких структурных метафорах, как **СПОР — ЭТО ВОЙНА** и **ЖИЗНЬ — ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ**. Помимо них в книге Лакоффа и Джонсона приводится целый ряд других структурных метафор. В совокупности они позволяют сделать следующие наблюдения.

Во-первых, необходимым условием для утверждения о существовании той или иной структурной метафоры является ее регулярность, подтвержденная некоторым числом соответствующих метафорических выражений (этот критерий действует в отношении всех концептуальных метафор, однако наиболее актуален именно для структурного типа). Это число не уточняется, однако очевидно, что чем больше корпус примеров, тем более обоснован вывод о наличии метафорического отображения¹.

Во-вторых, одно и то же понятие может осмысляться посредством разных структурных метафор, т. е. одной сфере-мишени может соответствовать несколько сфер-источников. Так, в выра-

---

¹ Этот принцип не всегда соблюдается многочисленными энтузиастами, которые под влиянием книги Лакоффа и Джонсона стали выявлять концептуальные метафоры в различных языках и помещать их списки в Интернет. Случается, что вывод о наличии той или иной концептуальной метафоры делается на основании единичных примеров.

жениях *тратить / терять / экономить / рассчитывать время; выделить время на поездку; достаточно ли у тебя времени? много ли времени у тебя осталось? стоит ли это вашего времени?* можно видеть одновременно проявление нескольких метафор, а именно: **ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ**¹, **ВРЕМЯ — ЭТО ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕСУРС** (служащий для достижения наших целей), **ВРЕМЯ — ЭТО ЦЕННОСТЬ** (которую можно сохранить или утратить). Эти способы концептуализации времени образуют согласованную систему метафорических понятий: в нашем обществе деньги являются ограниченным ресурсом, а ограниченный ресурс представляет собой ценность.

Однако различные способы осмысления одного и того же понятия не всегда бывают согласованы, ср.: **ИДЕИ — ЭТО ПИЩА**, **ИДЕИ — ЭТО РАСТЕНИЯ**, **ИДЕИ — ЭТО ИЗДЕЛИЯ** и т. д.; **ЛЮБОВЬ — ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА**, **ЛЮБОВЬ — ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ**, **ЛЮБОВЬ — ЭТО КОЛДОВОСТВО**, **ЛЮБОВЬ — ЭТО ВОЙНА** и др. [там же: 75–82]². Разные метафоры выделяют разные стороны одного и того же явления, и говорящий / пишущий каждый раз выбирает между ними, руководствуясь своими коммуникативными целями.

В свете вышесказанного языковедам может быть интересно вспомнить, какие метафоры языка использовались в различных лингвистических теориях³. Как известно, приверженцы биологи-

¹ Как указывают авторы, осмысление времени в терминах денег буквально пронизывает жизнь современного человека: достаточно упомянуть такие устоявшиеся практики, как поминутная / посекундная тарификация телефонных переговоров, почасовая оплата труда, суточные тарифы за пользование гостиницей, годовой бюджет, проценты по займам и т. д. Однако такое восприятие времени относительно ново и существует не во всех культурах [Лакофф, Джонсон 2004: 29–30].

² Это положение нередко вызывает сомнения и споры. Исследователей смущает, например, что выявленные образы понятия *любовь* «относятся к чересчур разным областям природы и деятельности человека» и «не складываются ни в какую единую картину» [Апресян, Апресян 1993: 33]. Схожее замечание звучит в словах В. Г. Гака, адресованных авторам словаря политических метафор периода перестройки, ср.: «Например, перестройка сравнивается с растением и самолетом <...>. Что общего может быть у этих понятий?» [Гак 1993: 140]. Показательны в этом отношении также многочисленные исследования, посвященные русскому концепту *судьба* (см., напр., [Wierzbicka 1990; Понятие судьбы... 1994; Чернейко, Долинский 1996; Гак 1998: 44–61; Арутюнова 1999: 624–631]).

³ Что касается наивных представлений о языке и речи, то в их основе лежат преимущественно метонимические переносы от частей тела (см., напр., [Radden]), хотя, по свидетельству Л. Гуссенса, могут задействоваться и метафоры, а также своеобразные гибриды метафоры с метонимией (которые автор называет «метафтонией») [Goossens 1990].

ческой концепции языка уподобляли его живому и развивающемуся организму (отсюда *живые и мертвые языки*), компаративисты использовали метафоры родства (*языковые семьи, родственные языки*), структурное языкознание ввело метафору уровневой структуры, генеративная лингвистика — метафору языка как порождающего устройства. Смена научной парадигмы, по мнению Н. Д. Арутюновой, всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию [Арутюнова 1990: 15]. Однако выдвижение на передний план нового представления о языке не исключало прежние метафоры, что можно расценивать как свидетельство внутреннего богатства концепта «язык» и многообразия исследовательских подходов к нему¹.

Как отмечают Лакофф и Джонсон, в понятийной системе человека могут сосуществовать даже противоположные друг другу метафоры; впрочем, похоже, что эта ситуация ограничивается тем единственным случаем, который ими и упоминается. Речь идет о понятии «время», которое может осмысляться как объект, движущийся по направлению к неподвижному человеку (ср.: *Придет время, когда..., наступит день, близится Новый год, время летит быстро*), либо, наоборот, как неподвижная дорога, по которой в направлении будущего движется сам человек (ср.: *Мы приближаемся к концу года, мы вступаем в новый учебный год*)². Любопытно, что противоречие в метафорической организации времени обычно не осознается³ [Лакофф, Джонсон 2004: 68–73].

С другой стороны, между «левой» и «правой» частями метафоры возможно и обратное соотношение: одна и та же сфера-источник может служить для структурирования нескольких сфер-мишеней. Например, понятие путешествия может использоваться для осмысления не только жизни (см. выше), но и любви [там же: 72], а также других видов человеческой деятельности — споров, переговоров, критики и т. д. [Апресян, Апресян 1993].

¹ О различных взглядах на язык в истории науки см. также [Ромашко 1991].

² Об этих двух противоположных представлениях времени в европейских языках упоминал еще Б. Л. Уорф [Whorf 1956: 57].

³ Существуют и другие способы концептуализации движения времени: например, время может двигаться по направлению ко времени (*Время приближается к полуночи*) [Radden 1996]. Возможно и одновременное движение времени и человека (*идти в ногу со временем, опередил свое время*) [Булыгина, Шмелев 1997: 378]. В отечественном языкознании вопрос о разных способах осмысления времени обсуждался весьма плодотворно — см., напр., [Гачев 1992: 32–35; Яковлева 1994: 82–195; Булыгина, Шмелев 1997: 375–379; Логический анализ языка 1997; Степанов 1997: 171–188].

Важной особенностью структурных метафор является то, что они обеспечивают лишь частичное структурирование сферы-мишени посредством сферы-источника¹. (Если бы оно было глобальным, то один концепт полностью совпадал бы с другим, а не просто понимался в его терминах.) Например, в реальной жизни время — это не деньги, потому что, в отличие от денег, вернуть потраченное время невозможно. Невозможно отдать человеку обратно время, которое он на вас потратил; можно в ответ потратить на него *столько же* времени, но это не будет *то же* время. И не существует банков времени.

Таким образом, каждая метафора неизбежно подчеркивает, или «высвечивает», одни стороны того или иного понятия, а другие затемняет. Так, метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА акцентирует «военный», состязательный аспект спора, но игнорирует другие моменты, связанные с коммуникативным взаимодействием, и, как результат, может препятствовать его конструктивности.

Более сложный случай затемнения определенных аспектов понятия, по мнению Лакоффа и Джонсона, представляет собой так называемая метафора канала связи (*conduit metaphor*), впервые описанная М. Редди. Эта метафора служит для структурирования наших представлений о языке и коммуникации:

*ИДЕИ (ЗНАЧЕНИЯ) — ЭТО ОБЪЕКТЫ
ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ — ЭТО ВМЕСТИЛИЩА
КОММУНИКАЦИЯ — ЭТО ПОСЛАНИЕ*

Говорящий вкладывает то, что он хочет сказать (объекты), в слова (вместилища) и посылает их (в послании) слушателю, который вынимает значения из слов², ср.:

Трудно донести до него эти идеи; я подал тебе эту идею; ваше мнение дошло до нас; ваши слова кажутся пустыми; предложение лишено смысла; он извлек из моих слов совсем не тот смысл, который я в них вкладывал.

Подобные выражения кажутся столь привычными, что стоящая за ними метафора редко осознается. Кажется естественным считать, что слова и предложения как языковые выражения содержат в себе, т. е. *имеют*, значение, которое можно вычлени-

¹ Соответственно Лакофф и Джонсон выделяют используемую и неиспользуемую части метафоры [Лакофф, Джонсон 2004: 89].

² Данная формулировка воплощает суть кодовой модели коммуникации, которая, как принято считать, не способна адекватно отражать процесс общения (см., напр., [Макаров 2003: 33–35]).

анализировать. Однако, как справедливо замечает А. Вежбицкая, утверждение о том, что *слово (предложение) имеет значение*, включает в себе метафору и тем самым существенным образом отличается от буквального утверждения о том, что *кто-то имеет машину или дом*¹ [Wierzbicka 1992: 147].

Так как метафоричность подобных выражений обычно не осознается, не возникает подозрений, что они затемняют какие-то существенные стороны коммуникативного процесса. Между тем, как утверждают Лакофф и Джонсон, это именно так. Формулировка *слово (предложение) имеет значение* предполагает, что значения существуют сами по себе, независимо от использующих их людей и экстралингвистического контекста, а это идет вразрез с постулатами когнитивной лингвистики (см. гл. I). Позиция когнитивистов по вопросу об отношении между значением и контекстом отчетливо сформулирована Лакоффом в его более поздней книге: «Значение — не вещь. Значение — это то, что значимо для нас. Ничто само по себе не обладает значением» [Lakoff 1987: 292].

В подтверждение мысли о ситуативной обусловленности значения Лакофф и Джонсон используют предложение *Please sit in the apple-juice seat* (букв. ‘Пожалуйста, садитесь на место яблочного сока’), которое вне контекста лишено смысла, в силу того что выражение *место яблочного сока* нельзя считать общепринятым способом указания на объект. Однако в ситуации, когда оставшийся на ночь гость спускается к завтраку и видит стол, накрытый так, что напротив трех мест стоит апельсиновый сок, а напротив четвертого — яблочный, референция данного выражения проясняется и делает высказывание осмысленным [Лакофф, Джонсон 2004: 33].

Заметим, что на опасность буквального истолкования метафорических выражений неоднократно указывалось в связи с распространением так называемой *компьютерной метафоры*. Несмотря на разделяемое подавляющим большинством мнение о том, что человеческий мозг нельзя уподоблять компьютеру, остаются в ходу выражения типа *человек обрабатывает информацию, искусственный интеллект*, когнитивные процессы описываются через

---

¹ Схожие размышления находим в монографии Ф. Палмера, опубликованной в Великобритании за несколько лет до выхода в свет статьи М. Редди и книги Лакоффа и Джонсона. Комментируя неудачи, связанные с попыткой определить, что такое значение, Палмер видит их причину в той же формулировке *слово (предложение) имеет значение*. По его словам, человека вводит в заблуждение конструкция с глаголом *иметь* и существительным (*значение*): она подталкивает к буквальной интерпретации и побуждает выяснять, что же собой представляет *значение* [Palmer 1976/1982: 25].

операции, алгоритмы, форматы, выработанные для представления знаний в ЭВМ (сети, фреймы, схемы и пр.), применяются в отношении структур человеческого мозга и т. д. Компьютерные аналогии создают иллюзию, что человек мыслит по законам формальной логики. Акцент смещается от значения к информации, компьютерная метафора осознается все слабее, усиливаются механистические представления о мышлении [МакКормак 1990; Фрумкина 1995; Вежбицкая 1999: 6–7].

Онтологизация компьютерной метафоры подтверждает еще одну существенную сторону метафор, на которую впервые обратили внимание Лакофф и Джонсон. Речь идет о креативной силе метафор — их способности не только интерпретировать окружающий мир, но и творить новую реальность. Авторы повествуют о реальном случае, произошедшем с одним иранским студентом Калифорнийского университета в Беркли. На семинаре по теории концептуальной метафоры он услышал выражение *the solution of my problems*. Не будучи носителем английского языка, он не знал, что *solution* в данном контексте имеет значение ‘решение (проблем)’, однако ему было известно другое значение этого слова — ‘растворение’. Поэтому он воспринял данное выражение фигурально: представил себе котел с дымящейся жидкостью, в которой варятся проблемы, при этом некоторые из них растворяются, другие выпадают в осадок, на них воздействуют катализаторами и т. д. Поделившись с товарищами своей интерпретацией, студент был весьма разочарован, что в их сознании такая «химическая» метафора отсутствует.

По словам Лакоффа и Джонсона, эта метафора предлагает необычный, но по-своему глубокий подход к тому, что есть проблема и как к ней следует относиться. В западной культуре закреплено представление о проблемах как загадках (PROBLEMS ARE PUZZLES), которые достаточно один раз правильно решить, и тогда они исчезают. Однако жизненный опыт говорит нам, что так бывает не всегда: проблемы, казалось бы, уже решенные, возникают вновь. В этом отношении «химическая метафора» (хотя и обязана своим появлением недоразумению) предлагает, возможно, более адекватное осмысление проблем и отношение к ним. Согласно «химической» метафоре, проблемы составляют неотъемлемую часть естественного устройства мира и не могут исчезнуть из жизни человека раз и навсегда — в лучшем случае можно найти «катализатор», который временно «растворит» какую-то из них, зато переведет в «осадок» другую и т. д. [Лакофф, Джонсон 2004: 173–175].

Об одном удивительном совпадении

Совпадения случаются. Первая публикация статьи В. А. Успенского под скромным заглавием «О вещных коннотациях абстрактных существительных» состоялась в 1979 г. [Успенский 1979]¹. Учитывая, что Лакофф и Джонсон, по их словам, начали работу над теорией концептуальной метафоры также в 1979 г. и книга «Метафоры, которыми мы живем» — их первая публикация на эту тему, подозрения в том, что Успенский мог быть знаком с их концепцией, следует исключить.

Статья Успенского примечательна тем, что содержание его исследования и применяемая им методика поразительным образом схожи с тем, как Лакофф и Джонсон выявляют и анализируют концептуальные метафоры. Успенский, правда, не употребляет термин *метафора*, а говорит о «вещных коннотациях» абстрактных существительных, реализующихся в их несвободной сочетаемости. По существу же он анализирует стандартные метафорические контексты абстрактных имен, стремясь выявить соответствующие образные ассоциации. Изложение строится в соответствии со следующей логикой: что может человек (например, иностранец, изучающий русский язык) заключить относительно значения неизвестного ему абстрактного существительного, опираясь исключительно на контексты, в которых оно употребляется?

Продемонстрируем ход рассуждений Успенского на примере отрывков, посвященных словам *страх*, *горе* и *радость*.

«Рассмотрим слово *страх*. Страх *нападает* на человека, *охватывает* его, *душит*, *парализует*; однако человек может *бороться* со страхом и даже *победить* его. Таким образом, страх можно мыслить в виде некоего враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или спруту, снабженному жалом с парализующим веществом. <...>

Горе — это тяжелая жидкость. В самом деле, это жидкость, поскольку горе можно пить: ср.: *испить горя*, *хлебнуть горя*. Она тяжелая, поскольку *обрушивается* на человека, *давит* на него; человек *подавлен*, *придавлен* горем и, наконец, не вынеся этой тяжести, может быть *убит* горем. Возможно, горе — как жидкость — заполняет некоторый бассейн, на дне которого находится человек: ведь чем горе *больше*, тем оно *глубже*, тем *тяжелее* и с тем

---

¹ В 1997 г. она в неизменном виде вошла в 35-й выпуск журнала «Семиотика и информатика», собравший под одной обложкой лучшие публикации за все прошедшие годы.

большей силой давит на человека. Человек пребывает *погруженным* в горе, так что горе находится вне человека, окружая его.

Напротив, радость — внутри человека. Это легкая светлая жидкость. Иногда она *тихо разливается* в человеке, а иногда *бурлит, играет, искрится, переполняет* человека, *переплескивается через край*. По-видимому, она легче воздуха: человек от радости испытывает легкость, идет, не чуя земли под ногами, парит и, наконец, улетает на седьмое небо» [там же: 150–151] (курсив оригинала. — Т. С.).

Как принято выражаться, данный текст говорит сам за себя. В терминах теории Лакоффа и Джонсона и пользуясь их нотацией, можно было бы сформулировать концептуальные метафоры СТРАХ — ЭТО ВРАЖДЕБНОЕ СУЩЕСТВО, ГОРЕ — ЭТО ТЯЖЕЛАЯ ЖИДКОСТЬ и РАДОСТЬ — ЭТО ЛЕГКАЯ ЖИДКОСТЬ¹. Однако автор описывает результаты своего исследования, разумеется, иным языком. На материале четырех слов — *авторитет, страх, горе, радость* — Успенский приходит к выводу, что отвлеченное существительное может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет (который и образует его материальную, или вещную, коннотацию). Поэтому человек, незнакомый со значением такого слова, может воспринять его как конкретное существительное. В заключение автор выдвигает гипотезу, что это явление носит достаточно распространенный характер.

Последующее развитие теории концептуальной метафоры

Популярность, которую теория концептуальной метафоры снискала себе сразу после выхода в свет книги «Метафоры, которыми мы живем», с годами не уменьшается. Благодаря усилиям своих многочисленных приверженцев она непрестанно развивается и обогащается новыми идеями, результатами, применяется ко все более разнообразному материалу. Количество публикаций, посвященных концептуальным метафорам, поистине огромно, даже если не принимать во внимание электронные источники, причем в заголовках многих из них так или иначе обыгрывается название книги Лакоффа и Джонсона (см. [Будаев, Чудинов

---

¹ Ср. замечание Н. Д. Арутюновой о том, что эмоции и эмоциональные состояния обычно уподобляются жидкости [Арутюнова 1999: 389–392].

2006б]). Бурный всплеск переживает также изучение метонимии с точки зрения проекций между понятийными областями, начало которому также было положено в книге Лакоффа и Джонсона. Все больше внимания уделяется сопоставительному анализу механизмов метафорического и метонимического переносов и их взаимодействию: из последних публикаций отмечу [Barcelona 2000; Dirven, Pörrings 2002].

В предисловии к русскому изданию книги Лакоффа и Джонсона справедливо отмечается, что ее притягательность заключена прежде всего в ее креативности [Баранов 2004: 21]. Вскрывая метафоричность любой коммуникации, авторы подтверждают догадки о том, что «метафорический процесс глубоко укоренен в самой сущности языка» (И. Трир; цит. по: [Щур 1974: 24]) и «мир вокруг нас — это обширная, хорошо проработанная метафора» [Bolinger 1980: 141]. Теория Лакоффа и Джонсона стимулирует выявление метафор в самых разных областях человеческой деятельности — повседневной жизни, науке, политике, рекламе, межличностных отношениях и т. д. Она предлагает увлекательное исследование того, какие стороны явления «высвечиваются», а какие «затемняются» той или иной метафорой, с какой целью это делается, каковы альтернативные способы осмысления одного и того же феномена. Она открывает перспективы межъязыковых и межкультурных сопоставлений, с выходом на обобщения, представляющие несомненный интерес для когнитивной науки.

Самое удивительное заключается в том, что авторам удалось предложить свежий взгляд на, казалось бы, уже изученный вдоль и поперек феномен. Интерпретация метафоры как организующего принципа человеческого мышления и поведения кардинальным образом изменила ее традиционное понимание, расширив сферу ее действия не только за пределы риторики и языкознания, но и за рамки вербального поведения. Поскольку метафоричность мышления может проявляться не только в языке, но и в других знаковых системах, исследования уже не ограничиваются фактами языка. Концептуальная метафора обнаруживается в архитектуре, живописи, дизайне (в том числе графическом и веб-дизайне, ср. уже такие привычные атрибуты интерфейсов компьютерных программ, как *рабочий стол*, *папка*, *блокнот*, *мусорная корзина*, *окно*, *телефонная книжка*, и операции с ними *открыть*—*закрыть*, *вырезать*—*копировать*—*вставить*, *прикрепить*, *перетащить*—*и-бросить*, *отослать*—*получить* и т. д.¹), жестах, карикатуре и др.

¹ См., напр., [Rohrer].

Согласно наблюдению Б. М. Величковского, по мере увеличения объема теоретических знаний роль метафоризации только возрастает (ср.: *общественный резонанс, переработка информации человеком, виртуальная реальность* и т. д.). Автор связывает это с тем, что метафора благодаря своей незавершенности дает возможность «лучше вписаться в систему существующих концептуальных структур, обеспечив их новое понимание, чем использование буквальной речи или введение условных терминов» [Величковский 2006, т. 2: 166]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в последние годы метафора превратилась в мощный инструмент когнитивных исследований. Подход Лакоффа и Джонсона доказал свою актуальность и плодотворность во многих областях знания; к некоторым из них мы обратимся в следующих главах.

2. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

О причинах современного интереса к политической метафоре

Характерное для наших дней интенсивное изучение метафор¹ (во многом обязанное огромной популярности книги Лакоффа и Джонсона) затрагивает и сферу политической коммуникации. Впрочем, интерес к метафоре в политике обусловлен также внешними факторами — бурным развитием информационных технологий, возрастающей ролью средств массовой информации, тенденцией к глобализации. Многочисленные исследования сосредоточены на том, какие метафоры используют политики и журналисты разных стран и как это влияет на общественное сознание и политическую жизнь.

Связь метафоры с политикой восходит к древним временам: античные ораторы использовали метафору, наряду с прочими риторическими приемами, для речевого воздействия на аудиторию. После долгого периода упадка и забвения ораторского искусства во второй половине XX в. происходит оживление интереса к классическому наследию: возникают различные концепции «неориторики», стремящиеся к возрождению античных традиций

---

¹ В последние годы для обозначения соответствующей области исследований был даже введен термин *метафорология*.

[Неориторика...1987; Безменова 1989]. Вновь актуальным становится комплекс вопросов, связанных с речевым воздействием, аргументацией, убеждением. Все чаще исследователи обращаются к анализу так называемых аргументативных (в том числе политических) текстов с точки зрения задействованных в них фигур речи.

Лингвисты и политологи, а также психологи, социологи, специалисты по теории коммуникации и связям с общественностью приходят к осознанию того, что «политика — это в значительной мере дело языка» [Landtsheer 1998: 5]. Складывается новая отрасль прикладного языкознания — политическая лингвистика, изучающая «пространство» политического дискурса (см., напр., [Lakoff 1996; Методология...1998; 2000; 2002; Feldman, Landtsheer 1998; Chilton, Schäffner 2002; Chilton 2003; Чудинов 2003; 2006; Шейгал 2004]). В поле зрения исследователей оказываются выступления общественных деятелей, документы политических партий и движений, публикации в средствах массовой информации, записи круглых столов, теледебатов, предвыборных выступлений кандидатов, политическая реклама и т. д.

Политический дискурс, как и любой институциональный дискурс вообще, является менее свободным, чем бытовой разговор [Макаров 2003: 176]: буквально каждое слово в нем заранее внимательно обдумывается и взвешивается. Это справедливо и в отношении используемых метафор, и здесь объяснительный потенциал теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона действительно высок. Взгляд на метафору как на организующий принцип понятийной системы человека, обуславливающий его восприятие, мышление и поведение, открывает новые горизонты в анализе политического дискурса. Анализ концептуальных метафор позволяет обнаружить в тексте явное и скрытое, пролить свет на коммуникативные намерения его автора, выявить его общественную позицию и моральную «систему координат». Как остроумно заметил А. Н. Баранов, перифразируя известную поговорку, «скажи мне, какие метафоры ты используешь, и я скажу тебе, кто ты» [Баранов 1991: 190].

Итак, можно сказать, что современный интерес к политической метафоре, помимо упомянутых выше внешних факторов, мотивирован ее многоаспектностью, открывающей перспективы исследований в разных областях гуманитарного знания: риторика изучает роль метафоры в речевом воздействии, дискурсивный анализ и политическая лингвистика рассматривают ее как орудие политики и власти, когнитивная лингвистика подчеркивает ее

связь с мышлением и понятийной системой человека¹. Наше внимание будет сосредоточено в основном на последнем ракурсе, хотя, конечно, это разделение в известной мере искусственно.

Первый опыт анализа концептуальных метафор в политике

Впервые теория концептуальной метафоры была применена к языку политики одним из ее основателей [Lakoff 1991]. Предмет исследования Дж. Лакоффа составили метафоры, использовавшиеся американскими властями в 1990–1991 гг. для подготовки общественного мнения в связи с кризисом в Персидском заливе и планами военного вторжения США².

В своей статье (первоначально представлявшей собой открытое письмо в Интернет) Лакофф показал, что аргументы в пользу развязывания войны, предложенные президентом США и его администрацией и многократно воспроизводившиеся американскими СМИ, базировались на системе метафор. Иными словами, метафоры сыграли немалую роль в том, что Америка оказалась втянутой в войну. При этом, как отмечает автор, важно понимать, что сама по себе метафора не плоха и не хороша. Она обыденна и неизбежна, так как помогает представлять сложные и абстрактные области человеческого опыта через более структурированные и конкретные. В частности, международные отношения и войны осмысляются в значительной мере посредством метафор; последние, впрочем, редко осознаются в силу их конвенциональности.

Однако в ситуации вооруженного конфликта метафоры нередко используются политиками и военными не только и не столько для концептуализации действительности, но и с целью манипуляции общественным мнением. Именно на это, как подчеркивает Лакофф, были направлены усилия американской администрации, преследовавшей свои корыстные цели в Персидском заливе и заинтересованной в развязывании войны. Как известно, любая метафора высвечивает какие-то одни стороны явления за счет затемнения других. В данном случае американские политики,

---

¹ Более подробно см. [Скребцова 2005; Будаев, Чудинов 2006а].

² Любопытно, что метафоры, использовавшиеся в этот период президентом США Дж. Бушем (ст.) и его администрацией, без существенных изменений были повторены его сыном — президентом Дж. Бушем (мл.) — уже в контексте второй войны США в Ираке [Lakoff 2003].

в том числе президент, в своих выступлениях регулярно задействовали такие метафоры, которые помогали скрыть, затушевать ужасы войны (смерть, ранения, увечья, потерю близких и др.), с которыми столкнулись бы простые граждане, если война была бы развязана. Подобное использование метафор Лакофф расценил как аморальное и счел своим долгом развенчать соответствующую аргументацию.

Автор выделил соответствующие концептуальные метафоры, выявил те аспекты войны, которые они были призваны затушевать, и продемонстрировал несостоятельность официальной аргументации не только с этической, но и с военно-политической и экономической точек зрения. Обратимся сначала к рассмотрению метафор и того, что они высвечивают; о скрытых аспектах речь пойдет позже.

1. ВОЙНА-КАК-ПОЛИТИКА, ПОЛИТИКА-КАК-БИЗНЕС ⇒ ВОЙНА-КАК-БИЗНЕС¹. Первую из этих метафор Лакофф называет метафорой Клаузевица, так как именно прусскому генералу Карлу фон Клаузевицу принадлежат слова о том, что «война — это продолжение политики иными средствами». Действительно, каждая страна преследует свои политические цели, и иногда война может способствовать их достижению. В свою очередь, политику нередко сближают с бизнесом, уподобляя успешное политическое управление эффективному деловому руководству: ведь правительство в своей деятельности тоже вынуждено вести скрупулезный подсчет затрат и выгод, взвешивать планируемые выигрыши относительно предполагаемых потерь и т. д.

Эти две метафоры в совокупности делают возможным осмысление войны в категориях бизнеса. В качестве примера Лакофф ссылается на передовицу в газете «The New York Times» от 12 ноября 1990 г., посвященную тому, стоит ли США вступать в войну в Персидском заливе. В статье обсуждалось, как различные аналитики оценивают возможное соотношение затрат на войну и выгод от нее; что же касается вопроса о допустимости такого ракурса, то он даже не поднимался.

2. ГОСУДАРСТВО-КАК-ЧЕЛОВЕК. Персонификация государства позволяет высветить многие важные аспекты его функ-

---

¹ Мы сохраняем авторский способ записи концептуальных метафор, который несколько отличается от нотации, принятой в [Лакофф, Джонсон 2004] и использованной в предыдущей главе.

ционирования. Так, государство расположено на определенной территории и имеет определенные отношения с другими государствами внутри мирового сообщества: как и у человека, у него есть соседи, друзья и враги. Государствам нередко приписывают человеческие качества: они бывают мирными или агрессивными, ответственными или безответственными, трудолюбивыми или ленивыми. Так, в дискурсе американских СМИ о захвате Кувейта Ираком последний представлен как *агрессор*, который совершает *акты изнасилования невинной жертвы* (Кувейта).

Принцип сохранения когнитивной топологии в данной метафоре распространяется и на такие элементы сферы-источника, как здоровье, сила, зрелость. Здоровье государства — это его экономическое благополучие; тем самым серьезная угроза экономике (в данном случае — перебои с импортом нефти) концептуализируется как смертельная опасность. В подтверждение тому Лакофф приводит ряд высказываний президента Буша (ст.) и его администрации, ср.: *Саддам Хусейн держит нашу экономику за глотку; Саддам перекрывает нам кислород*.

Степень зрелости государства — это уровень его индустриального развития, отсюда понятия развитых и неразвитых¹ стран. Те страны, где промышленный рост идет со скоростью ниже той, что считается нормальной, называются отсталыми и уподобляются детям с задержками в развитии, которых надо наставлять и контролировать.

Сила государства — в его военном могуществе. Подобно тому, как в интересах человека быть здоровым и сильным, разумное государство стремится довести до максимума богатство и военную мощь. В свете метафоры персонификации война предстает как схватка между сильными соперниками: так, США стремятся *выбить Ирак из Кувейта, нанести противнику сокрушительный удар, ударом кулака свалить его с ног* и т. п.

3. **ВОЙНА-КАК-АЗАРТНАЯ ИГРА.** Любое действие чревато последствиями — желательными или нежелательными. Когда требуется принять важное решение, человек стремится мысленно взвесить вероятность благоприятного исхода: так возникает понятие риска. Выше было показано, что метафора **ВОЙНА-КАК-БИЗНЕС** навязывает анализ войны с точки зрения затрат и выгод, или потерь и выигрышей. Если к ней добавить понятие риска, возникает новая метафора **ВОЙНА-КАК-АЗАРТНАЯ-ИГРА**,

---

¹ Или, как было принято говорить в СССР, «развивающихся».

реализующаяся, в частности, в таких идиоматичных выражениях, как *стоит ли игра свеч* и *что поставлено на карту*. В выступлениях президента Буша, впрочем, Лакофф заметил и более творческие проявления данной метафоры, например, когда тот называл стратегические маневры американцев в Персидском заливе *игрой в покер*, в которой было бы глупо *показывать карты*.

4. **ВОЙНА-КАК-СПОРТИВНАЯ-ИГРА.** Это достаточно традиционное осмысление войны высвечивает такие ее важные аспекты, как четкие правила ведения и завершения, наличие победителя и побежденного, а также зрителей на мировой арене, степень подготовки участников, их умение стратегически мыслить и действовать сообща. По словам Лакоффа, на Западе эта метафора прочно закреплена в традиции обучения военных шахматам и командным видам игр. Примечательно, что данная метафора может идти вразрез с метафорой **ВОЙНА-КАК-БИЗНЕС**, как это случилось во время войны во Вьетнаме, когда стремление США увеличить геополитические выгоды в определенный момент стало противоречить достижению полной военной победы. В связи с этим Лакофф задается вопросом, как поступит президент Буш, если столкнется с подобной дилеммой, и приходит к заключению, что выбор будет сделан в пользу полной победы.

5. **СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ.** В целях пропаганды войны американские власти задействовали также схематический сюжет сказки с тремя персонажами — героем, жертвой и злодеем. В сказках подобного рода обычно повествуется о злодее, совершившем жестокое преступление по отношению к невинной жертве, и о герое, вызвавшемся ее спасти. Как отмечает Лакофф, в прототипической сказке все три персонажа наделены соответствующими качествами в абсолютной степени. Так, злодей — самый что ни на есть изувер, с которым бесполезно вступать в переговоры, жертва совершенно ни в чем не повинна, а герой готов на самый героический поступок. Подвергая себя лишениям, он совершает опасное путешествие, нередко за море к неизвестной земле. Там он вовлекает злодея в схватку и в ходе кровопролитной борьбы побеждает его и освобождает жертву. Самопожертвование оправдалось: герой получает благодарность жертвы и признание окружающих.

Применение метафорической схемы о злодее, жертве и герое к военному вторжению США в Персидский залив потребовало соотнести структуру сказки и структуру реальной ситуации, т. е.

ответить на вопросы, кто в данном случае является злодеем, кто жертвой, а кто героем, какое преступление совершил злодей, что считать победой и т. д. Лакофф обращает внимание на то, что в начальный период кризиса американская администрация не смогла сделать это последовательно. Так, в отношении персонажей сказки существовало одновременно два способа распределения ролей и, следовательно, два сценария того, что происходит:

- 1) сценарий спасения: злодей — Ирак, жертва — Кувейт, герой — США. Преступление состоит в насилии над невинной жертвой;
- 2) сценарий самообороны: злодей — Ирак, жертва — США и другие западные страны, герой — США. Преступление заключается в угрозе экономическому здоровью.

Одновременное использование обоих сценариев в СМИ создавало некоторые неувязки. Кроме того, американский народ стал выступать против второй интерпретации событий, так как не желал покупать нефть ценой человеческих жизней. Тогда американская администрация окончательно остановилась на первом, «благородном», сценарии и в дальнейшем использовала именно его для оправдания войны.

Рассмотрев те аспекты войны, которые высвечиваются данными метафорами, обратимся теперь к тому, что же они затемняют.

Метафора ВОЙНА-КАК-БИЗНЕС может служить для оправдания войны с экономической и политической точек зрения, но никак не с позиций морали. Как пишет Лакофф, нравственное измерение в ней отсутствует в принципе, за исключением, разумеется, тех случаев, когда аморальное поведение сопровождается политической или экономической потерей, а этический поступок оказывается прагматически выгоден. Анализ военных действий в терминах экономики превращает качественные последствия, которые война может иметь для людей, в количественные подсчеты затрат и выгод.

«Безнравственность» данной метафоры становится еще более очевидной на фоне альтернативной метафоры ВОЙНА-КАК-ЖЕСТОКОЕ-ПРЕСТУПЛЕНИЕ, которая, напротив, фокусируется на моральном аспекте войны, игнорируя ее экономическую и политическую стороны. Это также метафора, потому что совершенные в ходе военных действий убийства, захваты, грабежи и т. д. не расцениваются как тяжкие преступления и, в отличие от мирного времени, за них не следует наказания.

Лакофф отмечает явную тенденциозность в использовании этих двух метафор по отношению к воюющим сторонам. Так, вторжение Ирака в Кувейт освещалось исключительно с точки зрения метафоры ВОЙНА-КАК-ЖЕСТОКОЕ-ПРЕСТУПЛЕНИЕ, т. е. внимание СМИ было сосредоточено на убийствах, грабежах, изнасилованиях, совершенных иракскими солдатами. Напротив, военные планы США никогда не обсуждались в этом ракурсе. Для их оправдания использовалась метафора ВОЙНА-КАК-БИЗНЕС, обосновывавшая необходимость военного присутствия США в зоне Персидского залива с точки зрения геополитической и экономической выгоды. Таким образом, неизбежная в дискурсе о войне оппозиция «мы — они»¹ усиливалась за счет использования соответствующих метафор: «разумность» действий США еще более подчеркивалась «преступностью» и «аморальностью» режима Саддама Хусейна.

Эта антитеза неизбежно проявляется и при подсчете затрат и выгод, в очередной раз акцентируя безнравственность метафоры ВОЙНА-КАК-БИЗНЕС: ведь полученные американцами выигрыши означают потери иракцев, и наоборот. Однако о потерях говорят только применительно к погибшим американцам, но не к жертвам среди иракских солдат и мирного населения.

Но допустим, пишет Лакофф, мы все же примем эту метафору и задумаемся об экономическом обосновании войны. Очевидно, что даже этот аспект продуман недостаточно, ведь в представленных аналитиками расчетах учтены только траты на ведение боевых действий (на вооружение и обеспечение личного состава всем необходимым). За рамками подсчетов оказались такие последствия войны, как долговременные проблемы со здоровьем у ветеранов, разрушенные жизни, психологические травмы у людей, потерявших своих близких, не говоря уж о том, что траты на войну исключают использование тех же денег на мирные нужды в своей стране. Не приняты во внимание также политические последствия

---

¹ Оппозиция «мы — они» (она же: «свои — чужие», или «друзья — враги») считается определяющей для сферы политики вообще, аналогично тому, как для области морали базовым является противопоставление добра и зла, а для эстетики — прекрасного и безобразного [Шейгал 2004: 112]. Предлагая схематичную, упрощенную модель мира, она является удобным способом осмысления социальной действительности и, как неоднократно было показано, регулярно задействуется в тоталитарном и экстремистском дискурсе. Отдельные высказывания Дж. Буша (ст.) о военной операции армии США в Персидском заливе представляют собой яркие образцы такого «черно-белого» мышления: чего стоит, например, его афористический лозунг «Враги моих врагов — мои друзья!», выражающий готовность защитить Кувейт от иракской агрессии [Бредемайер 2005: 210].

войны для США, а именно усиление враждебности арабского мира и рост терроризма. Даже не обсуждались моральные «потери» солдат от повседневной необходимости убивать и тем более моральные «потери» от использования самой метафоры «потерь».

Что касается метафоры ГОСУДАРСТВО-КАК-ЧЕЛОВЕК, то она, высвечивая организационное единство государств, скрывает их внутреннее устройство: социальную структуру, этнический состав, конфессиональные группы, политические партии, влияние крупного бизнеса и т. д. Многократно апеллируя к метафорическому понятию «национальный интерес» (ср. *война служит нашим национальным интересам*), администрация Дж. Буша стремилась создать видимость единодушия американских граждан по отношению к войне — в ситуации, когда такого единодушия быть не могло.

Некоторым американцам война действительно была выгодна (в частности, представителям военных корпораций); интересы же других — прежде всего солдат американской армии — очевидным образом расходились с пресловутым «национальным интересом». Армия США, которая, начиная с 1973 г., комплектуется по контрактному принципу, представлена преимущественно выходцами из малообеспеченных семей афро- и латиноамериканского происхождения. Именно они должны были принять на себя все тяготы войны и нести потери. И именно их жизни девальвировала метафора ГОСУДАРСТВО-КАК-ЧЕЛОВЕК — впрочем, как и жизни солдат иракской армии.

В основе метафоры ВОЙНА-КАК-АЗАРТНАЯ-ИГРА лежит понятие риска. Как известно, в математике существует специальный аппарат, позволяющий подсчитывать вероятность тех или иных событий и минимизировать риск, — это теория вероятности, теория решений и теория игр. Однако проблема в том, что политологи обычно воспринимают сравнение войны с азартной игрой буквально, не осознавая его метафоричности. Они полагают, что грамотное применение этих теорий всегда обеспечивает точный расчет и дает возможность свести риск к минимуму. Такая «математизация метафоры» (выражение Лакоффа) очень опасна, ибо социальные процессы в силу своей сложности не поддаются однозначному прогнозированию в терминах вероятности.

В заключение Лакофф подробно останавливается на необоснованности отождествления персонажей СКАЗКИ О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ с реальными странами — участницами конфликта. Он приводит факты, свидетельствующие о том, что

Саддам Хусейн не является, как его представляет американская пресса, отпетым злодеем, маньяком, с которым бесполезно вести переговоры, развенчивает миф о «невинности» Кувейта, разоблачает высоконравственные мотивы, которыми якобы руководствовались США, вступая в конфликт (герой должен быть бескорыстен, а Америка преследует собственные экономические интересы).

Он также обращает внимание на то, что СКАЗКА..., также как и метафора ВОЙНА-КАК-СПОРТИВНАЯ-ИГРА, требует заранее определить, что будет считаться победой. (Как только она достигнута, конец сказке или игре.) Однако в войне с Ираком конечная цель боевых действий США в Персидском заливе оставалась неясной. У американской администрации отсутствовало единое мнение о том, к чему в итоге следует стремиться, так как ни один из возможных вариантов развития событий не выглядел достаточно «победно». А если нельзя определить, что есть победа, то, по замечанию Лакоффа, нельзя и определить стоящее того самопожертвование.

Дальнейшие исследования концептуальных метафор в политическом дискурсе

Рассмотренная выше статья Лакоффа положила начало анализу языка политики с точки зрения теории концептуальной метафоры. Она убедительно продемонстрировала огромную роль, которую метафоры играют в политическом дискурсе и тем самым в политике вообще. В силу своей способности создавать или, наоборот, скрывать, высвечивать или затемнять определенные смыслы метафора служит для политика инструментом, посредством которого он может тонко регулировать общественные настроения и влиять на политические процессы. Опытный политик умеет выбирать метафоры и использовать их с наибольшей выгодой для себя.

Современные исследования концептуальной метафоры в политическом дискурсе отличаются разнообразием. В качестве материала используются как отдельные тексты, так и корпуса текстов, как личностный дискурс, так и дискурс определенных политических сил, а также национальный политический дискурс в целом и даже политическая коммуникация в нескольких странах. В зависимости от целей исследование может носить описательный, сопоставительный или критический характер, основываться на

современных или исторических источниках, использовать исключительно качественные интерпретации или привлекать также методики корпусного подхода и контент-анализа. Внимание авторов может быть сосредоточено на сферах-источниках или сферах-мишенях метафорической экспансии, на базисных когнитивных структурах, находящих отражение в политических метафорах (стереотипы, фреймы, оппозиции и др.), на культурных и гендерных характеристиках политической метафорике и др. (подробнее см. [Будаев, Чудинов 2006а]). Что касается когнитивных исследований политической метафоры, то они преимущественно сосредоточены на анализе корреляций между характером концептуальных метафор, используемых теми или иными политическими силами, и политическим курсом, который они проводят или к которому призывают. К этому аспекту мы и обратимся.

Метафоры тоталитарного дискурса

Большие возможности для изучения специфики тоталитарного дискурса представляют официальный язык советской (в особенности сталинской) эпохи¹ и дискурс фашистской Германии.

Как известно, одной из наиболее характерных, бросающихся в глаза, черт «советского» языка было повсеместное использование метафор, связанных с военной областью. Практически любая сфера человеческой деятельности осмыслялась через понятие войны (ср.: *битва за урожай, взять на вооружение новый метод, трудовая вахта, борьба за мир, ветераны труда, бойцы стройотрядов, бороться за повышение производительности труда* и т. п.). Интерпретация этого факта в свете теории концептуальной метафоры дает основания говорить о милитаризации общественного сознания [Баранов, Караулов 1991: 15–16].

Милитаризация сознания опасна, так как ограничивает восприятие внешнего мира, мешает человеку видеть разные грани действительности, навязывая ему строго определенный взгляд на вещи. Она лишает его возможности выбора, сужая спектр моделей поведения в непростых ситуациях до одной-единственной — «боевой» (ср.: *уничтожить, разбить, ликвидировать, подавить сопротивление* и т. п.). Показательно, что Сталин, как свидетельствует анализ его речей и статей, осмыслял все события действительно-

---

¹ Из заметных публикаций упомянем [Добренко 1993; Купина 1995; Лассан 1995; Клемперер 1998; Серно 1999].

сти только в военной перспективе, а одним из его любимых слов был глагол *добить* [там же].

В фашистской Германии, по свидетельству очевидца — профессионального филолога Виктора Клемперера, — помимо милитаристской метафоры были чрезвычайно распространены образы из области техники. Метафора ЧЕЛОВЕК — ЭТО МЕХАНИЗМ занимала заметное место в речах Геббельса и других нацистских идеологов: люди, организации, города к чему-то подключались и от чего-то отключались, чем-то заряжались, запускались, заводились, раскручивались, при необходимости вставляли на ремонт, чтобы снова работать на полных и даже предельных оборотах [Клемперер 1998: 196–201]. Примечательно, что метафоры механизма широко использовались в тот же период и в СССР, однако Клемперер не усматривает в этом аналогии и дает разные объяснения схожим явлениям. По его мнению, в фашистской Германии засилие технических метафор свидетельствовало о пренебрежении личностью, стремлении подавить свободно мыслящего человека, в то время как в СССР оно было знаком борьбы за освобождение духа [там же: 202–203].

Замечено, что тоталитарный дискурс нередко прибегает к метафорам, задействующим в качестве сферы-источника болезни, микробов, насекомых, крыс и других животных, обычно вызывающих неприятные ассоциации. В связи с этим часто вспоминают, что в фашистской Германии враги государства уподоблялись различным микроорганизмам и вредным животным, а Гитлер выступал в роли врача, призванного их истребить и тем самым вылечить германское общество. Характерно, что подобные метафоры использовались также во время испанской республики 1932 г., когда фашисты именовали республиканцев *паразитами, трутнями, змеями, ракообразными* и др. [Демьянков 2003: 126]. Такого рода сравнения можно встретить и в дискурсе современных правых экстремистов и группировок расистского толка.

Метафоры демократии

В отличие от языка тоталитарных режимов, дискурс в условиях демократии характеризуется огромным разнообразием как в идеологическом, так и в жанрово-стилевом аспектах. Поэтому в нем сложнее выделить какие-то универсальные черты, в том чис-

ле специфические метафоры. Было замечено, что образность языка вообще более высока в периоды общественных потрясений, войны и диктатуры, чем во времена экономического процветания и политических свобод¹ [Lasswell 1965].

В то же время сравнение демократического дискурса с языком тоталитарного строя способно пролить свет на некоторые особенности первого. Так, было замечено, что то господствующее место, которое в тоталитарном дискурсе занимают военные и технические метафоры, в условиях демократии и экономического благополучия принадлежит образам, связанным с домом, семьей, природой. Они предлагают человеку осмысление действительности в привычных, знакомых ему с детства категориях, настраивают его на созидательный лад, жизнь в гармонии со своим окружением, фокусируются на повседневных вещах, а не на мировых проблемах.

Удачным примером из новейшей истории нашей страны может служить название политической партии «Наш дом — Россия», образованной в начале 1990-х гг. — как раз в то время, когда в стране стали появляться первые ростки экономической стабильности. Следует заметить, что вообще концепт «дом» — этот традиционный для славянской культуры источник метафорической экспансии — заключает в себе высокий эмоциональный потенциал. Дом — это основная, наиболее естественная и комфортная среда существования человека и его семьи. Она знакома ему с детства и находится в кругу его «извечных» интересов — отсюда развернутая сеть эмоционально насыщенных ассоциаций (ср.: *отчий дом, родительский дом, домочадцы, семейный очаг* и т. д.). [Чудинов 2001: 152–155]. Все это придало «метафорическому» названию партии В. С. Черномырдина мощный конструктивный заряд: раз Россия — наш дом, нам ее благоустроить, наводить порядок, делать более безопасной и удобной для проживания и т. д. Удачность данной метафоры была еще и в том, что она высвечивала актуальную в то время потребность в общественной согласии, единении усилий всех граждан (так как Россия — наш общий дом, мы живем в нем все вместе) на пользу обществу и стране.

---

¹ Так, интересные результаты были получены при сравнительном анализе воспоминаний У. Черчилля «Вторая мировая война» и «библии» национал-социализма «Майн Кампф» с точки зрения использования в них пословиц: если в первой книге одна пословица встречается в среднем один раз на 107 страниц, то во второй на каждые полторы страницы текста приходится по пословице! [Mieder 1997].

Метафоры переходных периодов

Особый интерес для лингвистов представляют времена серьезных преобразований в обществе, замены одного строя другим. В силу консервативности еще какое-то время сохраняются характерные особенности «старого» языка, но в то же время уже появляются приметы «нового». Это отчетливо проявилось в период перестройки, когда постепенное стирание специфических черт «советского» («деревянного», как его называли на Западе) языка шло параллельно с укоренением нового русского политического языка, датой рождения которого можно считать 1985 г.

Язык перестройки был удивительно ярким, образным, непохожим на предшествовавший ему язык брежневской эпохи, отличавшийся «редкостной некрасноречивостью» [Рабинович 2000: 36]. Можно сказать, что если советская «военная» метафора предлагала человеку манихейскую черно-белую модель мира, то в метафорах перестройки воплотилось все буйство красок, все разнообразие и многоголосие того времени¹. Представление о них можно составить по публикациям [Баранов, Караулов 1991; 1994].

В основе этих работ лежит достаточно репрезентативная картотека за период перестройки (начиная с 1985 г.), собранная авторами по материалам печатных СМИ и представленная в тезаурусном виде. Каждая публикация состоит из двух частей:

- 1) первая часть дает возможность от заданной сферы-источника выйти на все соответствующие сферы-мишени (с конкретными примерами из публицистических текстов). Например: *Война / боевые действия / бой, битва, баталия* → *политическая деятельность, дипломатическая деятельность, уборка урожая* (т. е. в терминах боя, битвы, баталии осмысляются политическая и дипломатическая деятельность, а также уборка урожая).
- 2) вторая часть позволяет двигаться в обратном направлении: от заданной сферы-мишени ко всем соответствующим сферам-источникам (и соответствующему иллюстративному материалу). Например: *Горбачев* → *капитан, могильщик, архитектор, мессия, освободитель, загадка, крестный отец,*

¹ Повышенную метафоричность языка перестройки также связывают с тем, что мышление в сложной проблемной ситуации требует построения множества вариантов действий, «просчитывания» различных перспектив. «Метафорическое мышление в политике — признак кризисного мышления» [Баранов, Казакевич 1991: 17].

священная корова и др. (т. е. приводятся примеры, уподобляющие М. С. Горбачева капитану, могильщику, архитектору и др.).

В теоретическом плане сферы-мишени, при помощи которых могут осмысляться понятия «бой» и «битва», а также сферы — потенциальные источники образов для фигуры М. С. Горбачева, разумеется, не исчерпываются приведенными примерами. Авторы включили в свои словари то, что зафиксировано в их картотеке. Понятно, что в принципе потенциал этих концептов гораздо выше.

Своеобразным дополнением к рассмотренным публикациям можно считать монографию А. П. Чудинова, охватывающую отечественный политический дискурс последнего десятилетия XX в. [Чудинов 2001]. Ее структура (за исключением начальной и заключительной теоретических глав) также подчинена тезаурусному принципу, а рассуждения автора (как и предисловия А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова к своим словарям) проникнуты духом теории концептуальной метафоры.

Заслуживает внимания статья американского политолога Ричарда Андерсона (мл.) [Anderson], посвященная анализу языковых изменений в советском, а затем российском политическом дискурсе. Автор предпринял статистическое исследование метафор, использовавшихся политическими деятелями нашей страны за период с 1964 по 1993 г. Этот период он разбил на следующие три временных интервала: 1964–1984 гг. (советский строй), 1989 г. (переходный период; первые общенародные выборы) и 1991–1993 гг. (демократическое правление), — а в качестве материала взял по 50 речей, статей или интервью политических деятелей за каждый период. Выбор временных отрезков был мотивирован стремлением автора выявить корреляции между преобразованиями в обществе и изменениями в политическом лексиконе, точнее, в характере используемых метафор.

За период с 1964 по 1984 г. были отобраны речи членов Политбюро ЦК КПСС; все они характеризовались единообразием в языковом употреблении, в том числе и с точки зрения используемых метафор. Материалы 1989 г. также были представлены выступлениями членов Политбюро, но поскольку в стране уже полным ходом шла перестройка и была провозглашена гласность, их язык отличался от языка предшествующего периода и в целом был более разнообразным. Наконец, дискурс периода демократии (с 1991 по 1993 г.) на первый взгляд казался чрезвычайно разнообразным, поскольку Андерсон взял речи, статьи и интервью рос-

сийских политиков разных направлений — от крайних левых до радикально правых. Однако, несмотря на явную неоднородность материалов третьего (а также в некоторой степени второго) периода, автору удалось выявить отчетливые тенденции в изменении метафорики политического дискурса, проявляющиеся в постепенном вытеснении одних образов другими.

Следуя теории Лакоффа и Джонсона, Андерсон стремился обнаружить метафорические понятия в обычных, казалось бы, лишенных образности словах (и морфемах) русского языка и выявить зависимость используемых метафор от особенностей общественного сознания и политического режима. Не все его интерпретации языкового материала бесспорны, однако основные выводы, подкрепленные примерами и статистическими подсчетами, выглядят вполне убедительно.

Анализ метафорики отечественного политического дискурса в исторической динамике позволил автору выявить ряд тенденций. Одна из наиболее ярких заключается в постепенном угасании «вертикальных» метафор (*верховный, высший, подданный, подчиняться, высокий, высокоидейный, высокопроизводительный, высококоразвитый* и т. п.) и их вытеснении «горизонтальными» метафорами (*левый, правый, сторонник, спектр, диалог, оппозиция*). Этот факт Андерсон интерпретирует в свете общих особенностей соответственно тоталитарного и демократического режимов.

Так, изобилие «вертикальных» метафор в советском дискурсе автор объясняет стремлением любого авторитарного режима представлять политику как нечто, лежащее высоко или далеко, а значит, не подвластное простому человеку. Тем самым в сознание людей внедряется мысль о том, что никакие их действия не могут изменить существующий строй и остается лишь подчиниться верховной власти. Напротив, в демократическом обществе политические деятели изо всех сил стремятся преодолеть пассивность избирателей и потому представляют политику как что-то близкое и доступное, требующее участия простого человека и зависящее от его волеизъявления. Следовательно, заключает Андерсон, при переходе от диктатуры к демократии язык политики должен снижать высоту и разрушать иерархии; проявлением этой тенденции и стала замена «вертикальных» метафор на «горизонтальные» в новейшей истории России.

Другие отмеченные автором тенденции включают ослабевание метафор «удаленности», «отделенности» и «управления» в постсоветский период. Политика стала «приближаться» к людям, зависеть от их личного участия и выбора. Ключевая для советского

периода дихотомия *партия — народ* в период перестройки трансформировалась в *диалог* между *партией* и *обществом*, но позднее, с утратой коммунистической партией единоличных позиций в политическом пространстве и возникновением прочих партий, потеряла смысл. Частотность метафоры «строительства», столь заметной в советском дискурсе (*строители коммунизма, молодежные стройки, строй, социалистическое строительство*)¹, также постепенно снижается, если не принимать во внимание высокие показатели для слова *перестройка* в 1989 г. Впрочем, метафора перестройки высвечивала скорее разрушение старого и потребность перемен, чем созидание нового, и ее популярность резко идет на спад в период с 1991 по 1993 г.

Как Андерсон объясняет смену метафор в русском языке постсоветской эпохи? Можно было бы предположить, пишет он, что в политику пришли новые люди с иным, «несоветским», мировоззрением. Но, как известно, большинство российских политиков периода перестройки вышли из советской партийной номенклатуры, и вряд ли их менталитет претерпел сильные изменения. А дело, по-видимому, объясняется тем, что опытные политики умеют выбирать те языковые средства (в том числе метафоры), которые наилучшим образом соответствуют их задачам и духу времени в целом.

Диагностический и прогностический потенциал политических метафор

Более полувека назад американский политолог Гарольд Лассвелл обратил внимание на связь между характером политического режима и особенностями языка. Еще в 1949 г. он сформулировал соответствующие корреляции [Lasswell 1965: 20–39], но в то время его суждения остались практически незамеченными. Зарубежные исследователи «открыли» для себя труды Лассвелла лишь в конце XX в. — в связи со становлением дискурсивных исследований и ростом интереса к политическому дискурсу — и не замедлили провозгласить его первопроходцем в изучении языка политики.

---

¹ Распространенность метафоры «строительства» в советское время, по-видимому, обусловлена предложенным Марксом взглядом на общество как на некоторое здание (*Aufbau*). Эта метафора позволяет выделить в обществе базис, надстройку, инфраструктуру, рассуждать о его устройстве, обустройстве, строительстве, воздвижении, разрушении, перестройке и т. д. [Арутюнова 1999: 379].

Лассвелл выдвинул следующие два тезиса. Первый состоял в том, что по стилю языка можно судить о текущей политической ситуации: когда настроения в обществе оптимистичны и перспективы благоприятны, стиль характеризуется разнообразием и многословием; напротив, когда будущее неясно и в обществе царит пессимизм, стиль становится скупым и монотонным.

Эта общая формулировка нашла свое фактическое подтверждение в наблюдениях В. Клемперера над немецким языком в фашистской Германии, который отмечал полнейшую стандартизацию письменной речи и, как следствие, единообразие речи устной: везде были одни и те же штампы, одна и та же интонация [Клемперер 1998]. Отчетливая переключка с суждением Лассвелла звучит в словах Клемперера¹, когда он пишет, что хотя конкретные высказывания могут ввести в заблуждение, суть языка Третьего рейха явлена в стиле речи, и здесь ошибиться невозможно. Ср.: «Нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» [там же: 25].

Второе замечание Лассвелла касалось возможности прогнозировать развитие политической ситуации, опираясь на данные языка. Согласно его предположению, определенные изменения в стиле могут свидетельствовать о назревающем кризисе или постепенном ослаблении демократии. Сравнительно недавно эта гипотеза получила подтверждение в исследовании, посвященном метафорике отечественного публицистического дискурса в период августовского экономического кризиса 1998 г. [Баранов 2003].

Согласно А. Н. Баранову, материалы российских СМИ за соответствующий период демонстрируют существенное увеличение метафоричности политического дискурса в дни кризиса. Кроме того, отмечен рост параметра креативности метафор, т. е. удельный вес «живых», индивидуально-авторских метафор. Наконец — и это главное в данном контексте, — рост обоих показателей несколько опередил наступление самого кризиса. Автор считает естественным предположить, что так происходит всегда: общество предчувствует кризис и заранее готовится к его разрешению. Если это

---

¹ Заметим, что записи делались Клемперером во время Второй мировой войны, т. е. до выхода в свет статьи Лассвелла; что же касается Лассвелла, то он едва ли был знаком с наблюдениями Клемперера, так как записные книжки были изданы на английском языке лишь несколько лет назад; таким образом, влияние маловероятно.

так, то активность использования метафор оказывается не только показателем кризиса, но и инструментом его прогнозирования, хотя и краткосрочного [там же].

Наблюдения над функционированием метафор в политическом дискурсе обнаруживают наличие интересных корреляций. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», не выраженные эксплицитно; этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» [Будаев, Чудинов 2006а: 45–46]. Вместе с тем метафоры намеренно используются политиками для изменения картины мира адресата — из этого можно заключить, что «метафоры определяют сознание». Первый аспект отчетливо проявляется при анализе стертых метафор, второй — при обращении к ярким, образным метафорам, хотя жесткого разграничения, разумеется, нет [там же].

3. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Принимая во внимание тот первостепенный интерес, который для когнитивной лингвистики представляет проблема значения, не приходится удивляться, что в поле зрения когнитивистов попадает широкий спектр семантических явлений, относящихся к различным уровням языка и разным аспектам его описания. Большинство исследований лежит в русле синхронической (описательной) семантики, но есть и работы, посвященные развитию значений, причинам и типам семантических изменений, т. е. проблемам диахронической (исторической) семантики.

Не будет большим преувеличением сказать, что на протяжении чуть ли не всего XX в. западная лингвистика оставляла их в стороне. Два крупнейших течения — структурализм и пришедшая ему на смену генеративная теория — были сосредоточены на вопросах анализа и описания языка на современном срезе. Интерес к истории значений слов, характерный для самого раннего этапа становления семасиологии, возродился лишь в конце XX в. в рамках когнитивной лингвистики. Неслучайно голландский исследователь Д. Герартс, проводя параллели между историко-филологическим этапом в развитии семантики и когнитивной лингвистикой, видит основания для их сближения, в частности, в том внимании, которое обе традиции уделяют проблемам исторической семантики [Geeraerts 1988a].

К истории вопроса о характере семантических изменений

Исследователю, обращающемуся к диахроническому аспекту значения, трудно игнорировать фундаментальную проблему, касающуюся регулярности семантических процессов. Существуют ли общие пути развития значений? Можно ли выявить какие-либо корреляции между характером «старых» и «новых» значений? Позиция лингвиста по этим вопросам влияет на методику исследования и предопределяет его результат — в том смысле, что если ответы даны отрицательные, итогом будет атомистическое описание отдельных случаев, а в случае утвердительного ответа исследователь будет стремиться представить свои результаты в систематическом виде и рассматривать их в свете более общих тенденций.

Соответствующие проблемы были обозначены уже в самых ранних работах по семасиологии. В конце XIX в. Мишель Бреаль — автор термина *семантика* — в задачи этой новой дисциплины включил изучение «законов, которые управляют изменением значений слов» (цит. по: [Ульманн 1970: 250]). В этих словах отчетливо звучит уверенность в существовании таких законов¹. Подобное отношение вообще характерно для раннего этапа развития семасиологических исследований — достаточно вспомнить капитальный труд Г. Пауля [Пауль 1960], исследования В. Вундта, Э. Велландера, Г. Шпербера, классификации Г. Стерна, З. Гомбоца и др.² (см. [Звегинцев 1957: 10–47; Шмелев 1964: 12–20]). О наличии определенных тенденций в семантических изменениях писал и русский языковед М. М. Покровский: «Семасиологические явления не отличаются большим произволом, но наоборот... за ними скрываются какие-то законы» (цит. по: [Звегинцев 1957: 254]). Другое дело, что познание их, как писал В. Вундт, «затруднено действием разнообразных причин различного происхождения» [там же: 255].

В лингвистической литературе, однако, высказывались и другие точки зрения. Так, основоположник структурализма Ф. де Соссюр

---

¹ Тем не менее в своей знаменитой книге «Очерк семантики» Бреаль ограничился выделением лишь распространенных типов семантических изменений [Bréal 1924].

² При всем различии взглядов упомянутых авторов на причины и типы семантических изменений их объединяет изначальное убеждение в том, что семантические изменения отличаются определенной регулярностью: в противном случае поднимать данные вопросы просто не имело бы смысла.

сюр занимал противоположную позицию, сводившуюся к отрицанию возможности установления каких бы то ни было закономерностей в исторической семантике, ср.: «...диахронические события всегда в действительности носят случайный и частный характер <...> если франц. *routre* ‘кобыла’ приняло значение ‘балка’, то это было вызвано частными причинами и не зависело от прочих изменений, которые могли произойти в языке в тот же период времени; это было чистой случайностью из числа многих случайностей, регистрируемых историей языка» [Соссюр 1999: 94]. Схожего мнения придерживался и А. Мейе, утверждавший, что каждое слово развивается своим индивидуальным путем.

Столь кардинальное расхождение во взглядах может отчасти объясняться различным пониманием того, что есть семантическая закономерность. В то время как одни ученые подразумевали под этим всего лишь наличие внутренней логики, управляющей изменениями значений слов, другие стремились выявить в семантике столь же строгие законы, какие имеют место в фонетике. Однако правомерность сближения семантических регулярностей с фонетическими законами многими учеными ставилась под сомнение. Э. Велландер в этой связи указывал на различия в условиях: «Количество существующих в любом языке звуков и их комбинаций велико, но все же ограничено. Количество же фактически существующих значений слов, не говоря уж об оттенках, почти безгранично, а их связи соответственно буквально бесчисленны. К тому же процессы семантических изменений <...> очень сложной природы; семасиологическое исследование очень затрудняется тем, что возникающее новое значение не исключает старого, и часто трудно, даже невозможно решить, какое из двух значений является более старым» (цит. по: [Звегинцев 1957: 254]).

Вопрос о законах изменения значений вновь встал на повестку дня в 1960-е гг., в связи с обсуждением проблемы так называемых языковых универсалий — особенностей, общих для всех языков на всех этапах их развития. Большинство исследований касалось фонологии и грамматики; на этом фоне особняком стояла работа Стивена Ульманна, посвященная «панхроническим» закономерностям в области семантики [Ульманн 1970].

Озаглавив свою статью «Семантические универсалии», автор сразу делает две оговорки. Во-первых, термин *семантический* относится исключительно к значению слова, иными словами, речь идет о закономерностях в лексической, а не грамматической семантике. Во-вторых, едва ли такие закономерности можно счи-

тать абсолютными, так как нельзя доказать, что они существовали во всех языках на всех стадиях их развития. Поэтому под семантическими универсалиями Ульманн предлагает понимать статистические вероятностные закономерности (*near-universals*).

Автор различает три вида семантических универсалий: а) касающиеся синхронических явлений, б) относящиеся к диахроническим процессам, в) связанные с общей структурой словаря, — в каждом из которых выделяет явления, претендующие на статус универсальных (в описанном выше смысле). В частности, в универсалии исторической семантики включены метафорический перенос, расширение и сужение значения, а также процессы, связанные с табу и эвфемизмами. В числе метафор, претендующих на универсальность, Ульманн упоминает антропоморфные метафоры, перенос от конкретного к абстрактному и синтестезию.

Семасиологические исследования С. Ульманна отчетливо выделяются на фоне господствовавшего в то время за рубежом пренебрежительного отношения к содержательной стороне языка. Прошло несколько десятилетий, прежде чем западные ученые вновь обратились к этой теме — на этот раз в рамках когнитивной лингвистики.

Когнитивный подход к закономерностям исторической семантики

Позиция когнитивистов по данному вопросу заключается в том, что семантические изменения обычно носят не случайный, а регулярный характер. В самом общем виде это утверждение обосновывается постулатом о связи языка с когницией: когниция не хаотична, ибо существуют определенные ментальные структуры (мышления, сознания, памяти); они влияют на язык; значит, язык и, в частности, семантические изменения также не лишены определенного порядка¹ [Sweetser 1990: 13]. Конечно, регулярность семантических изменений не столь высока, чтобы их можно было считать правилами без исключений, — скорее, следует говорить о диахронических тенденциях, на основе которых предсказать

---

¹ Задолго до возникновения когнитивной лингвистики эту мысль хорошо выразил О. Есперсен: «Существуют универсальные законы мышления, которые отражаются в законах изменения значений, хотя наука о значении пока что мало продвинулась по пути обнаружения этих законов» (цит. по: [Ульманн 1970: 250]). Ср. позднее у Бальдингера: «Подчинено же изменение значений только общим законам мышления...» (цит. по: [Шмелев 1964: 20]).

изменения значений конкретных слов со стопроцентной вероятностью невозможно. Впрочем, так же обстоит дело и с другими типами языковых изменений: фонетическими, морфологическими, синтаксическими [Nikiforidou 1991: 195–197].

Семантические изменения обсуждаются когнитивистами в терминах их закономерности (*motivation*)¹: утверждается, что существуют закономерные (мотивированные) и закономерные (случайные, индивидуальные) изменения. В связи с этим возникают два вопроса. Во-первых, что считается закономерным? Во-вторых, почему одни изменения закономерны, а другие нет? Рассмотрим все по порядку.

Закономерности исторической семантики когнитивисты видят в регулярных метафорических переносах с одной понятийной сферы на другую (в духе теории концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона). Таким образом, речь идет исключительно о когнитивных закономерностях, обусловленных особенностями человеческого сознания, организацией его понятийной системы. Изменения значений, совершающиеся под давлением собственно языковых факторов или в силу исторических причин, в когнитивной лингвистике не обсуждаются: то ли когнитивисты не видят там регулярности, то ли она не представляет для них интереса. Однако четко разделить влияние разных факторов трудно, и попытка обсуждать метафорические значения исключительно в аспекте их мотивированности механизмами сознания зачастую оборачивается методологически некорректным смешением случаев параллельного развития и калькирования. Как известно, разграничить эти феномены применительно к конкретным случаям не всегда возможно, однако следовало бы по крайней мере упомянуть эту проблему. Насколько мне известно, когнитивные лингвисты этого не делают².

Методика выявления регулярных метафорических переносов заключается в следующем. Лингвист, рассматривая многозначные слова определенной семантической группы, обнаруживает у них значения, относящиеся к другой тематической области (например, как будет показано ниже, у лексики зрительного восприятия регулярно встречаются значения, связанные с мышлением и знанием). Затем он привлекает обширный материал (обычно несколь-

---

¹ Заметим, что если в предшествующем изложении слово *закономерность* употреблялось в смысле 'регулярность', то в данном контексте его следует понимать как 'мотивированность, обоснованность'.

² В этом отношении более обоснованным и многообещающим выглядит замысел «Каталога семантических переходов» [Зализняк 2001].

ких языков) и проверяет регулярность этого феномена. Если она подтверждается, остается решить, какое значение исторически первично, а какое — вторично. При этом как само собой разумеющееся принимается мысль о том, что семантическое развитие всех слов данной группы должно идти в одном направлении¹ (в нашем примере это означает, что либо все «зрительные» значения произошли от «мыслительных», либо наоборот).

При решении вопроса об исходном значении исследователь прежде всего обращается к данным исторических словарей. Кроме того, в ход идут достижения психолингвистики и общие положения теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также выделенные ими концептуальные метафоры².

Закономерность регулярных метафорических переносов получает свое подкрепление со стороны известного тезиса психолингвистов о первичности для человеческого сознания сенсомоторного опыта взаимодействия со средой, приобретаемого в самом раннем детстве. Этот опыт способствует выработке базовых понятий, связанных с чувственным восприятием, движением, пространством, которые впоследствии служат основой для осмысления более сложных и абстрактных сущностей. С этой точки зрения как закономерные предстают такие исторические изменения в семантике слова, когда на основе исходного значения, относящегося к области перцепции или расположению в пространстве, со временем возникает новое значение, связанное с иной, более сложной и отвлеченной, понятийной областью.

Будучи истолкованы и обоснованы с позиций когнитивизма, регулярные метафорические переносы, казалось бы, могут претендовать на универсальность. В действительности, однако, нередко оказывается, что выводы, сделанные на материале нескольких европейских языков, опровергаются анализом лингвистического материала иных языковых семей и ареалов.

---

¹ Идея об однонаправленности метафорических проекций поддерживается не всеми исследователями, ср. более осторожную формулировку: «Переносы не являются однонаправленными, но все же в одном направлении они осуществляются чаще, чем в другом» [Гак 1988: 18].

² Ссылки на положения теории концептуальной метафоры в данном случае малоинформативны, так как те, в свою очередь, восходят к наблюдениям психолингвистов. Что касается апелляции к конкретным концептуальным метафорам, то она выглядит вовсе некорректно, так как провоцирует порочный круг — ведь согласно методике Лакоффа и Джонсона, концептуальные метафоры выводятся из языковых фактов.

Закономерные метафорические переносы обнаруживаются как у лексических, так и у грамматических значений. Обратимся к их рассмотрению.

Регулярные изменения лексических значений¹

Пространство → время²

Временные отношения регулярно выражаются при помощи языковых единиц (слов и морфем), первоначально обозначавших пространственные отношения³. Например⁴: *уходить (время), приходить (срок), приближаться, наступать, тянуться, перед, за, между, позади, впереди, затем, длинный (день), короткий (срок), ближайший, дальнейший, отрезок, промежуток (времени) и т. д.*

Обоснование этого регулярного метафорического переноса осуществляется посредством ссылок на известный тезис психолингвистов о первичности пространственных понятий для человеческого сознания, а также на теорию концептуальной метафоры, провозгласившую их фундаментом понятийной системы человека⁵.

---

¹ Различие между лексическими и грамматическими значениями здесь проводится в соответствии с разграничением лексических и грамматических единиц, которое, в свою очередь, опирается на оппозицию открытых и закрытых множеств [Лайонз 1978: 460].

² Здесь и далее метафорические переносы будут обозначаться таким способом.

³ Эта тенденция семантического развития неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе и из всех обсуждаемых когнитивистами «закономерностей», пожалуй, вызывает меньше всего возражений. Еще Г. Пауль (чья психологическая концепция семантических изменений оказалась вполне созвучна современным идеям когнитивизма [Gyögi 1996: 182]) писал о том, что выражения с пространственной семантикой регулярно служат для обозначения времени, умственных и психических состояний и др. [Пауль 1960: 116–117]. Однако универсальность данного переноса все же вызывает сомнения, ср. [Whorf 1956: 156–157].

⁴ В качестве иллюстративного материала здесь и далее по возможности используются релевантные русскоязычные примеры.

⁵ Попутно отметим тот хорошо известный факт, что чрезвычайно скрупулезное и точное выражение пространственных отношений характерно для так называемых первобытных [Леви-Брюль 1930] языков. Согласно некоторым исследованиям, существует обратная зависимость между степенью подробности в отражении пространственных категорий в языке и степенью сложности соответствующей культуры (т. е. тем, насколько серьезно человек вмешивается в окружающую среду) [Denny 1978; Perkins 1992].

Лексика чувственного восприятия

Анализ языковых единиц, относящихся к семантической области перцепции, был предпринят в книге [Sweetser 1990]. Автор показала, что в индоевропейских языках лексика чувственного восприятия нередко имеет метафорические значения, относящиеся к областям умственной, психической и социальной деятельности¹. В некоторых случаях в современном языке осталось лишь производное значение, однако его связь с мотивирующим образом сохраняется за счет прозрачной внутренней формы языковой единицы. Итак, Свитсер выделяет следующие регулярные метафорические переносы:

1. ЗРЕНИЕ → МЫШЛЕНИЕ. Слова, первоначально имевшие отношение к зрительному восприятию, со временем развивают значения, связанные с умственной деятельностью. Ср.: *воззрения, мировоззрение, взгляды, кругозор, точка зрения, очевидный, ясный, прозрачный, по-видимому; не вижу (в чем проблема); рассмотреть вопрос; наблюдается следующая картина* и т. д. Ив Свитсер объясняет эту связь прежде всего тем, что зрение является для человека основным источником сведений о внешнем мире. Возможно, играет свою роль и то, что зрение, подобно мышлению, способно выбирать свой объект — в отличие от остальных органов чувств.

Кроме того, как отмечает автор, зрение связано с областью религиозного и духовного (ср.: *предвидение, видение, прозрение, ясновидец* и т. д.). В древних индоевропейских культурах физическое и духовное «зрение» считались тесно связанными: физическая слепота была важным условием внутреннего «зрения», способности к ясновидению (поэтому пророки обычно бывали незрячими).

2. СЛУХ → ЯЗЫКОВОЕ ОБЩЕНИЕ → ВНИМАНИЕ, ВНУТРЕННЯЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ → ПОСЛУШНОСТЬ. По мнению Свитсер, слух универсально связан как с внешними, так и с внутренними аспектами речевого восприятия. Например: *ты слышал о...; слушай, а ты знаешь, что...; я вас слушаю; слушаться, послушание, послушник* и т. д.

3. По сравнению с другими органами чувств у ОБОНЯНИЯ, как отмечает автор, меньше метафорических связей с другими областями и они менее глубокие.

4. ВКУС → СИМПАТИИ И АНТИПАТИИ. Связь понятий вкуса и личных предпочтений Свитсер усматривает в высокой

---

¹ Вопрос о синестезии на страницах книги Свитсер не поднимается.

субъективности вкусовых ощущений, ср.: *вкус к авантюрам, одеваться со вкусом, безвкусное платье*.

5. ОСЯЗАНИЕ → ЭМОЦИИ. Слова, относящиеся к области тактильных ощущений, могут использоваться для выражения душевных переживаний, например: *душевная рана, на душе кошки скребут, глубоко тронут вашим вниманием, задеть кого-л. неосторожным словом*. Мотивированность этого переноса Свитсер видит в тесной связи областей физического и эмоционального: так, физическая боль способна сделать нас душевно несчастными, а физическое удовольствие — счастливыми.

Пытаясь обобщить свои наблюдения, Свитсер отмечает, что зрение и слух действуют на расстоянии, а удаленность связана с мышлением и объективностью. Вкус и осязание, напротив, требуют непосредственного физического контакта с воспринимаемым объектом, а близость предполагает эмоции и субъективность. Подводя итог своему исследованию, она заключает, что дальнейшие исследования подтвердят широкую распространенность, если не универсальность, одних метафорических переносов и большую культурную обусловленность других.

Что касается потенциальных универсалий, автор видит их в том, что «объективная, мыслительная сторона нашей внутренней жизни регулярно связана со зрением» [Sweetser 1990: 37], в то время как «слух связан с исключительно коммуникативными аспектами понимания, но не с мышлением в целом», и «было бы странно, если бы у глагола, означающего *слышать*, появилось значение ‘знать’, а не ‘понимать’, в то время как для глагола, означающего *видеть*, это — вполне обычное явление» [там же: 43]. Если выразить тезисы Свитсер схематически, получим:

видеть → *знать*

слышать → *понимать* (ср.: *я слышу, слышу* — в смысле ‘понимаю’).

Группа исследователей взялась проверить это категоричное заявление Свитсер на материале языков австралийских аборигенов [Evans, Wilkins 1998]. По результатам обследования более сотни языков обнаружилось, что в них для обозначения когнитивных процессов, наоборот, регулярно задействуются глаголы слуха, а не зрения. Они используются не только в значении ‘понимать’ (как у Свитсер), но и в значениях ‘думать’, ‘знать’, ‘помнить’, т. е.:

слышать → *думать, знать, помнить, понимать*.

Что касается глаголов зрения в этих языках, то они не имеют метафорических проекций на область когниции, а используются для обозначения социальных взаимодействий. Существенно, что те же особенности характерны для слов, обозначающих соответственно *ухо* и *глаз*.

Таким образом, исследование Эванса и Уилкинса показало, что модели полисемии подвержены гораздо большему межкультурным вариациям, чем предполагала Свитсер, хотя в рамках каждой отдельной культуры наблюдается системность. Авторы отмечают, что лексика чувственного восприятия чрезвычайно интересна для лингвиста, так как предполагает, с одной стороны, единую нейрофизиологическую обусловленность, а с другой — культурную специфику: так сказать, «одной ногой в природе, другой — в культуре» [Evans, Wilkins 1998: 54]. Это обуславливает неизбежное (но для разных культур разное) сочетание универсального и особенного в семантической структуре соответствующих лексем.

В связи с обсуждаемой проблемой заслуживает внимания мысль Н. Д. Арутюновой о неравноправии, наблюдающемся среди глаголов чувственного восприятия. В каждый исторический период один из них — автор называет его «главой перцептивной иерархии» — более активно развивает когнитивные смыслы, чем другие предикаты поля восприятия. Согласно Арутюновой, в русском языке XVIII—XIX вв. первенство сохранялось за глаголом *слышать*: как свидетельствует словарь В. И. Даля, он мог относиться ко всем чувствам, кроме зрения, а также к внутренним ощущениям (физическим и психическим). Затем в борьбу за право обладания эпистемическим значением вступил глагол *видеть*, что привело к временным колебаниям норм употребления и закончилось победой последнего в XX в. [Арутюнова 1999: 415—416].

Глаголы положения в пространстве и движения

Регулярные исторические изменения в семантике этих глаголов были рассмотрены Э. Трауготт и Р. Дэшером [Traugott, Dasher 1985]; их обоснование с позиций когнитивизма содержится в статье И. Свитсер [Sweetser 1987].

1. ГЛАГОЛЫ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ И ДВИЖЕНИЯ → УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Например: *выдвинуть* / *взять* / *заимствовать* / *украсть* / *выбросить из головы идею*, *схватиться за предложение*, *вывести закон*, *опираться на*

*факты, отложиться в памяти, разложить по полочкам, мысленно прикидывать, перейти (подойти) к рассмотрению и т. д.*¹

Предложенное И. Свитсер обоснование опирается на выделенную Лакоффом и Джонсоном концептуальную метафору ИДЕИ — ЭТО ПРЕДМЕТЫ (IDEAS ARE OBJECTS), в соответствии с которой умственная деятельность предстает как манипуляция «ментальными предметами» [Lakoff, Johnson 1980].

2. ГЛАГОЛЫ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ И ДВИЖЕНИЯ → РЕЧЬ. Например: *перекинуться парой слов, подбросить идею, накинуться с упреками, передать словами, подкалывать, приставать с вопросами, цепляться к словам, обратиться с предложением.*

По мнению И. Свитсер, этот регулярный перенос объясняется той же концептуальной метафорой ИДЕИ — ЭТО ПРЕДМЕТЫ: речь — это направленная передача «упакованных» в слова «ментальных предметов» от говорящего к слушающему.

3. ГЛАГОЛЫ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ → РЕЧЬ. Например: *заметить, признать, поинтересоваться, предположить* и т. д. Трауготт и Дэшер объясняют именно такое (а не обратное) направление развития значений тем, что искренность и успешность речевого акта нередко предполагают предварительные мыслительные операции — выделение объекта сообщения и его атрибутов, проверку истинности того положения дел, о котором пойдет речь, и т. д. Таким образом, производное значение предполагает первичное в качестве своей предпосылки.

Регулярные изменения грамматических значений

Модальные глаголы

Как известно, логики различают онтологическую (подразделяющуюся, в свою очередь, на алетическую и деонтическую) и эпистемическую возможность, а лингвисты выделяют соответствующие разновидности модальности². Когнитивисты утверждают, что у модальных глаголов онтологическое значение является первичным, т. е.:

¹ Большое число дополнительных примеров можно найти в [Зализняк 1999].

² См., напр., [Булыгина, Шмелев 1997: 209–231].

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ → ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ.

Так, у глагола *may* первично значение, связанное с разрешением, а от него впоследствии от него произошло значение, относящееся к оценке говорящим возможности того или иного события, ср.:

John may go → *John may be there* ('Джон может идти' → 'Джон может быть там').

Аналогичным образом у глагола *must* значение принуждения является первичным, а значение, связанное с высокой вероятностью события (с точки зрения говорящего) — производным, ср.:

You must come home by 10 → *You must have been home last night* ('К 10 ты должен быть дома' → 'Ты, должно быть, вчера вечером был дома').

Исторические данные и наблюдения над детской речью убеждают в первичности онтологических значений и производности эпистемических¹ [Sweetser 1990: 50]. Свитсер объясняет этот факт в свете теории концептуальной метафоры — как проекцию более знакомого и конкретного мира физических и социальных отношений на область ментального [там же: 59–68].

Элизабет Трауготт рассматривает этот тип изменений как частный случай общей тенденции к большей субъективизации (*subjectification*), или прагматизации, значения. Согласно ее теории субъективизации, развитие значений (как лексических, так и грамматических) всегда идет в одном направлении, а именно: от обозначения внешних, объективных ситуаций к описанию внутренних, субъективных ситуаций — с позиции говорящего и в его оценке² [Traugott 1986]. Значения, относящиеся к внешним (фи-

¹ Возможности онтологической и эпистемической интерпретации обнаруживаются не только у модальных глаголов [Tregidgo 1982]. Возможно, более уместно говорить не о двух типах значений, а о шкале, крайними точками которой являются манипуляция (в смысле: принуждение) и когниция (умственная деятельность) [Givón 1990: 527ff.].

² В интерпретации Трауготт субъективизация включает в себя широкий круг явлений, таких как мелиорация и пейорация значений, развитие причинных значений на основе временных, десемантизация локативных предлогов и др. Последние исследования феномена субъективизации привели Э. Трауготт и Р. Дэшера к созданию так называемой *Invited Inferencing Theory of Semantic Change*, которая объясняет семантические изменения конвенционализацией окказиональных употреблений, строящихся по принципу «напрашивающегося вывода» (*invited inference*) [Traugott, Dasher 2005].

зическим и социальным) ситуациям, служат источником для образования значений, связанных с внутренним миром человека.

Отрицание

В лингвистической литературе различают внутреннее (логическое, связанное с условиями истинности) и внешнее (маркированное, эмфатическое) отрицание; в статьях Л. Хорна и И. Свитсер используются соответственно термины *дескриптивное* (*descriptive*) и *метаязыковое* (*metalinguistic*) отрицание [Horn 1985; Sweetser 1986]. Поясним, о чем идет речь.

Дескриптивное отрицание: *Bill didn't paint the house* ('Билл не покрасил дом').

Метаязыковое отрицание: *Bill didn't paint the house, he slapped it all over with cheap whitewash* ('Билл не покрасил дом, он кое-как обмазал его дешевой известкой').

Во многих языках (в том числе английском) эти два вида отрицания выражаются одной и той же морфемой. В таком случае приверженцы когнитивной лингвистики утверждают, что:

ДЕСКРИПТИВНОЕ ОТРИЦАНИЕ → МЕТАЯЗЫКОВОЕ ОТРИЦАНИЕ.

Применительно к английскому языку это означает, что английская отрицательная частица *not* первоначально относилась к содержанию сообщения, и лишь позднее стала возможной ее референция к способу выражения. Легко видеть, что это вполне согласуется с теорией субъективизации Э. Трауготт.

В отличие от модальных глаголов, возможность использования отрицательной частицы в обоих смыслах интерпретируется когнитивистами как свидетельство не полисемии, но некоей прагматической неоднозначности. Считается, что значение этой частицы отличается высокой степенью абстрактности, позволяющей использовать ее в двух разных ситуациях [там же].

Аналогично трактуются и разные по смыслу употребления союзов, ср.:

Шел дождь и бушевал ветер (одновременность).

Она вошла в комнату и закрыла за собой дверь (временная последовательность)¹.

¹ Хорошо известный пример иконичности языковых структур, отмеченный еще Р. Якобсоном [Якобсон 1983].

Она захлопнула дверь и разбудила собаку (временная последовательность плюс причинность — в соответствии с принципом наивной логики *post hoc ergo propter hoc*).

По мнению Л. Хорна, здесь мы имеем дело не с отдельными значениями сочинительного союза *and*, а с различными реализациями одного и того же общего значения связанности, сочлененности. Выбор правильной интерпретации осуществляется с опорой на контекст и универсальные принципы иконичности [Horn 1985].

В схожем духе И. Свитсер рассматривает семантику других английских союзов — *if, or, because* и др.¹ [Sweetser 1986: 530–531; 1990: 76–111]. Для каждого из них она различает употребления, относящиеся: а) к содержанию высказывания, б) к мнению говорящего и в) к акту произнесения высказывания. При этом вариант «а)» с точки зрения семантической деривации считается исходным, а варианты «б)» и «в)» — производными, ср.:

- а) *John came back because he loved her;*
- б) *John loved her, because he came back;*
- в) *What are you doing tonight, because there's a good movie on.*

- а) *If John goes, Mary will go;*
- б) *If John went, Mary (probably) did go;*
- в) *If you're headed for the cafeteria, there's better food at the deli.*

Когнитивные исследования закономерностей семантического развития, разумеется, не исчерпываются рассмотренными выше случаями. В целом, оглядывая достижения когнитивной лингвистики в изучении данной темы, нельзя не отметить их положительную роль в оживлении интереса к проблемам семантики вообще — не только исторической, но и синхронической, так как вопросы семантического развития тесно связаны с проблемой полисемии. Признание закономерностей в семантических изменениях позволяет с единых позиций рассматривать историю значений, анализировать синхронные семантические структуры, выявлять системные связи в лексике и выдвигать гипотезы относительно возможных изменений значений в будущем.

---

¹ Заметим, что ее анализ в неявном виде опирается на традицию обсуждения этой темы в рамках прагматики, ср. [Haiman 1978; Dijk 1979; Gazdar 1980; Грайс 1985].

Когнитивная лингвистика сосредоточивает свое внимание на одной из возможных причин семантических изменений, связанной с проявлением в языке общекогнитивных механизмов. Этот акцент обусловлен общей спецификой данного направления, стремящегося в языке увидеть проявление общекогнитивных механизмов. Справедливости ради следует сказать, что остающиеся за рамками таких исследований факторы, касающиеся структурных особенностей языков и исторических условий жизни народов, издавна привлекали внимание лингвистов. Напротив, когнитивный аспект семантических изменений — то, как в законах изменения значений отражаются законы мышления, — по большей части игнорировался. В этом смысле позитивный эффект когнитивных исследований в области исторической семантики не вызывает сомнений, несмотря на возможные возражения, касающиеся методики выявления закономерностей, их обоснования, а также интерпретации конкретных случаев.

Рассмотрение старой проблемы под новым углом зрения, как правило, способствует ее переосмыслению и выходу на новый уровень обобщений. Поэтому обращение когнитивистов к проблемам семантического развития продуктивно не только и не столько для когнитивной науки, сколько для языкознания. В этом, на наш взгляд, заключается выгодное (с точки зрения лингвиста) отличие данной темы от многих других областей когнитивной лингвистики, где язык служит не более чем «поставщиком» материала, средством познания ментальных структур.

Глава III

КАТЕГОРИЗАЦИЯ

1. ТЕОРИЯ ПРОТОТИПОВ И КАТЕГОРИЙ БАЗИСНОГО УРОВНЯ

Важность проблемы категоризации для когнитивной науки

Вопрос о категоризации мира человеком, т. е. о том, как посредством языка непрерывный континуум опыта осмысливается в терминах дискретных категорий, не является новым для лингвистики. Теория семантического поля, гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа и исследования так называемой языковой картины мира привлекли внимание лингвистов к тому, что в разных языках действительность членится по-разному, причем эти различия затрагивают как лексические, так и грамматические значения. В какой степени они влияют на восприятие и осмысление мира носителями разных языков? Живут ли говорящие на разных языках в разных мирах или это все же один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками [Сепир 1993: 261]? Эти вопросы, ставшие предметом исследования сравнительно молодой междисциплинарной области — этнолингвистики, не перестают волновать умы лингвистов, философов, антропологов, психологов.

Этот, этнографический, аспект проблемы категоризации, безусловно, представляет интерес для когнитивной науки, но все же он является второстепенным и производным по отношению к вопросу о природе и внутренней организации категорий. Для когнитивистов последний особенно значим, так как связан с основополагающими принципами, организующими мышление, познание,

память человека. Категоризация лежит в основе всей жизнедеятельности человека. Каждый из нас, не отдавая себе в этом отчета, ежесекундно выполняет операции по распознаванию того или иного нового фрагмента опыта (будь то предмет, слово, действие, состояние и т. д.) как разновидности определенного, обычно уже знакомого, класса сущностей или явлений¹. Если лишить человека этой способности, он не сможет функционировать ни физически, ни социально, ни интеллектуально [Lakoff 1987: 5–6].

Как это происходит? Откуда берутся категории² и как они устроены? На первый взгляд может показаться, что они заданы в самой действительности, а наш ум всего лишь их отражает. Однако это не так, и простейшим опровержением служит наличие в понятийной системе человека абстрактных категорий, существующих только в его сознании [там же]. Другое возможное возражение связано с отсутствием четких границ даже между конкретными сущностями (ср.: *дерево* и *куст*, *гора* и *холм*, *лес* и *парк*, *река* и *ручей*, *улица* и *проспект*), не говоря уж об абстрактных (например, *радость* и *счастье*, *экономический спад* и *экономический кризис* и т. д.). Следовательно, категории не заданы во внешнем мире, а являются результатом осмысления этого мира человеком — отсюда важность соответствующей проблемы для когнитивной психологии и когнитологии в целом. А поскольку категоризация осуществляется посредством языка, то она имеет непосредственное отношение и к когнитивной лингвистике.

Когнитивисты считают, что в настоящее время в науке сосуществуют две альтернативные теории категорий: одна — «классическая» — восходит к Аристотелю, другая — «прототипическая» — сформировалась относительно недавно (в 1970-е гг.) и связана с исследованиями американского когнитивного психолога Элеоноры Рош. Классическая теория безраздельно господствовала в науке на протяжении более двух тысяч лет, в результа-

---

¹ Ср.: «...мы должны более или менее произвольно объединять и считать подобными целые массы явлений опыта для того, чтобы обеспечить себе возможность рассматривать их чисто условно, наперекор очевидности, как тождественные. Этот дом и тот дом и тысячи других сходных явлений признаются имеющими настолько много общего, невзирая на существенные и явные различия в деталях, что их оказывается возможным классифицировать под одинаковым обозначением. Иными словами, речевой элемент „дом“ есть символ прежде всего не единичного восприятия и даже не представления отдельного предмета, но „значения“, иначе говоря, условной оболочки мысли, охватывающей тысячи различных явлений опыта и способной охватить еще новые тысячи» [Сепир 1993: 35].

² Здесь и далее под категорией понимается «совокупность объектов, считающихся эквивалентными» [Rosch 1978: 30].

те чего давно превратилась в нечто само собой разумеющееся и не вызывающее сомнений. Однако, будучи продуктом априорных умозрительных построений, она, как утверждают когнитивисты, не учитывает особенности осмысления мира человеком, и в этом ее серьезный недостаток. Напротив, прототипическая теория имеет мощное эмпирическое обоснование, придающее ей психологическую достоверность.

Вопрос о сравнительных достоинствах этих теорий остается неоднозначным¹. Когнитивисты, разумеется, не отрицают важности классических категорий для математики, логики, естественных наук и юриспруденции [Ungerer, Schmid 1996: 40]. Что касается повседневной, «бытовой», категоризации, здесь их симпатии находятся на стороне прототипической теории — в силу ее стремления к психологической адекватности. Впрочем, и в повседневной жизни классические категории вполне уместны, когда речь идет о хорошо известных конкретных объектах (типа *стол, перчатки, роза, кенгуру*); сложности возникают при попытках их применения к таким сферам жизни, как дружба, любовь, чувства, политика, экономика, международные отношения и др. [Lakoff 1987: 160, 175].

Исследования Э. Рош отражены в ее публикациях и многократно обсуждались в научной литературе. Так, Дж. Лакофф начинает свою книгу «Женщины, огонь и опасные вещи» [Lakoff 1987; рус. пер. Лакофф 2004]) с изложения основ прототипической теории и предпосылок ее возникновения; на этом фундаменте он далее строит свою теорию идеализированных когнитивных моделей (см. ниже). Показательно название книги, косвенно отражающее ее основную тему — категоризацию мира человеком. Оно родилось у Лакоффа под впечатлением экзотической классификации реалий в австралийском языке дьирбал, где все существительные делятся на четыре класса, в один из которых входят женщины, все, связанное с огнем, а также такие опасные «вещи», как скорпионы и змеи [Lakoff 1987: 92–104].

Эволюция взглядов на категории: от Аристотеля до Рош

Согласно классической теории, традиционно связываемой с именем Аристотеля, категория представляет собой некое абстрактное вместилище, заключающее в себе некоторое множество

---

¹ См., напр., [Вежбицкая 1996].

сущностей — равноправных членов данной категории, обладающих рядом общих существенных свойств. Таким образом, основные положения данного подхода можно сформулировать следующим образом:

- категории представляют собой абстрактные вместилища с четкими границами;
- члены категории обладают набором существенных общих свойств, которые можно рассматривать как необходимые и достаточные условия членства в данной категории;
- члены категории обладают одинаковым статусом внутри категории.

Безусловное доминирование классической теории категорий на протяжении более чем двух тысячелетий привело к ее прочному укоренению в научной методологии¹. Первым толчком к критическому анализу (или, по образному выражению Лакоффа, «первой крупной трещиной в классической теории» [там же: 16]) стала книга выдающегося австрийского философа Людвиг Витгенштейна «Философские исследования» (1953), в которой автор продемонстрировал несостоятельность всех трех положений, на которых зиждется традиционный взгляд на понятие категории.

Так, в своих знаменитых рассуждениях по поводу понятия *игра* Витгенштейн показал, что не существует таких свойств, которые были бы общими для всех членов данной категории². Он пришел к выводу, что ее единство поддерживается сложной сетью больших и малых сходств, которые можно уподобить сходствам между членами семьи, ср.: «Я не могу придумать никакого лучшего выражения для характеристики этого сходства, чем „фамильное сходство“; ибо именно так переплетаются и пересекаются различные линии сходства, существующие между членами одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п. — И я буду говорить: „игры“ образуют семью» (цит. по: [Вежбицкая 1996: 213]). Идея «семейного сходства» не противоречит наличию общих свойств у всех членов категории, но и не требует этого, так что допускается существование категорий (подобно категории *игра*), где этот принцип классической теории не соблюдается.

Несостоятельность двух других принципов иллюстрируется при помощи категории *число*. Витгенштейн указал на растяжимость границ категории в зависимости от уровня знаний, накоп-

¹ Ср.: «...ученый, ex officio, чувствует себя обязанным проводить границы» [Baldinger 1980: 27].

² См., однако, [Вежбицкая 1996; Никитин 1997: 352–378; Кошелев 2006].

ленных в обществе (от натуральных чисел к рациональным, комплексным и т. д.), и обратил внимание на неравенство членов данной категории, где целые числа занимают центральное положение по сравнению с другими разрядами.

Так называемый переворот во взглядах на категоризацию был подготовлен не только «Философскими исследованиями» Л. Витгенштейна, но и целым рядом работ антропологов, психологов, лингвистов, датированных 1960-ми — началом 1970-х гг.¹ [Lakoff 1987: 12–39]. Все они ставили под сомнение способность классической теории объяснить, как человек разбивает непрерывную действительность на дискретные категории. В качестве примера обратимся к экспериментам известного американского лингвиста Уильяма Лабова [Лабов 1983].

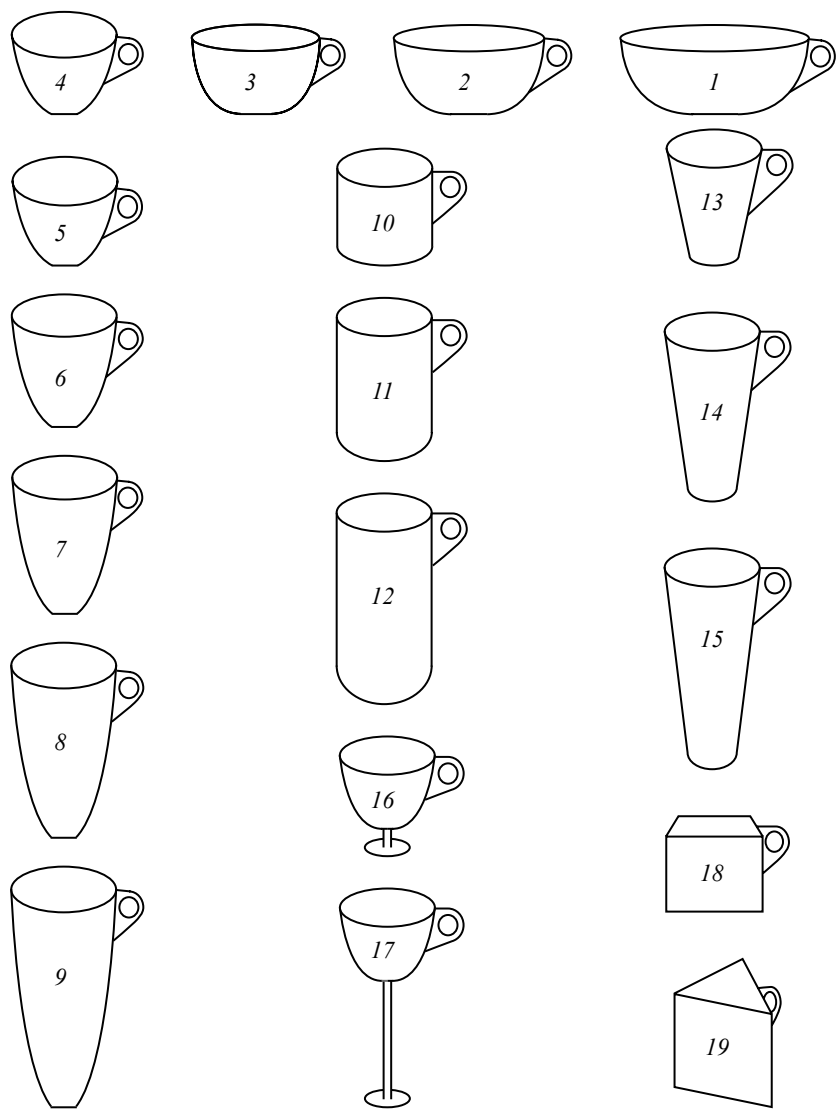
Лабов предлагал испытуемым рисунки с изображениями сосудов разной формы (рис. 3) и просил квалифицировать каждый из них как *чашку*, *кружку*, *миску* или *вазу*. Среди нарисованных предметов были такие, которые единодушно опознавались в качестве, например, чашки или миски, однако в большинстве случаев мнения испытуемых расходились, что позволило автору сделать вывод об отсутствии четких границ между рассматриваемыми категориями.

Далее Лабов сосредоточил свое внимание на этих пограничных случаях и задался целью выяснить, какие факторы влияют на отнесение предмета к той или иной категории. Обнаружилось, что прежде всего играла роль форма сосуда: по мере того как увеличивалась площадь основания сосуда (при сохранении той же высоты), все больше испытуемых называли его миской. Напротив, по мере роста высоты сосуда (при том же диаметре основания) его чаще называли вазой. Предметы цилиндрической формы с ручкой обычно квалифицировались как кружки.

В некоторых экспериментах испытуемым предлагалось представить, что в данный сосуд налит горячий кофе (положено картофельное пюре, поставлены цветы); при этом повышалась вероятность наименования данного предмета соответственно кружкой, миской, вазой — по сравнению с результатами, полученными при предъявлении того же рисунка в нейтральном контексте. На выбор слова влияли и сообщения о материале, из которого сосуд изготовлен (стекло, фарфор и др.).

---

¹ По свидетельству Н. Е. Копосова, зачатки альтернативной теории можно обнаружить и ранее, а именно в английской философии первой половины XIX в. [Копосов 2001: 93–94].

Рис. 3. Некоторые изображения сосудов, использованные в эксперименте У. Лабова [Лабов 1983: 137]

В итоге получилось, что отнесение предмета к категории определялось целым рядом факторов, ни один из которых не был решающим. Наличие тех или иных признаков могло повышать вероятность выбора определенного наименования, но не более того. К тому же сами признаки обычно не были бинарными (за исключением наличия / отсутствия ручки), и потому квалификация сосуда как чашки, кружки и т. п. предполагала не мысленное заполнение матрицы существенных признаков, а оценку того, насколько его параметры близки к оптимальным пропорциям представителей соответствующей категории.

Лабов заключает, что в рамках классической теории категоризации чрезвычайно сложно ответить на вопрос, в чем заключается «суть» чашки, т. е. перечислить те существенные свойства, которые отличают ее, скажем, от кружки. Гораздо естественнее поступить иначе — описать типичного представителя категории *чашка* (изготовлена из фарфора, имеет определенную форму и размер, ручку, обычно подается с блюдцем, используется для горячего кофе или чая, может входить в состав чайного сервиза из шести чашек с блюдцами и чайника).

Экспериментальное исследование Лабова является одним из свидетельств неудовлетворенности классической теорией категоризации со стороны представителей гуманитарных дисциплин. Логически-априорный подход к категориям пришел в противоречие с опытными данными, касающимися особенностей категоризации мира человеком. Заслуга их целостного осмысления и оформления в альтернативную теорию категорий принадлежит когнитивному психологу Э. Рош.

Теория прототипов

Система взглядов Элеоноры Рош на природу и сущность категорий известна под названием «теории прототипов и категорий базисного уровня». Эта теория явилась плодом огромной работы Рош и ее коллег по постановке многочисленных психологических экспериментов, осмыслению и объяснению их результатов, учету критических замечаний оппонентов, неоднократному пересмотру отдельных положений. С течением времени взгляды Рош на категоризацию менялись, соответственно можно выделить несколько стадий в развитии ее концепции: раннюю (конец 1960-х — начало 1970-х гг.), среднюю (начало — середина 1970-х гг.) и позднюю (конец 1970-х гг.) [Lakoff 1987: 42–43]. Именно последний этап

представляет теорию Рош в наиболее зрелом виде и характеризуется тщательно взвешенными выводами и формулировками; его мы и будем в дальнейшем рассматривать.

Концепция Рош естественным образом распадается на две части: теорию прототипов, объясняющую внутреннее устройство категорий, и теорию категорий базисного уровня, посвященную сопоставлению категорий, занимающих разное место в таксономической иерархии, с точки зрения их роли в понятийной системе человека. Сама автор рассматривала эти составляющие как два измерения — соответственно горизонтальное и вертикальное, — структурирующие систему категорий [Rosch 1978]. Начнем с первого.

Как многие американские психологи и лингвисты того времени, в начале своей научной карьеры Рош занималась обозначениями цвета в разных языках, но вскоре ее внимание привлекло внутреннее строение предметных категорий, таких как *мебель*, *фрукт*, *овощ*, *оружие*, *птица*, *игрушка*, *одежда* и др.¹. Эксперименты с испытуемыми показали, что члены одной и той же категории в сознании человека имеют различный статус: среди них выделяются более и менее типичные представители (см. рис. 4, где возрастание ранга соответствует убыванию параметра типичности).

Для описания этого неравенства Рош ввела понятия центра и периферии категории, ее «лучших» и «худших» примеров, а также прототипа категории. Наиболее типичный представитель категории — это ее лучший пример, он расположен в центре и составляет прототип² данной категории. Наименее типичные члены категории занимают ее периферию.

Поясним введенные понятия на примере категории *птица*. Испытуемые — американские студенты — сочли ее лучшими при-

---

¹ А. Вежбицкая указывает на то, что Рош не делала различий между принципиально разными видами категорий: «*Птица* — таксономическое понятие, соотносимое с определенным „типом живых существ“. Но *мебель* — никоим образом не таксономическое понятие: это собирательное понятие <...>, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов» [Вежбицкая 1996: 210]. По ее мнению, это ставит под сомнение научную обоснованность экспериментов и выводов Рош.

² В литературе высказываются два взгляда на природу прототипа, причем в работах самой Рош можно встретить оба. В данном контексте прототип приравнивается к лучшему примеру категории, ее центральному, наиболее типичному представителю. Но существует альтернативная точка зрения, согласно которой прототип принадлежит не миру, а нашим мыслям о мире, т. е. представляет собой некий ментальный образ, когнитивную точку отсчета — именно такой подход характерен для большинства современных когнитивных исследований [Ungerer, Schmid 1996: 39].

мерами (центром, прототипом) малиновок и воробьев. Рош объясняет этот результат тем, что в сознании людей существует некое представление о «настоящей» птице, которая умеет летать и петь, не хищная и в то же время не домашняя, не очень крупная и т. д., так что воробьи и малиновки оказались наиболее близки к этому «идеалу». Чем больше отклонение от него, тем более соответствующий представитель отдален от центра. Так, хищные птицы (например, орлы) были признаны менее типичными членами категории. Еще дальше на периферии оказались курицы, гуси, утки, пингвины и страусы — в силу того, что все они довольно крупные, некоторые не умеют летать, некоторые домашние и т. д. Однако, как подчеркивает Рош, неравенство членов категории не означает, что пингвин и страус являются в меньшей степени птицами, чем малиновки. Все члены данной категории являются «сто процентными» птицами, различие же заключается только в их типичности, иными словами, в степени близости к прототипу¹ [Lakoff 1987: 45].

Заключения о степени типичности осуществлялись на основе результатов многочисленных психологических экспериментов. В частности, использовались следующие методики [там же: 41–42]:

- шкалирование: каждый элемент списка испытуемые должны были расположить на заданной шкале или присвоить ему определенный ранг в соответствии с «типичностью» для данной категории;
- время реакции: произносились фразы типа *Малиновка — это птица*, *Курица — это птица*, и испытуемые должны были по возможности быстро нажать кнопку «Да» или «Нет» (предполагалось, что для типичных членов категории ответ займет меньше времени);

---

¹ Это уточнение особенно значимо в контексте эволюции взглядов Рош, так как в середине 1970-х гг. она придерживалась мысли о градуальном членстве в категории птиц, так что, например, совы и пингвины считались в меньшей степени ее членами, чем малиновки. Приведенный выше рис. 4 как раз отражает эту стадию развития концепции Рош: легко видеть, что нижние ранги (строки таблицы) присвоены сущностям, заведомо не имеющим отношения к соответствующим категориям. Так, в качестве худшего примера категории птиц фигурирует летучая мышь, которая очевидным образом не входит в данную категорию, а на предпоследнем месте — несомненно являющийся птицей пингвин. Некорректная постановка экспериментов, приведшая к таким результатам, и их ошибочная интерпретация были подвергнуты суровой критике, что побудило Рош в дальнейшем пересмотреть этот ключевой момент своей теории.

Rank	BIRD	FRUIT	VEHICLE	FURNITURE	WEAPON
top eight					
1	robin	orange	automobile	chair	gun
2	sparrow	apple	station wagon	sofa	pistol
3	bluejay	banana	truck	couch	revolver
4	bluebird	peach	car	table	machine gun
5	canary	pear	bus	easy chair	rifle
6	blackbird	apricot	taxi	dresser	switchblade
7	dove	tangerine	jeep	rocking chair	knife
8	lark	plum	ambulance	coffee table	dagger
...					
middle ranks					
26	hawk	tangelo	subway	lamp	whip
27	raven	papaya	trailer	stool	ice pick
28	goldfinch	honeydew	cart	hassock	slingshot
29	parrot	fig	wheelchair	drawers	fists
30	sandpiper	mango	yacht	piano	axe
...					
last five					
51	ostrich	nut	ski	picture	foot
52	titmouse	gourd	skateboard	closet	car
53	emu	olive	wheelbarrow	vase	glass
54	penguin	pickle	surfboard	fan	screwdriver
55	bat	squash	elevator	telephone	shoes

Рис. 4. Некоторые результаты экспериментов Рош по шкалированию членов категорий [Ungerer, Schmid 1996: 13]

- список примеров: испытуемых просили привести примеры членов той или иной категории (ожидалось, что более типичные представители будут упомянуты раньше и фигурировать в списках чаще, чем менее типичные);
- асимметрия при оценке сходства: менее типичные члены категории кажутся человеку ближе к более типичным, чем наоборот. Например, утверждение американцев о том, что Мексика более похожа на США, чем США на Мексику, коррелирует с тем, что США им кажется более хорошим

- примером категории *страна*, чем Мексика. Следовательно, асимметрия при оценке сходства может свидетельствовать о разной степени типичности сравниваемых представителей;
- асимметрия при обобщении: новая информация о типичном члене категории с большей вероятностью экстраполируется на менее типичные, чем наоборот. Так, испытуемые отвечали, что в случае эпидемии болезнь скорее перейдет от малиновок к уткам, чем наоборот — заболевшие утки заразят малиновок. Значит, асимметрия при обобщении также может служить показателем степени типичности.

Согласно Рош, центральные члены категории чаще встречаются в повседневной жизни, раньше усваиваются в детстве, быстрее распознаются и служат для представления всей категории в целом. Асимметрия между центральными и периферийными членами категории с точки зрения их когнитивного статуса получила название прототипического эффекта. Причины его возникновения обсуждаются в глубокой и содержательной статье Д. Герарта [Geeraerts 1988b]. Автор приводит четыре гипотезы, в той или иной степени обозначенные в работах самой Э. Рош:

1. Физиологическая гипотеза, согласно которой прототипичность является следствием строения перцептивного аппарата человека. Очевидно, что сфера применимости данной гипотезы весьма ограничена: с ее помощью можно объяснить только структуру тех категорий, которые непосредственно связаны с чувственным восприятием¹.
2. Референциальная гипотеза, объясняющая прототипичность тем, что некоторые члены категории имеют больше общих свойств с одними членами, чем с другими (или имеют общие свойства с большим числом членов), т. е. речь идет об идее «семейного сходства».
3. Статистическая гипотеза, в соответствии с которой прототипами категории являются ее наиболее часто встречающиеся представители.
4. Психологическая гипотеза, объясняющая прототипические эффекты функциональным фактором, а именно «когнитивной выгодой»: чем больше тесно связанных между собой признаков инкорпорировано в одну категорию, чем выше ее «понятийная плотность», тем экономнее вся понятийная

---

¹ Эта идея была выдвинута в ранних работах Рош для объяснения прототипических эффектов при восприятии цвета.

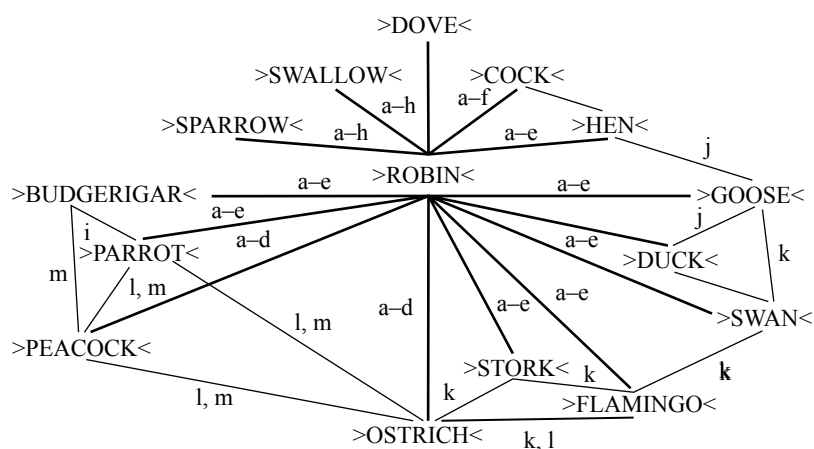
система и тем больше информации можно получить, употребив меньше когнитивных усилий.

По мнению Д. Герартса, источники прототипических эффектов в категориях обусловлены общими принципами когнитивного функционирования человека, и потому последняя гипотеза кажется ему наиболее адекватной, способной объяснить даже те случаи, которые идут вразрез с другими объяснениями [там же: 208].

Теория прототипов вызвала огромный резонанс в научных кругах: в 1970–1980-е гг. начался настоящий бум изучения категории, приведший к ее выделению в самостоятельный раздел когнитивной психологии. Исследования вскоре вышли за пределы предметных категорий, за известной статьёй, посвященной более и менее типичным ситуациям лжи [Coleman, Kay 1981], последовали работы, авторы которых рассматривали различные действия и свойства с точки зрения теории прототипов (см., например, анализ действий, обозначаемых глаголами *look* ‘смотреть’, *kill* ‘убивать’, *speak* ‘разговаривать’, *walk* ‘идти’, в [Pulman 1983] или свойства *tall* ‘высокого роста’ в [Dirven, Taylor 1988]). Во всех подобных исследованиях мысль о неравенстве членов категории получила подтверждение. Прототипические эффекты были обнаружены даже в категориях четных и нечетных чисел!

Казалось бы, четные и нечетные числа — хороший пример категорий, в которых соблюдаются все три принципа классического подхода; тем не менее оказалось, что для человека не все числа одинаково значимы. В эксперименте, описанном в [Armstrong, Gleitman, Gleitman 1983], испытуемым был дан некоторый набор четных и нечетных чисел и предложено оценить их статус в соответствующих категориях. По результатам эксперимента из нечетных чисел наиболее высокий рейтинг получило число 3, а самый низкий — числа 447 и 91; среди четных чисел лидировали 2 и 4, а 106 и 806 были сочтены худшими представителями категории. Эти курьезные данные, однако, нисколько не противоречат научному знанию. Дело в том, что обычный человек (нематематик) на протяжении своей жизни чаще всего имеет дело с числами 2, 3 и 4, и потому они обладают для него когнитивной выделенностью. Таким образом, в данном случае прототипические эффекты объясняются расхождениями между научной и онтологически первичной наивной картинами мира [Taylor 1995: 68–70].

Обращение исследователей к разнообразным категориям расширило представления о том, как они могут быть устроены¹. Рассматривая категорию *птица*, Рош пришла к выводу о том, что она имеет четкие границы, наиболее типичный представитель расположен в центре категории, а ее целостность поддерживается как наличием общих признаков, так и отношениями семейного сходства (рис. 5).

Selected category-wide attributes:

- (a) lays eggs
- (b) has a beak
- (c) has two wings and two legs
- (d) has feathers

Selected family resemblance attributes:

- (e) can fly
- (f) is small and lightweight
- (g) chirps/sings
- (h) legs are thin/short
- (i) kept in a cage
- (j) reared for the use of its meat, eggs and feathers
- (k) has long neck
- (l) has decorative feathers
- (m) has exotic colours

Рис. 5. Некоторые общие свойства и отношения семейного сходства между членами категории *птица* [Ungerer, Schmid 1996: 27]

¹ Ввиду разнообразия прототипических эффектов Д. Герартс выдвинул предположение о том, что категория прототипичности, в свою очередь, устроена по прототипическому принципу. Иначе говоря, одни категории демонстрируют лучшие примеры прототипических эффектов, чем другие [Geeraerts 1989]. Это выглядит довольно закономерно: напротив, было бы странно, если бы категория прототипичности оказалась бы классической [Taylor 1995: 258].

Однако так устроены не все категории. Вспомним об отсутствии общих свойств у членов категории *игра* и о размытости границ между *чашками, кружками, мисками и вазами* (см. выше). Нет границ и у упомянутой выше категории *tallness* ('быть высокого роста'), но по другой причине, а именно, зависимости от прежнего опыта индивида и прочих внешних факторов (так, понятие *высокий человек* различно для жителей скандинавских стран и пигмеев). У этой категории есть и другие существенные отличия от категории *птица*: она «одномерна» (т. е. представляет собой шкалу, вдоль которой ранжируются конкретные люди в зависимости от их роста), членство в ней является градуальным, а наиболее типичный представитель расположен на одном из концов шкалы. Вообще, размытые границы и градуальное членство в категории присущи целому ряду категорий, ср.: *предмет красного цвета, теплая вода* и т. д.

Интересно, что язык обладает специальными ресурсами для выражения разной степени членства внутри категорий — это такие ограничительные частицы, вводные обороты и прочие конструкции (которые в английском языке совокупно называются *hedges*), как *строго говоря, мягко выражаясь, фактически, практически, почти, вообще-то, как таковой, в том смысле что, типа, как бы* [Lakoff 1972].

Несомненным достоинством теории прототипов является ее гибкость, способность «приспосабливаться» к научным открытиям и меняющимся бытовым и социальным реалиям (так, многие предметы обихода, бывшие прототипами соответствующих категорий, скажем, век или полвека назад, с течением времени отодвигаются все дальше на периферию категории). В отличие от классической теории, в рамках которой всякие изменения в науке, технике или общественной жизни означают необходимость создания новых категорий или кардинальной ревизии старых, прототипический подход предполагает растяжимость границ и подвижность внутренней структуры категории, что позволяет легко вводить в нее новых представителей.

Справедливости ради подчеркнем, что классическая теория никогда явным образом не претендовала на адекватное отражение специфики повседневного, «бытового» человеческого мышления. Она была вызвана к жизни потребностью непротиворечивого рассуждения в логике, математике, естественных науках и продолжает оставаться в них удобным инструментом. Возникновение альтернативной теории категоризации было обусловлено тем, что прочная, многовековая закреплённость клас-

сического подхода в научной традиции привела к его абсолютизации и попыткам механического переноса на явления другого порядка; здесь-то и обнаружилось его несоответствие психологической реальности.

Прототипические эффекты в лингвистических категориях

Значение исследований Э. Рош, разумеется, сразу вышло за рамки психологии: новый взгляд на категоризацию совершил прорыв в понимании механизмов и структур сознания и сыграл огромную роль в становлении когнитологии в целом. Для когнитивной лингвистики теория прототипов важна потому, что позволяет проверить основополагающий тезис о связи языка с общими когнитивными механизмами: если в лингвистических категориях обнаруживаются прототипические эффекты, это подтверждает обоснованность когнитивного подхода к языку.

Работа когнитивистов в этом направлении оказалась успешной: на всех уровнях языка без труда было обнаружено неравенство членов категорий, наличие у них центральных и периферийных представителей¹, лучших и худших примеров. Понятие прототипа стало применяться и при описании таких феноменов, как речевые акты, коммуникативные ситуации, жанры речи и др.

Наиболее очевидным свидетельством неравенства членов внутри языковых категорий (а следовательно, наличия прототипического эффекта) является феномен маркированности², встречающийся на разных уровнях языка. Примерами могут служить противопоставление звонких и глухих согласных, флексия множественного числа *-s* у английских существительных, антонимические пары типа *tall — short* (ср. нейтральное высказывание *How tall is Harry?* и маркированное *How short is Harry?* с пресуппозицией, что Гарри низкого роста) и др. [Lakoff 1987: 59–61].

---

¹ Заметим, что понятия центра и периферии не были привнесены в языкознание когнитивистами: задолго до этого они использовались в трудах Пражского лингвистического кружка; см. [Travaux... 1966].

² Более подробно о феномене маркированности с точки зрения теории прототипов см. [Janda 1996].

Перечислим вкратце основные достижения в изучении прототипических эффектов, встречающихся на разных уровнях языковой структуры (по материалам [Lakoff 1987: 58–67; Taylor 1995]).

1. Прототипические эффекты в фонологии:

а) Категория фонемы устроена по прототипическому принципу: один из аллофонов является прототипом, а остальные связаны с ним фонологическими правилами;

б) Оппозиция глухих и звонких согласных в английском языке является не абсолютной, а градуальной: на одном конце шкалы расположены *p, t, k* (лучшие примеры глухих согласных), а на другом — *r, m, n* (лучшие примеры звонких согласных). Между ними на разном удалении располагаются все остальные согласные английского языка;

в) Слоговая структура: в разных языках существуют свои привилегированные (типичные) слоговые структуры;

г) Интонационные контуры: в каждом языке можно выделить типичные интонационные конструкции.

2. **Пример из области морфологии:** исследование [Bybee, Moder 1983], посвященное группе неправильных английских глаголов типа *spin, swim, win, sing, sting, cling, fling, sling, string, swing, wring, hang, stick, strike, dig* и нек. др.

Эти глаголы исторически составляют одну группу, в форме причастия II все они имеют гласный [ʌ]. Авторы утверждают, что эта группа устроена по принципу «семейного сходства», причем каждый из ее членов удовлетворяет хотя бы одному из перечисленных условий:

- глагол начинается на *sC(C)*- (буквы *s*, за которой следует один или два согласных),
- глагол оканчивается на носовой звук [ŋ],
- в инфинитиве глагол имеет гласный [ɪ].

Эта категория не является классической, так как имеет своих более и менее типичных представителей, «лучшие» и «худшие» примеры. В центре находятся глаголы, для которых выполняются все перечисленные критерии (*sling, sting, string, swing*), они и составляют прототип. Глаголы, удовлетворяющие двум из трех условий (например, *spin, cling, fling, stick*), расположены дальше от центра. Наконец, периферию категории занимают такие ее представители, как *win, dig, hang, strike*, для которых выполнен лишь один критерий.

3. **Понятие слова** демонстрирует прототипические эффекты при попытках его отграничения от аффиксов и клитик, с одной стороны, и идиом — с другой.

4. **Частеречная классификация слов**, вызывающая известные сложности в рамках классической теории категорий¹, существенно выигрывает при прототипическом подходе (см., напр., [Hopper, Thompson 1980; 1984; Кубрякова 1997; Вежицкая 1999: 134–170]).

5. **Исследования в области синтаксиса** убедительно демонстрируют наличие прототипических эффектов в категориях членов предложения, синтаксических конструкций, порядка слов и пр.

а) Например, категорию переходного глагола (и, соответственно, прямого дополнения) удобно рассматривать в терминах оппозиции «центр — периферия». К центральным относятся случаи, где глагол обозначает физическое воздействие на объект, в результате чего последний претерпевает качественные изменения, например: *резать хлеб, красить дом, рубить дрова, разбить окно*. Обширная периферия охватывает разнообразные примеры, не подпадающие под данную формулировку, ср.: *любить кино, читать книгу, петь песню, забыть адрес, заплатить 10 рублей, убедить родителей, увидеть змею, переплыть реку* и т. д.

б) Аналогичным образом обстоит дело с падежными значениями, в частности с «родительным обладания» (*possessive genitive*). Наряду с центральными случаями типа *John's house*, выражающими идею принадлежности человеку некоего неодушевленного предмета, существуют разнообразные периферийные примеры, в разной степени удаленные от центра, ср.: *John's train, the secretary's typewriter, the cat's tail, the car's door, the play's final act, John's intelligence, the car's road-holding ability, the train's arrival, yesterday's arrests*.

в) В категории подлежащего прототипом являются случаи его совпадения с семантическим агенсом и прагматическим топиком.

г) Глубинные семантические падежи (агенс, объект, пациенс, инструмент и т. д.), ввиду неоднозначности, связанной с их приписыванием поверхностным языковым структурам, удобнее рассматривать с точки зрения прототипического подхода, чем в рамках классической теории.

д) В категории простого предложения (*clause*) выделяются центральные примеры, в которых сохраняются «естественные» соотношения между содержанием предложения и его синтаксической структурой (ср.: *Sam ate a peach, Max is in the kitchen, This fact is odd*), и периферия, занимаемая пассивными конструкциями, предложениями с инверсией или эмфазой, косвенными вопросами и др.

---

¹ Ср.: «Нам смешна школьная формула *что сделал? — умер*» [Пешковский 1956: 79].

6. В лексической семантике прототипические эффекты множественны и чрезвычайно затрудняют «классические» дефиниции того, что есть полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, отдельное значение слова и т. д., в то время как описание этих феноменов в рамках прототипического подхода представляется гораздо более продуктивным (см., напр., [Филлмор 1983; Geeraerts 1993; Tuggy 1993; Cruse 1995; Монелья 1997]).

7. **Прагматические значения**, согласно А. Вежбицкой, также характеризуются наличием прототипических эффектов [Wierzbicka 1989].

Теория категорий базисного уровня

Обратимся теперь ко второй составляющей концепции Э. Рош — теории категорий базисного уровня, которая предполагает сопоставление категорий, находящихся на разных уровнях родо-видовой иерархии (таксономии). Заметим, что классическая теория категоризации не делает никаких различий для категорий разной степени обобщенности: с точки зрения логики безразлично, идет ли речь, скажем, о животных, млекопитающих, собаках, овчарках или кавказских овчарках. Однако оказалось, что для человека эти категории неравноценны: они в разной степени востребованы и значимы в его повседневной жизни и вследствие этого различаются по когнитивной выделенности.

Психологические исследования Рош в этой области были подготовлены работами группы американских антропологов и биологов под руководством Брента Берлина, изучавших наименования растений и животных индейцами племени цельтал (*Tzeltal*) из Южной Мексики. Берлин и его коллеги исследовали наивную классификацию реалий растительного и животного мира в языке цельтал и спроецировали ее на научную таксономию, восходящую к Карлу Линнею. Их кропотливая полевая работа дала неожиданный результат: значительные расхождения между научной и наивной картинами мира наблюдались на всех уровнях, кроме одного — уровня биологического рода, где наивная и научная классификации практически совпадали. Оказалось, что для индейцев цельтал этот уровень является таксономически центральным: к нему относится наибольшее число наименований (рис. 6), и в заданиях по номинации конкретного растения или животного носители языка обычно использовали именно эти родовые имена, даже если им были известны соответствующие вид и разновидность.

Берлин заключил, что различные уровни наивных классификаций неравноправны, а именно: есть некий привилегированный уровень (в последующих исследованиях получивший название *базисного*), значимость которого для человека обусловлена практической ценностью соответствующих категорий. К нему относится наибольшее число слов (обычно коротких и морфологически простых), обозначающих соответствующие реалии; именно эти слова чаще всего используются при необходимости назвать конкретный объект. Другие уровни родо-видовой иерархии играют второстепенную роль и развиты лишь в той степени, в какой соответствующие категории важны для человека [Lakoff 1987: 31–38; Ungerer, Schmid 1996: 60–66].

В серии психологических экспериментов Э. Рош подтвердила идею антропологов об особом статусе категорий, относящихся к уровню биологического рода (таких как *дуб, клен, береза, собака* и т. д.), и распространила ее на неодушевленные предметы (*стол, стул, лампа* и др.). В результате этой экстраполяции изменилась формулировка — речь стала идти о психологической базисности категорий, располагающихся на некоем среднем уровне в таксономических иерархиях, ср.:

Выше	Мебель	Животное / млекопитающее ¹
Базисный уровень	Стол	Собака
Ниже	Письменный / обеденный / бильярдный и т. д. стол	Овчарка / ньюфаундленд / терьер / болонка / ...

Категории базисного уровня, по мнению Рош, определяются следующими факторами:

- 1) перцептивный: схожесть внешнего облика, единый мысленный образ, быстрое узнавание;
- 2) функциональный: общая моторная программа взаимодействия с членами категории (кошек можно гладить, цветы нюхать, мячи катать и подбрасывать и т. д.);
- 3) языковой: короткие, высокочастотные и стилистически нейтральные слова, усваиваемые в раннем детстве;

¹ Наивные классификации, в отличие от научных таксономий, нередко характеризуются отступлениями от идеала строгого разбиения классов на подклассы: в частности, возможно неполное включение подкласса в класс (см. рис. 6) или наличие более чем одного родового понятия — для *собаки* в качестве такового могут выступать *млекопитающее, животное* или *домашнее животное* [Ungerer, Schmid 1996: 80–84].

**SCIENTIFIC
BIOLOGICAL
CLASSIFICATION** Tzeltal PLANT CLASSIFICATION

	Levels	Number of categories	Inclusion in superordinate category	Examples [in translation]
regnum	1 unique beginners	1		[plant] unlabelled in Tzeltal
(‘kingdom’) divisio phylum				
class	2 life form	4	100%	tree, vine, grass, broad-leafed plant
ordo familia tribus				
genus	3 generic	471	75%	pine, willow, etc. corn, bean
sectio series				
species	4 specific	273	100%	genuine red white common pine pine bean bean
varietas forma	5 varietal	8	100%	red black common common bean bean

Рис. 6. Классификация растений в языке цельтал [Ungerer, Schmid 1996: 64]

- 4) организация знаний: о членах базовых категорий можно с наименьшим когнитивным усилием извлечь наибольший объем сведений (принцип «когнитивной экономии»).

Совокупность этих критериев отличает категории базисного уровня от категорий, принадлежащих к верхним или, наоборот, нижним уровням в родо-видовой иерархии. Действительно, можно ли представить мысленно, например, *предмет мебели* или описать, как человек его обычно использует¹? Другое дело, если речь идет о стуле («на нем сидят»), столе («за ним едят или пишут»), шкафе («в нем хранят книги, одежду, посуду и прочие вещи») и т. д. Что касается более низких уровней иерархии, то человек может и не знать конкретную породу собак или марку машин, поскольку в повседневной жизни ему такая детализация обычно не нужна.

Приоритетная роль категорий базисного уровня для человека определяется не столько ингерентными свойствами объектов, сколько их интерактивными характеристиками, т. е. тем, как человек взаимодействует с ними (воспринимает их, представляет себе, организует свои знания о них, обращается с ними). Поэтому категории базисного уровня удачно описываются понятиями *human-sized* [Lakoff 1987: 51], или *mind-sized* [Ungerer, Schmid 1996: 63], подчеркивающими их «соразмерность» человеку. Разница между членами базисных категорий для человека является более значимой, чем между представителями родовых или видовых имен. Пользуясь художественной метафорой, можно сказать, что базисные категории являются лучше разработанными, более «прописанными» в языковой картине мира [Рахилина 2000: 12].

Категории базисного уровня отличаются от категорий более высокого или низкого ранга и по способу номинации. Они обычно выражаются короткими, высокочастотными, морфологически простыми и стилистически нейтральными словами, усваиваемыми человеком в самом раннем детстве. Что касается категорий более низких уровней таксономии, то они часто обозначаются словосочетаниями, построенными по модели «родовое наименование + определитель», ср.: *персидская кошка*, *бильярдный стол*, *зимнее пальто*, *книжный шкаф* и т. д. Номинация категорий выше базисного уровня тоже имеет свои характерные особенности. Так, отмечена повышенная встречаемость неисчисляемых существи-

---

¹ Испытуемые Рош не смогли назвать ни одного общего для категории *мебель* признака, что переключается с рассуждениями Л. Витгенштейна о категории *игра* [Ungerer, Schmid 1996: 74–76].

тельных (ср.: *мебель, посуда, furniture*), словосочетаний и сложных существительных (*музыкальный инструмент, средство передвижения, электротовары* и т. п.). У некоторых базисных категорий может вообще отсутствовать термин для обозначения категории более высокого ранга, ср. русские *брат* и *сестра*¹, а также слова, обозначающие цвет (*цветной* не годится, так как не охватывает белый и черный цвета)². Характерной особенностью немецкого языка является то, что категории высших уровней таксономии обычно обозначаются существительными среднего рода (ср.: *Tier, Obst, Gemüse, Metall*), а на более низких (в наименованиях конкретных животных, фруктов, овощей, металлов и пр.) преобладают существительные мужского и женского рода.

Сравнение категорий разных уровней обобщения с точки зрения организации знаний Рош осуществляла через понятие «надежности признака» (*cue validity*), позволяющего оценить соотношение между следующими двумя параметрами:

а) числом свойств, общих для членов категории,

б) числом свойств, разделяемых данной категорией с другими категориями.

«Надежность признака» является понятием относительным и определяется как вероятность того, что объект при условии наличия у него некоего признака принадлежит к той или иной категории [Lakoff 1987: 52]. Свое понимание сути этого параметра Рош формулирует так: надежность признака *x* с точки зрения его способности служить показателем принадлежности объекта к категории *y* возрастает по мере того, как растет частота корреляций признака *x* с категорией *y*, и падает по мере возрастания частоты корреляций признака *x* с другими категориями. Совокупный учет условных вероятностей для всех признаков категории позволяет говорить о категориях с высокой или низкой надежностью признаков [Rosch 1978: 30–31].

Если с этой точки зрения посмотреть на категории, относящиеся к верхним уровням таксономии, мы увидим, что у них невысокая суммарная надежность признаков из-за того, что у членов категории (например, *животные, мебель*) мало общих

¹ Соответствующие слова есть в немецком (*Geschwister*) и английском (*sibling*) языках; последнее, впрочем, было создано искусственно, а потому «неполноценно» в контексте наивных классификаций.

² Уместно также вспомнить известное замечание Ежи Куриловича по поводу отсутствия во французском языке слова, выражающего понятие *фруктовое дерево* (**fruitier*) при наличии целого ряда видовых наименований (*pommier, prunier, poirier* и даже *bananier*).

свойств (параметр «а»). У категорий нижних рангов иерархии суммарная надежность признаков также невелика, но по другой причине — у них мало таких свойств, которые они не разделяли бы с другими категориями (параметр «б»): ср., например, породы собак или разновидности столов.

И только категории базисного уровня характеризуются высокой надежностью признаков, поскольку в них достигнут оптимальный баланс между параметрами «а» и «б». Категории базисного уровня расчленивают действительность максимально информативно за счет того, что в них одновременно доведено до максимума число свойств, общих для членов категории, и сведено к минимуму число свойств, разделяемых данной категорией с другими категориями [Rosch 1978].

Понятие категорий базисного уровня — так же как и понятие прототипа — впоследствии пытались расширить, перенося его с предметных категорий (которыми занимались Берлин и Рош) на действия, события, свойства и отношения. Так, предлагалось рассматривать действия, обозначаемые глаголами *идти* и *бежать*, как действия базисного уровня (при этом *двигаться* занимает более высокий ранг в иерархии, а *семенить*, *ковылять* — более низкие) [Ungerer, Schmid 1996: 99–104]. Аналогичным образом делались попытки ранжировать события по степени обобщенности: так, *вечеринку* сочли базисным событием, выше которого в таксономии располагаются *развлечения*, а ниже, например, *вечеринка по случаю дня рождения* [там же: 105]. Лакофф предложил относить к свойствам базисного уровня те, что обозначаются прилагательными *высокий*, *низкий*, *твердый*, *мягкий*, *тяжелый*, *легкий*, *горячий*, *холодный*, а также основные цвета: *черный*, *белый*, *красный*, *зеленый*, *голубой* и *желтый* [Lakoff 1987: 271]¹. Однако следует признать, что подобные иерархии носят довольно искусственный характер и едва ли отражают сознание носителя языка.

В заключение важно подчеркнуть, что базисный уровень определяется как понятие относительное, обусловленное образом жизни народа, а также родом занятий конкретного человека, сферой его интересов. Еще Б. Берлин отмечал, что базисные категории индейцев, повседневная жизнь которых тесно связана с природой, вполне вероятно, будут отличаться от базисных категорий урбанизированных американцев. Действительно, по результатам экспериментов Рош с испытуемыми — американскими студента-

---

¹ См. также [Кустова 2000; 2004].

ми базисными были сочтены не только категории природных объектов, соответствующие биологическому роду, — породы деревьев (*клен, береза*), разновидности рыб и птиц (*форель, окунь, воробей*), — но и понятия более высокого уровня обобщения (*дерево, рыба, птица*). Это лишь подчеркивает, что базисный уровень не имеет объективного, внешнего по отношению к человеку, статуса, он касается исключительно психологических феноменов — восприятия, памяти, усвоения и т. д. [Lakoff 1987: 37–38; Ungerer, Schmid 1996: 69–70].

2. ИДЕАЛИЗИРОВАННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Понятие идеализированной когнитивной модели

Теория идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, описанная в книге [Lakoff 1987], представляет собой своеобразное развитие теории прототипов и категорий базисного уровня Э. Рош. По мнению ее автора, прототипические эффекты в категориях являются следствием того, что в памяти человека знания организованы посредством структур определенного рода, — он называет их идеализированными когнитивными моделями (ИКМ).

Таким образом, теория ИКМ представляет собой попытку моделирования структур, отвечающих за организацию знаний в мозгу человека. В числе ее важнейших источников автор называет фреймовую семантику Ч. Филлмора, теорию метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, когнитивную грамматику Р. Лангакера и теорию ментальных пространств Ж. Фоконье. В свою очередь, фреймовая семантика Филлмора во многом схожа с теорией схем¹ Д. Румелхарта, сценариями Р. Шенка и Р. Абельсона, фреймами М. Минского [Lakoff 1987: 68].

ИКМ представляет собой сложное структурированное целое, гештальт², в котором используются четыре типа структур [там же]:

---

¹ Именно Румелхарт вновь, после долгого забвения, ввел в когнитивную психологию термин *схема* в том смысле, в каком он был заявлен в работе [Bartlett 1932].

² О том, как Лакофф понимает гештальт, см. [Лакофф 1981].

- 1) пропозициональные структуры, как во фреймах Филлмора;
- 2) схемы образов, как в когнитивной грамматике Лангакера;
- 3) метафорические отображения, описанные Лакоффом и Джонсоном;
- 4) метонимические отображения, описанные Лакоффом и Джонсоном.

Соответственно, Лакофф выделяет четыре типа сугубо концептуальных (не содержащих языковых элементов) моделей плюс символический тип ИКМ, в котором концептуальные элементы связаны с языковыми; итого пять типов моделей¹. Приведем их краткую характеристику [там же: 113–114; 284–292].

Под **пропозициональной моделью** Лакофф понимает такую ИКМ, в которой не задействованы механизмы создания образности (метафора, метонимия, воображение). Пропозициональные ИКМ характеризуют элементы, их свойства и отношения между элементами. Элементы могут представлять собой понятия базисного уровня или, в свою очередь, описываться при помощи других когнитивных моделей. Автор выделяет несколько разновидностей пропозициональных ИКМ: пропозицию, сценарий, пучок признаков, таксономию и радиальную категорию.

Модели схем образов содержат информацию о типичных формах предметов (например, свеча — длинная и тонкая), траекториях движения (например, полет мяча при подаче в бейсболе) и т. п.

Метафорические модели представляют собой отображение пропозициональной ИКМ или модели схемы образа, принадлежащей к одной сфере, на соответствующую структуру в другой сфере. Например, метафора канала связи (см. гл. II.1) проецирует наши знания о перемещении предметов в контейнерах на понимание коммуникации как перемещение мыслей в словах.

Отличительной чертой **метонимических моделей**, включающих одну или более из описанных выше типов ИКМ, является наличие функции, связывающей один элемент модели с другим. Так, в модели, представляющей отношение части и целого, между ними имеется связь, позволяющая части замещать целое.

---

¹ Вопрос о типах ИКМ имеет непосредственное отношение к дискуссии о том, каким образом знания представлены в памяти человека. Сам факт наличия определенной организации давно не вызывает сомнений, ср.: «Пятьдесят лет экспериментальных исследований убедили нас, что знания не являются результатом простой регистрации наблюдений. Процесс познания невозможен без структуриации...» [Пиаже 1983].

Наконец, **символические модели** обеспечивают хранение знаний о языке. Теория ИКМ, с точки зрения ее автора, позволяет по-новому взглянуть на хорошо известные лексические и грамматические феномены.

Простейший пример ИКМ — понятие *неделя*. По мнению Лакоффа, он удачно иллюстрирует то принципиально важное свойство моделей, что они отражают не мир, а наши представления о мире. Понятие недели является идеализированным потому, что объективно в природе таких единиц времени (состоящих из семи равных по продолжительности, следующих друг за другом дней) не существует. Неделю придумал человек, причем в других культурах можно встретить иные, гораздо более сложные системы счета времени. Такие слова, как, например, *вторник* или *выходные*, имеют смысл только в рамках данной модели [там же: 68–69].

Пример идеализации иного рода — знаменитое слово *bachelor* ('холостяк'), семантическому описанию которого уделялось столько внимания в зарубежной лингвистической литературе последних десятилетий. Впервые этот пример использовали Дж. Катц и Дж. Фодор — разработчики семантического компонента для порождающей грамматики Н. Хомского — для иллюстрации своего метода формализованного описания значения слова через набор семантических признаков (см. [Катц 1981]). Их публикации вызвали оживленную реакцию в лингвистических кругах: высказывались многочисленные замечания по поводу критериев выделения семантических признаков, а также целесообразности их деления на семантические показатели и различители. Однако адекватность подобного метода семантического описания первоначально не вызывала возражений.

Первым, кто поставил ее под сомнение, был Ч. Филлмор. Он обратил внимание на то, что хотя значение слова *холостяк*, действительно, может быть описано посредством набора семантических признаков 'неженатый' + 'взрослый' + 'мужчина', область применения такой дефиниции ограничена определенным типом общественных отношений. Мужчины, состоящие в гражданском браке, обыкновенно не считаются холостяками; человек, выросший в джунглях и оторванный от человеческого общества, также не будет назван холостяком; и вряд ли это слово уместно по отношению к папе римскому (излаг. по: [Lakoff 1987: 70]).

Иначе говоря, слово *холостяк* определяется относительно идеализированной моделью мира, в которой есть социальный институт брака, причем брак является моногамным и заключается между людьми разного пола. «Идеализированность» здесь следует пони-

мать как упрощенность модели, позволяющую игнорировать нетипичные случаи (католических священников, людей, состоящих в гражданском браке, мусульман, имеющих три жены, в то время как им разрешено иметь четыре и пр.). Как результат данная ИКМ способна весьма точно отражать действительность в некоторых (центральных) случаях, где она полностью соответствует реальной ситуации, и «не работать» в других (периферийных), когда ситуация в той или иной степени расходится с моделью. Последние и порождают прототипические эффекты в этой категории.

Лакофф заостряет внимание читателя на том, что такое объяснение по самой своей сути когнитивно. Оно подразумевает, что человек способен одновременно оперировать двумя когнитивными моделями, одна из которых описывает понятие *холостяк*, а другая включает знания о конкретном мужчине; задача состоит в том, чтобы сопоставить эти модели и оценить степень сходства между ними. Так становится возможным рассуждать о том, насколько точно ИКМ отражает ситуацию или, проще говоря, насколько слово *холостяк* уместно в отношении данного человека. Такой подход резко контрастирует с формально-логическими теориями, требующими однозначных (неградуальных) отношений между понятиями и действительностью [там же: 70–71].

Кластерная ИКМ

Более сложные прототипические эффекты порождаются так называемыми кластерными моделями, представляющими собой результат интерференции нескольких когнитивных моделей. Характерной чертой кластерной модели является ее психологическая «базисность» по сравнению с каждой из составляющих моделей. Примером может служить понятие *мать*, включающее в себя следующие модели:

- 1) модель, связанная с родами: женщина, родившая ребенка, — его мать;
- 2) генетическая модель: женщина — источник генетического материала — это мать;
- 3) модель, связанная с кормлением и воспитанием: женщина, которая кормит и воспитывает ребенка, является ему матерью;
- 4) брачная модель: жена отца — это мать;
- 5) генеалогическая модель: ближайший родственник по женской линии — это мать.

Итак, понятие *мать* подразумевает сложную модель, в которой все перечисленные модели объединяются, формируя кластер (англ. *cluster* — ‘скопление’). Разумеется, отклонения от этого «идеального» случая существовали всегда — преимущественно в варианте *мачехи*. Однако, как пишет Лакофф, сложность жизни в современном мире привела к тому, что составляющие модели расходятся все больше и появляются все новые модификации *матери*, ср.: *мать-одиночка, приемная мать, суррогатная мать, мать-кормилица, биологическая мать* и др. [там же: 74–75; 83].

Понятие *мать* не укладывается в рамки классической теории, так как его невозможно раз и навсегда определить через необходимые и достаточные условия. Все перечисленные выше типы матерей являются матерями благодаря связи с идеальным случаем, в котором объединяются все модели. Лакофф высказывается против приоритета какой-либо одной из них, ибо каждая вносит свой вклад в представление о «настоящем» материнстве. Примечательно, что составители словарей, вынужденные при определении значения слова *мать* опираться на ту или иную модель, традиционно делают выбор в пользу той, что связана с родами, но есть примеры предпочтения ей генеалогической модели, а также модели, связанной с воспитанием. Эти колебания свидетельствуют о том, что в сознании людей отсутствует единое, четкое представление о таком основополагающем понятии, как *мать* [там же: 75–76].

Продолжая исследование Лакоффа, Джон Тэйлор [Taylor 1995: 86–87] предпринял анализ понятия *отец* и показал, что оно тоже представляет собой кластерную модель. Вот ее составляющие:

- 1) генетическая модель: мужчина — источник генетического материала — это отец;
- 2) модель ответственности: отец материально ответственен за благополучие матери и ребенка;
- 3) модель авторитета: отец обладает авторитетом и отвечает за поведение ребенка;
- 4) брачная модель: муж матери — это отец;
- 5) генеалогическая модель: отец является ближайшим родственником по мужской линии.

Очевидно, что категория *отец* также не является классической, поскольку она охватывает, наряду с центральным («идеальным») случаем, различные более периферийные модификации. Сопоставление моделей *мать* и *отец* показывает, что они совпадают по трем из пяти составляющих, а по двум различаются. Это лишний раз подчеркивает неадекватность формальных подходов к описанию лексической семантики: ведь компонентный анализ значений

этих слов способен выявить лишь различие по признаку [мужской/женский]!

Структуру категории *мать* Лакофф называет радиальной. Для радиальной структуры характерно существование одного центрального члена и набора его общепринятых модификаций (в данном случае *мачеха, приемная мать, мать-одиночка, биологическая мать, суррогатная мать* и пр.). Радиальная структура служит источником прототипических эффектов в категории за счет того, что периферийные модификации воспринимаются и интерпретируются не столько сами по себе, сколько благодаря их связи с центральным случаем. Вообще, категории с радиальной структурой широко распространены во всех естественных языках [Lakoff 1987: 91].

Метонимические ИКМ

В категории *мать* есть и другой источник прототипических эффектов, а именно стереотипное представление о матери как домохозяйке. Лакофф определяет социальные стереотипы как конвенциональные подкатегории, выражающие принятые в обществе представления о категории в целом и часто используемые в повседневном мышлении для ее замещения. По сути дела, они представляют собой случаи концептуальной метонимии¹, поэтому соответствующие ИКМ автор называет метонимическими.

Лакофф обращает внимание на тот факт, что в нашем обществе матери-домохозяйки считаются лучшими примерами категории *мать*, чем работающие матери, что подтверждается парами высказываний [там же: 81]:

Она мать, но не домохозяйка vs. ?Она мать, но домохозяйка;
Она мать, но работает vs. ?Она мать, но не работает.

Союз «но», обыкновенно выражающий идею противопоставления, уместен в первых предложениях из обеих пар примеров, так как связывает конкретную ситуацию (*она не домохозяйка, она работает*) с противоречащим ей стереотипом (*она мать*). Во вторых предложениях его употребление выглядит странно, так как ситуация не расходится со стереотипом.

---

¹ Аналогично концептуальной метафоре когнитивисты рассматривают метонимию как факт не языка, а мышления [Лакофф, Джонсон 2004: 61–67].

Факт наличия лучших примеров, как известно, свидетельствует о прототипическом эффекте в соответствующей категории. На этот раз его причина — не взаимодействие моделей в кластере, а способность одной подкатегории служить для представления социальных ожиданий от категории в целом.

Стереотипное представление о матери как домохозяйке построено на основе той модели в рамках кластерной ИКМ *мать*, которая связана с кормлением и воспитанием (см. выше), так как принято считать, что матери, не остающиеся дома со своими детьми на весь день, не могут правильно воспитать их. Этот пример показывает, что метонимические модели, также как и стереотипы, не обязательно определяются относительно всего кластера в целом: они могут быть связаны с какой-то из составляющих его моделей.

Подводя итог анализу категории *мать*, Лакофф заключает, что для понятия *мать* существуют два типа моделей: кластерная и метонимическая, каждая со своими прототипическими эффектами. Вместе они формируют кластер со сложным прототипом: лучший пример матери — биологическая мать, которая является домохозяйкой, занята воспитанием детей, не работает, принадлежит к поколению, непосредственно предшествующему поколению ребенка, и является женой отца ребенка. Соответственно, чем ближе конкретная женщина к этому прототипу, тем более типичной матерью она является [там же: 82].

Метонимические модели многообразны, и каждая порождает определенные прототипические эффекты. Вот некоторые из типов, выделенных Лакоффом [там же: 84–90]:

- 1) социальные стереотипы, например: *Типичный японец трудолюбив, вежлив и умен;*
- 2) типичные примеры, ср.: *Малиновки и воробьи — типичные птицы; Яблоки и апельсины — типичные фрукты;*
- 3) идеалы, например: *Идеальный муж хорошо зарабатывает, верен жене, внушает уважение, привлекателен;*
- 4) лучшие и худшие образцы, представленные собственными именами известных людей, событий, реалий окружающего мира и встречающиеся в языковых конструкциях *настоящий..., совсем как...;*
- 5) генераторы как центральные члены категории, из которых по определенным правилам порождаются остальные члены этой категории. Так, в категории целых чисел числа от 0 до 9 являются центральными членами, так как из них по пра-

вилам арифметики порождаются все другие члены. Эта модель является метонимической в силу того, что каждое целое число записывается в виде последовательности цифр, и тем самым понимается через свойства чисел от 0 до 9;

- б) подмодели: для категории целых чисел ими являются степени десяти (*десять, сто, тысяча* и т. д.), служащие способом оценки порядка числовой величины (Рош называла такие подмодели «когнитивными точками отсчета»);
- 7) яркие примеры, позволяющие по хорошо знакомым или запомнившимся образцам судить о категории в целом. Так, если ваш лучший друг — вегетарианец, а других вегетарианцев вы не знаете, вы вполне вероятно составите себе общее представление об этой категории людей исходя из черт вашего друга.

Все ИКМ, по определению, обладают когнитивным статусом: они описывают то, как человек понимает свой опыт. Автор подчеркивает, что в отличие от научных концепций, опирающихся на классическое понимание категорий и «миф объективизма» (см. ниже), теория ИКМ строится на основе опытных данных о том, как человек воспринимает и осмысляет окружающий мир. Возможности ее практического применения иллюстрируются им на трех примерах: понятия гнева, английской морфемы *over* и синтаксической конструкции, вводимой выражением *there is* [там же: 377–582].

Изложение сути когнитивного подхода к категоризации и теории ИКМ служит Лакоффу своеобразной стартовой площадкой для перехода к обсуждению основ разрабатываемой им философии эмпирического, или экспериенциального, реализма (*experiential realism*).

3. ФИЛОСОФИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Эмпирический реализм как «третий путь»

Основы эмпирического реализма были сформулированы еще в книге [Lakoff, Johnson 1980] и получили более детальную проработку и обоснование в [Lakoff 1987]. Их изложение в соответствии с распространенной тактикой когнитивистов строится по

принципу «от противного», т. е. отталкиваясь от ключевых тезисов генеративистов и на фоне их неудач в интерпретации важнейших вопросов значения, понимания, истины, объективности.

Лакофф и Джонсон не случайно назвали свою концепцию философией эмпирического реализма (*experiential realism*). По их мнению, она имеет некоторые общие черты с классическим реализмом (или, как его называют авторы, «объективизмом»), но в то же время расходится с ним по ряду вопросов, имеющих определяющее значение для философии языка. Определение *эмпирический* призвано подчеркнуть центральную идею философии Лакоффа и Джонсона о том, что человек составляет часть окружающего его мира и может судить о нем только «изнутри» — через свой телесно-чувственный опыт и в терминах своей понятийной системы. Отсюда невозможность достижения полной объективности, отсутствие единой абсолютной истины, неизбежная субъективность значения и понимания.

Однако это не значит, что эмпирический реализм ассоциирует себя с субъективизмом. Самим авторам их философия видится как некий «третий путь», предполагающий разумный синтез этих противоположных мировоззрений. Основная полемика, однако, идет по линии размежевания с объективистским подходом — в силу его влиятельности в западной философии и лингвистике [Лакофф, Джонсон 2004: 187–252].

Неадекватность объективизма

Глубинный источник сложностей, испытываемых формальными теориями языка в области семантики, Лакофф видит в их теоретическом фундаменте — философии объективизма. В объективизме мышление человека уподобляется алгоритмическим манипуляциям абстрактными символами. Символы, подобно строительным кирпичикам, объединяются в более крупные блоки по специальным правилам, причем характер выполнения этой операции не зависит от того, кто ее осуществляет — человек или ЭВМ. Таким образом, с точки зрения объективизма мышление атомистично (разложимо без остатка на простые составляющие) и неантропоцентрично (не связано с особенностями человеческого организма). «Правильность» мышления определяется тем, насколько точно оно отражает структуру действительности. Прямое соответствие утверждения некоторому положению дел в мире есть истина; она едина и абсолютна [Lakoff 1987: xi–xv].

Символы получают свое значение через соотнесенность с экстралингвистической действительностью: значение слова определяется его референцией (соответствием объектам внешнего мира), а значение предложений — условиями истинности, описываемыми логикой. Значения слов подразделяются на прямые и переносные, и последние исключаются из рассмотрения в силу того, что они не являются непосредственным отражением существующих в мире объектов и отношений между ними. Значение предложения, как из «строительных кирпичиков», складывается из значений его частей и того, как они сочетаются друг с другом. Значение предложения приравнивается к его условиям истинности, т. е. условиям, при которых предложение соответствует определенной ситуации. Считается, что человек понимает значение предложения, если он понимает условия, при которых оно будет истинным или ложным. Таким образом, сфера семантики в объективизме ограничивается проблемами референции и условиями истинности.

Изучение отношения говорящего к содержанию высказывания и к собеседнику выделяется в особую дисциплину — прагматику. В формальных теориях постулируется независимость семантики от прагматики, причем семантике отводится главная роль в силу того, что она выражает отношения между языком и объективной действительностью и тем самым связана с философскими проблемами онтологии и истины. Прагматика занимает периферийное место в теории значения, поскольку она имеет дело «всего лишь» с особенностями психологии человека [там же: 171–173].

Важно отметить, что объективистские представления о природе и механизмах человеческого мышления прочно закреплены как в научной традиции¹, так и в нашем повседневном мышлении, поскольку они «очень привлекательны для большинства людей, склонных к рассуждению. <...> Но одно дело использовать какую-то объективистскую модель в некоторых ограниченных ситуациях <...>; и совсем другое — делать вывод, что эта модель является точным отражением действительности» [Лакофф, Джонсон 2004: 239]. Объективистская философия противоречит эмпирическим

---

¹ Ср. мысль Дж. Лайонза о сильном влиянии эмпиристской традиции на британскую и американскую философию, психологию, социологию и лингвистику: «‘Субъективность’ в эмпиристской традиции ассоциировалась с определенного рода ненаучным и непроверяемым ментализмом; ‘объективность’ — с основательным научным материализмом девятнадцатого столетия (в настоящее время устаревшим)» [Лайонз 2003: 354].

данным, которые говорят о том, что мышление «воплощено» (*embodied*)¹, т. е. непосредственно обусловлено телесно-чувственным опытом человека, образно и обладает свойствами гештальта, а следовательно, не сводимо к манипуляциям символами [Lakoff 1987: XI–XV]. Поскольку особенности мышления проявляются в языке, к нему также неприменимы объективистские мерки, что доказывает широкий спектр лингвистических исследований, авторы которых не обязательно исповедуют принципы когнитивного подхода.

Объективистская философия не может служить фундаментом для гуманитарных наук, ибо не способна адекватно объяснять те стороны реального мира, которые связаны с человеком: его опыт, понятийную систему, язык, социальные институты [Лакофф, Джонсон 2004: 237]. Выход из кризиса объективизма Лакоффу видится в создании новых теорий значения, истины, умозаключения, знания, понимания, объективности и т. д., объединенных философией эмпирического реализма [Lakoff 1987: 265].

Кинестетические схемы образов

В основу новой, когнитивной, семантической теории Лакофф предлагает положить принцип первичности категорий базисного уровня и так называемых кинестетических схем образов (*kinesthetic image schemas*) в организации понятийной системы человека.

Понятие кинестетических схем образов было введено М. Джонсоном, который определил их как «повторяющиеся динамические образцы наших процессов восприятия и наших моторных программ, которые придают связность и структуру нашему опыту» (цит. по: [Ченки 1997: 347]). В книге [Johnson 1987] утверждается, что нашему осмыслению действительности посредством понятий предшествует некоторое упорядочение опыта при помощи независимых от понятий эмпирических структур — кинестетических схем образов. Они осуществляют первичную, «допонятийную» организацию нашего опыта, которая затем может уточняться и развиваться уже в терминах понятий.

---

¹ В научном творчестве Дж. Лакоффа и М. Джонсона (как индивидуально, так и совместно) эта идея занимает одно из центральных мест; особенно показательной является книга [Lakoff, Johnson 1999], задуманная как вызов самим основам западной (в частности, англо-американской) аналитической философии.

Вот некоторые примеры кинестетических схем образов [Lakoff 1987: 271–278]:

- «вместилище», со структурными элементами ‘внутри’, ‘ снаружи’, ‘граница’;
- «часть — целое», с составляющими ‘целое’, ‘части’, конфигурация;
- «связь», включающая две сущности *A* и *B* и связующее звено;
- «центр — периферия», со структурными элементами ‘сущность’, ‘центр’, ‘периферия’;
- «источник — путь — цель», включающая начальную точку, конечную точку, путь (последовательность смежных точек, связывающих источник и место назначения) и направление.

За счет метафорических переносов на области нематериального кинестетические схемы образов присутствуют во всех сферах нашей жизни. Они столь глубоко укоренены в человеческом опыте, что, возможно, являются универсальными доязыковыми когнитивными структурами, поэтому именно их, наряду с категориями базисного уровня, Лакофф считает основой понятийной системы человека. Соответствующие им понятия он рассматривает как «обладающие значением непосредственно» (*directly meaningful*) [там же: 279].

Значение и понимание

Когнитивная семантика последовательно отстаивает ту точку зрения, что значение не может быть объективным в принципе, так как не существует отдельно от человека. Как пишет Лакофф, значение — это то, что значимо для нас. Ничто само по себе не обладает значением. Значение связано с тем, как мы — существа определенного рода — функционируем в окружающей среде [там же: 292].

Значение зависит от понимания, ср.: «Предложение не может ничего значить для вас, пока вы его не поймете» [Лакофф, Джонсон 2004: 208]. Проблема понимания рассматривается Лакоффом применительно к предложению и ситуации, причем в обоих случаях выделяются два типа понимания — прямое, или непосредственное (*direct*), и косвенное, или опосредованное (*indirect*). Обратимся к рассмотрению этих четырех случаев.

Предложение понимается человеком непосредственно, если все выраженные в нем понятия обладают значением непосредственно. Этому требованию удовлетворяет пример *The cat is on the mat* (букв. 'Кошка находится на коврик'), где *кошка* и *коврик* являются категориями базисного уровня, а понятие *на* образовано сочетанием трех кинестетических схем образов: «над», «контакт» и «опора».

Примером непосредственно понимаемой ситуации может быть, соответственно, следующая: человек смотрит (т. е. непосредственно воспринимает) на кошку, сидящую на коврик. Поскольку понятия *кошка* и *коврик* принадлежат к базисному уровню, а их соположение представляет собой комбинацию кинестетических схем образов, первичное понимание этой ситуации будет осуществляться на допонятийном уровне.

Однако большая часть предложений и ситуаций, по Лакоффу, предполагает опосредованное понимание, ибо, в соответствии с его формулировкой, любые предложения, отсылающие к чему-либо помимо понятий базисного уровня и кинестетических схем образов, понимаются опосредованно. Они могут включать понятия более общие, чем базисные, или, наоборот, более частные, задействовать метафорические или метонимические отображения, предполагать учет положения говорящего и т. д. [там же: 294].

Оказывается, что даже такое простое, не содержащее метафоры предложение, как *Туман лежит перед горой*, понимается опосредованно, так как требует специальных когнитивных операций: во-первых, мысленного приписывания границ *туману* и *горе*, во-вторых, наделения горы «передней стороной» и, в-третьих, учета положения говорящего. Понимание предложений, содержащих метафору, также предполагает дополнительные умственные усилия. Произнося предложение *Инфляция возросла*, мы полагаемся на способность собеседника «расшифровать» онтологическую метафору ИНФЛЯЦИЯ — ЭТО ВЕЩЕСТВО и ориентационную метафору БОЛЬШЕ НАПРАВЛЕНО ВВЕРХ. Понимание предложения *Джон отстоял свою позицию в споре* подразумевает активизацию структурной метафоры СПОР — ЭТО ВОЙНА.

При опосредованном понимании — будь то пример *Туман лежит перед горой* или предложение *Инфляция возросла* — одна сущность понимается через другую сущность. Разница состоит лишь в том, что в первом примере материальное понимается в терминах также материального (*гора* и *туман* интерпретируются как предметы с четкими очертаниями), а во втором случае происходит

метафорическое отображение конкретного на абстрактное, т. е. сущности одного рода на сущность другого рода [Лакофф, Джонсон 2004: 193–198].

Опосредованно понимаемые ситуации многочисленны и разнообразны: сюда относятся человеческие эмоции, абстрактные понятия, умственная деятельность, социальные процессы и пр. — многие из них допускают непосредственное восприятие, но не могут быть поняты сами по себе. Из всех четырех вариантов понимания опосредованно понимаемые ситуации представляют собой наиболее сложный тип. Глава 24 книги [Лакофф, Джонсон 2004] содержит примеры анализа метафорически понимаемых ситуаций, но в целом проблема остается неразработанной [Lakoff 1987: 294].

Истина

В основе всей западной философии и культуры лежит идея о существовании объективной (абсолютной и безусловной) истины, существующей независимо от природы человеческого организма, социально-культурной принадлежности человека, его опыта, знаний, убеждений и т. д. Это квинтэссенция объективизма. С точки зрения объективистского подхода все связанные с человеком факторы (физиологические, этнические, социальные и пр.) лишь мешают «правильно» отражать действительность в сознании, ограничивая ее и искажая, и уж никак не могут играть конструктивной роли в когнитивных процессах.

Когнитивисты, напротив, убеждены, что объективной истины не существует, так как человеку не дано смотреть на мир извне, «с позиции всеведущего Бога» (*from a God's eye view*). Человек является частью этой действительности и может познавать ее только изнутри, исходя из своего опыта взаимодействия с ней. Поэтому требуется не внешняя, а внутренняя перспектива [там же: 173–174, 261].

Как и значение, истина всегда связана с пониманием. Вот как об этом пишут Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Теория истины — это теория о том, что значит понять утверждение как истинное или ложное в определенной ситуации».

Всякое соответствие между тем, что мы говорим, и некоторым положением вещей в мире всегда определяется нашим пониманием утверждения и этого положения вещей. Конечно, понимание ситуации является результатом взаимодействия с ней самой.

Однако мы способны осуществлять истинные (или ложные) высказывания о мире потому, что оказывается возможным соответствие (или несоответствие) *нашего понимания высказывания нашему пониманию ситуации*, в которой оно производится.

Поскольку мы понимаем ситуации и высказывания в терминах нашей понятийной системы, истина для нас всегда оказывается связанной с нею. Подобным же образом, поскольку понимание всегда частично, у нас нет доступа ко „всей истине“ или к какому бы то ни было точному представлению о реальности» [Лакофф, Джонсон 2004: 205].

Воспользовавшись определением истины как достаточно точного (в зависимости от цели) совпадения между пониманием утверждения и пониманием ситуации [Lakoff 1987: 294], обратимся к примерам. В каких случаях то или иное предложение будет считаться истинным с точки зрения философии эмпирического реализма?

Рассмотрим сначала простейшее утверждение о кошке на коврике. Для того чтобы судить о его истинности, необходимо соотнести понимание предложения и понимание ситуации: во-первых, сопоставить «реальные» кошку и коврик со своими мысленными представлениями о соответствующих понятиях базисного уровня, а во-вторых, сравнить расположение кошки по отношению к коврику со схемами образов, составляющими понятие *на*. Если во всех случаях имеет место совпадение, утверждение считается истинным (хотя, как замечает Лакофф, это упрощенная трактовка, не учитывающая фоновой информации и оставляющая известную свободу в интерпретации понятия «совпадения») [там же: 292–293].

Вспомним теперь о примере *Туман лежит перед горой*, где на объекты налагались искусственные границы, а *горе* к тому же приписывалась ориентация «передняя vs. задняя сторона». Очевидно, что объективная оценка истинности этого предложения невозможна. Прежде всего, истинность зависит от положения говорящего: в одном месте пелена тумана будет между ним и горой (т. е. *перед* горой, хотя эта формулировка допускает определенную градацию), в другом — сбоку, в третьем он может вообще не увидеть туман, так как тот будет заслонен горой. Кроме того, ориентация «передняя vs. задняя сторона» зависит от культуры. Как было показано в исследовании Клиффорда Хилла (см. ниже), носитель языка хауса проецирует ее на предметы противоположно тому, как это обычно делает «западный» человек: ту ситуацию, в отношении которой для нас истинно утверждение о тумане

перед горой, он описал бы, наоборот, как *туман за горой*. Поэтому истинность такого предложения, как *Туман лежит перед горой*, «зависит от того, как мы понимаем мир, проецируя на него структуру ориентации и бытия» [Лакофф, Джонсон 2004: 189].

В оценку истинности утверждения существенный вклад вносит и категоризация, предполагающая отождествление конкретного объекта или явления с тем или иным видом опыта. При этом происходит высвечивание одних свойств и затемнение или сокрытие других, ср. различные описания одного и того же лица [там же: 190]:

Я пригласил на обед соблазнительную блондинку.

Я пригласил на обед прославленную виолончелистку.

Я пригласил на обед феминистку.

Я пригласил на обед филателистку.

Таким образом, истинность утверждения оказывается связанной со свойствами, которые высвечиваются использованными в нем категориями.

В общем случае истинность предложения также зависит от контекста. Предложение *Франция шестиугольна*¹ может быть истинно для школьника, но не для профессионального картографа. Утверждение *Земля — шар* истинно для большинства из нас в нашей повседневной жизни, хотя на самом деле является огрублением, существенным, например, при вычислении точной орбиты искусственного спутника. Предложения *Свет состоит из волн* и *Свет состоит из частиц* кажутся противоречащими друг другу, но оба признаются физиками в качестве истинных. Таким образом, истинность утверждения зависит от того, уместна ли в данном случае использованная в нем категория, что, в свою очередь, определяется целями человека и другими аспектами контекста [там же: 191–192].

Понимание метафорического высказывания *Инфляция возросла* как истинного предполагает понимание как предложения, так и ситуации в терминах онтологической и ориентационной метафор и оценку их соответствия. Что касается примера *Джон отстоял свою позицию в споре*, то это предложение интерпретируется в терминах структурной метафоры, а ситуация спора понимается одновременно в терминах гештальта БЕСЕДА и гештальта ВОЙНА. Если какой-то фрагмент беседы соответствует успешной защите в гештальте ВОЙНА, тогда понимание предложения будет соот-

---

¹ Ср. обсуждение этого примера в [Остин 1986].

ветствовать пониманию ситуации, и предложение будет сочтено истинным [там же: 196–198].

Поскольку истина не может быть описана объективно в терминах соответствия внешнему миру, а обусловлена понятийной системой человека и контекстом, нет ничего удивительного в том, что эта категория демонстрирует прототипические эффекты. По Лакоффу, истина представляет собой радиальную категорию со своим центром и периферией. К центральным истинам относятся утверждения, состоящие из понятий, которые обладают значением непосредственно, например:

Я пишу это. На моем столе три ручки и телефон. Я сижу на зеленом стуле. В окне видны дома, деревья, залив, горы и мост.

Эти, очевидные с точки зрения здравого смысла предложения действительно могут быть объективно оценены с точки зрения их истинности, и не случайно объективистская философия ограничивается рассмотрением подобных примеров и игнорирует более сложные случаи. Между тем в реальном употреблении такие высказывания встречаются не столь часто. Большинство предложений содержат понятия более общие или, наоборот, более частные, чем категории базисного уровня, а также понятия абстрактные, метафорические, метонимические, т. е. те, что предполагают опосредованное понимание.

Именно эти, нецентральные, случаи категории *истина*, по мнению Лакоффа, и представляют наибольший интерес для когнитивной семантики. Так, утверждение о *трате времени* не может быть объективно истинным или ложным — его понимание и истинностная оценка возможны лишь в рамках такой культуры, в которой закреплен взгляд на время как на ресурс [Lakoff 1987: 294–297]. Люди, понятийные системы которых сильно отличаются от нашей, могут понимать мир совершенно не так, как мы. Истина «является функцией нашей понятийной системы» [Лакофф, Джонсон 2004: 204] и как таковая носит относительный характер. Как и теория значения, теория истины, по мнению Лакоффа, должна основываться на теории понимания.

Знание

Знание, как и истину, Лакофф относит к категориям с радиальной структурой. «Лучшие примеры» категории *истина* являются таковыми и для категории *знание*: лучше всего человек знает

то, что он получил из опыта собственной перцепции и манипуляции. Это объекты, действия и отношения, связанные с базисным уровнем взаимодействия человека с окружающей его средой.

Развитие техники — изобретение телескопов, микроскопов, фотографии, телевидения и пр. — раздвигает границы непосредственного опыта человека и расширяет сферу того, что может быть познано перцепцией и манипуляцией. Социальное закрепление полученного таким «технологическим путем» знания как истинного связано, во-первых, с его соответствием опыту взаимодействия человека со средой на базисном уровне и, во-вторых, с признанием его соответствующими научными сообществами. Если оба эти факторы присутствуют, научное знание входит в обиход человеческого сообщества и становится частью знания вообще.

Знание, таким образом, связано с пониманием, которое, в свою очередь, обусловлено опытом взаимодействия человека с миром, поэтому знание, как и истина, является понятием относительным [Lakoff 1987: 297–300].

Объективность

Отрицая существование объективной истины, философия эмпирического реализма не отказывается от понятия объективности. Абсолютной объективности нет, но «может существовать некий вид объективности, связанный с концептуальной системой, присущей культуре в целом» [Лакофф, Джонсон 2004: 216], поэтому объективность в эмпирическом реализме «всегда связана с понятийной системой и набором культурных ценностей. Разумная постановка вопроса об объективности невозможна, если конфликтуют концептуальные системы или культурные ценности» [там же: 244].

Под объективностью в рамках эмпирической философии понимается соблюдение двух принципов:

- 1) стремление смотреть на ситуацию с возможно большего числа точек зрения (под точкой зрения при этом подразумеваются не совокупность отдельных убеждений, но целостная концептуальная система);
- 2) способность отделять понятия, обладающие значением непосредственно — категории базисного уровня и схемы образов, — от понятий, значение которых опосредованно (именно первые, будучи едины для всех людей, образуют

своеобразные точки отсчета для объективной оценки ситуаций).

Объективность, кроме того, требует такого взгляда на категоризацию, который учитывает ее обусловленность физической природой человека [Lakoff 1987: 301–302].

Философия эмпирического реализма, представленная в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, представляет собой попытку осмысления теоретических основ когнитивной лингвистики и их обобщения в единую философскую концепцию. Ее ценность определяется прежде всего тем, что новое направление — весьма широкое и неоднородное — нуждается в эксплицитной формулировке своего гносеологического и методологического фундамента. Философия эмпирического реализма задает ориентиры, обеспечивающие внутреннюю целостность когнитивной лингвистики и позиционирующие ее среди современных направлений лингвистической мысли.

Глава IV

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА

1. ПРИНЦИПЫ КОГНИТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

«Максималистская» концепция языка

Одним из крупнейших теоретиков когнитивного направления в лингвистике по праву считается Рональд Лангакер, который с 1976 г. разрабатывает теорию, первоначально называвшуюся *пространственной грамматикой* (*space grammar*), а позже переименованную в *когнитивную грамматику*¹. Ее содержание отражено в многочисленных авторских публикациях², из которых программным произведением считаются «Основы когнитивной грамматики» в двух томах [Langacker 1987a, 1991b]. На русский язык были переведены две его статьи [Лангаккер 1997; Лангакер 1998]; имеется также научно-аналитический обзор [Лангаккер 1992].

В типичной для когнитивистов манере Р. Лангакер формулирует принципы когнитивной грамматики, отталкиваясь от тех фундаментальных положений генеративной теории, с которыми он принципиально не согласен. Таковыми являются, прежде всего, утверждения об автономности языковой системы, независимости грамматики от лексики и возможности описания значения при помощи аппарата формальной логики. В позиции Лангакера по этим вопросам четко прослеживается общая для всей когнитивной лингвистики платформа [Langacker 1991a: 1]:

- 1) язык не обладает самодостаточностью и не может быть описан без учета когнитивных процессов;

---

¹ Термин *грамматика* здесь следует понимать расширительно, в смысле ‘теория языка’.

² См. также популярное изложение концепции Лангакера в [Taylor 2002].

- 2) грамматические структуры не следует рассматривать в качестве отдельной, независимой формальной системы, так как лексика, морфология и синтаксис представляют собой единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на составные части;
- 3) основанная на условиях истинности формальная семантика не способна адекватно описывать значения языковых выражений.

Как известно, один из вариантов генеративной грамматики Хомского называется «минималистская теория». Обыгрывая это название, Лангакер характеризует свою концепцию как *максималистскую*, поскольку в ней отрицаются центральные принципы генеративизма, а именно [Langacker 1988b: 127–129]:

- экономия (учет возможно большего объема данных при помощи возможно меньшего числа правил);
- порождаемость (взгляд на грамматику как на совокупность правил, подробно и эксплицитно описывающих процесс порождения и дающих «на выходе» строго определенное множество высказываний);
- редукционизм (исключение из описания всех тех структур, которые могут быть порождены с помощью грамматических правил);
- нисходящая организация порождения языковых выражений.

Этим догматам генеративной теории Лангакер противопоставляет свой собственный взгляд на язык. В его понимании языковая система представляет собой обширный и в значительной степени избыточный массив единиц, не поддающийся алгоритмическому исчислению. Под «единицей» автор понимает некую в совершенстве освоенную структуру — «когнитивный шаблон» (*cognitive routine*), которым говорящий может оперировать как единым целым, не задумываясь о его композиционных особенностях. Единицы могут быть сколь угодно сложными, а степень их регулярности варьирует в широком диапазоне — от весьма общих до частных и даже единичных случаев. Порождение языковых выражений строится по восходящему принципу [там же: 131–132].

Свою концепцию языка Лангакер обосновывает соображениями психологической достоверности: подобно всем когнитивистам, он стремится прежде всего к тому, чтобы его теория согласовывалась с эмпирическими данными о мышлении и мозге. Именно на этом основании он отвергает генеративные грамматики, главное достоинство которых — логичность и строгая по-

следовательность — являются, по его словам, следствием искажения и обеднения содержательной стороны [Langacker 1988a: 13]. Когнитивная грамматика задумана автором как средство описания психологических структур, составляющих языковую способность человека, т. е. его способность овладевать языковым узусом. Неслучайно он называет свою когнитивную грамматику «моделью, основанной на употреблении языка» (*a usage-based model of language structure*) [Langacker 1988b: 130–131].

Мысль о том, что знания о языке в мозгу человека представлены в избыточном виде, Лангакер подкрепляет следующими доводами. Во-первых, маловероятно, чтобы носитель языка хранил в памяти исключительно «исходные» словоформы, а при необходимости употребить любую другую форму парадигмы всякий раз осуществлял бы операцию ее «вычисления» в соответствии с правилом. Например, желая упомянуть про собак (во множественном числе), он извлекал бы из памяти лемму *dog* и применял правило: *dog + -s → dogs*. С когнитивной точки зрения, гораздо более правдоподобно предположить, что в сознании носителя языка, по крайней мере, некоторые, высокочастотные, словоформы имеют статус самостоятельных единиц (заметим, что речь здесь идет, разумеется, о регулярных словоформах, так как нерегулярные обладают таким статусом даже в генеративных теориях).

Другой аргумент Лангакера в пользу самостоятельности высокочастотных неисходных словоформ связан с процессом усвоения языка. Автор утверждает, что формы множественного числа существительных типа *dogs* ('собаки'), *trees* ('деревья'), обозначающих распространенные, часто встречающиеся в повседневной жизни объекты, входят в сознание ребенка еще до того, как он узнает модель, по которой они образуются, и было бы странно, если бы позднее осознание этой модели влекло за собой их вытеснение из памяти и переход к режиму вычисления по правилу. Более естественно предположить, что в сознании носителей языка сосуществуют разные способы представления языковых структур: в рассматриваемом примере таковыми являются форма *dogs* как самостоятельная единица и модель образования этой регулярной словоформы из исходной формы *dog*. Само собой разумеется, что набор языковых форм и выражений, имеющих статус самостоятельных единиц, различен у разных людей и даже у одного и того же человека меняется на протяжении его жизни [там же: 129–133].

Заметим, что данные рассуждения Лангакера имеют достаточно солидную традицию, связанную с обсуждением актуальных для современной психолингвистики, психологии и когнитивной

науки вопросов усвоения, хранения и использования знаний о языке. В каком виде в мозгу говорящего «записаны» знания о морфологии языка, его словообразовании, лексике? Хранятся ли отдельные словоформы, морфемно членимые слова, значения многозначного слова в «штучном» виде или всякий раз складываются и раскладываются «по кирпичикам» в соответствии с правилами?

Разумно предположить, что существует некий баланс между объемом языкового материала, который человек «держит в голове» в готовом виде, и объемом языкового материала, который он конструирует непосредственно в процессе порождения или понимания текста. По здравому замечанию Е. В. Рахилиной, реальный говорящий не может ни слишком много помнить, ни слишком много конструировать «на ходу». В первом случае он будет похож на человека, который говорит с помощью одних только готовых клише и не может составить никакого нового текста. В случае второй крайности говорящий уподобляется человеку, который каждый раз возвращается к себе домой с работы, пользуясь картой, компасом и схемой маршрута, что ненормально: путь, проделанный многократно, не может не храниться в памяти целиком, и обычно человек обращается именно к этому целостному образу, а не к правилам его построения [Рахилина 2000: 266–267].

В терминах Б. М. Гаспарова речь идет о соотношении между *репродуктивной* и *операционной* стратегиями воспроизведения языковых единиц. Репродуктивная стратегия состоит в том, чтобы запомнить некоторое число единиц, каждую в отдельности, и затем по мере надобности воспроизводить их в речи, непосредственно извлекая из памяти. Операционная стратегия — это стратегия, при которой требующийся конкретный материал языка развертывается по определенным правилам из компактного, многократно свернутого абстрактного отображения этого материала (в формальных правилах, синтаксических деревьях и пр.) [Гаспаров 1996: 57].

По мнению автора, говорящие прибегают к обеим стратегиям, но в разных случаях предпочтительной оказывается либо одна, либо другая. Когда нужно использовать высокочастотные языковые формы, они, скорее всего, не строятся всякий раз заново по правилам, а воспроизводятся в готовом виде. Если человек на протяжении своей жизни огромное число раз «пускал в ход» свое знание той или иной формы (употреблял сам, воспринимал устно или на письме, вспоминал, проговаривал про себя), ее прямое воспроизведение не требует от него никаких дополнительных

оперативных усилий, а следовательно, репродуктивная стратегия оказывается более выгодной. С другой стороны, чем меньше частотность употребления какой-либо языковой единицы, тем более предпочтительной оказывается операционная стратегия. Как замечает автор, операционная стратегия присутствует на заднем плане нашей языковой деятельности, в качестве некоего фона, всегда готового вступить в действие, как только в нем возникает нужда [там же: 59–61].

Основной смысл рассуждений Гаспарова сводится к отрицанию кажущихся преимуществ операционной стратегии. Системная модель, стремящаяся к созданию непротиворечиво упорядоченной картины предмета, на поверку оказывается значительно менее экономным способом обращения с языком, чем это представлялось на первый взгляд, и дело здесь не только в ее высокой сложности. Решающим фактором в пользу репродуктивной стратегии является употребление одного и того же языкового материала в процессе долговременного пользования языком, ср.: «Языковое существование не есть однократный экзамен на овладение языковым материалом» [там же: 58–59].

Мысль о приоритете целостного восприятия и целостного хранения, а также целостного извлечения из памяти готовых единиц номинации подтверждается эмпирически, ср. следующее высказывание П. Ладефогед: «Данные из нейрофизиологии и психологии свидетельствуют о том, что вместо того, чтобы иметь в запасе небольшое количество исходных единиц (*primitives*) и организовывать их далее в соответствии с большим количеством разных правил, мы запасаемся большим количеством комплексных единиц, с которыми мы манипулируем с помощью небольшого числа простейших операций» (цит. по: [Человеческий фактор 1991: 136]).

Типы единиц

Стремление к психологической достоверности обязывает Лангакера строить свою модель так, чтобы она отражала те структуры и способности, которые составляют языковое знание говорящего. Автор утверждает, что это знание носит процедурный, а не декларативный характер. «Внутренняя грамматика» представляет собой структурированный¹ инвентарь общепринятых

---

¹ Инвентарь является *структурированным* в том смысле, что некоторые его единицы могут выступать составными частями других единиц [Langacker 1991a: 116].

языковых единиц (*structured inventory of conventional linguistic units*), причем единицы различаются по своей внутренней сложности.

Процесс построения языковых структур говорящим видится Лангакеру как последовательная сборка из ресурсов инвентаря все более сложных структур, в соответствии со схематическими шаблонами, также входящими в инвентарь. Результат такой сборки обычно расходится, а иногда и явно противоречит тому, что могло бы быть «вычислено» исходя из собственно содержания языковых единиц, ибо говорящий в процессе построения речевых структур руководствуется не только языковой конвенцией, но и пониманием контекста, коммуникативными целями, фоновыми знаниями и т. д. Соответственно, автор характеризует свою когнитивную грамматику как непорождающую и некомпозиционную [Langacker 1991a: 15–16].

Лангакер постулирует три типа единиц: семантические, фонологические и символные¹. Символьные единицы являются биполярными: они выражают связь между семантической единицей (семантический полюс) и фонологической единицей (фонологический полюс) и схематически представляются в виде: [[SEM]/[PHON]]. Например, слово *pencil* ('карандаш') в нотации Лангакера имеет вид [[PENCIL]/[pencil]], где прописными буквами обозначена семантическая сторона данного слова, а строчными — фонологическая (в орфографическом представлении) [там же].

В понимании Лангакера не только лексикон, но и грамматика характеризуются символичностью, образностью². Употребляя то или иное слово, морфему или грамматическую конструкцию, говорящий тем самым выбирает определенный способ выражения понятийного содержания. Разные языки предоставляют разный набор способов выражения одного и того же содержания (средств создания образности), причем эти различия достигаются как за счет лексикона, так и грамматики.

По существу, эти замечания не содержат в себе ничего оригинального, так как именно на данном феномене задолго до Лангакера и когнитивистов было сосредоточено внимание выдающихся

---

¹ Употребляя словосочетание *символьная единица*, Лангакер имеет в виду, что данные единицы выражают («символизируют») понятийное содержание в соответствии с определенным образом (*image*), который говорящий выбирает исходя из своих коммуникативных задач [Langacker 1991a: 12].

² Под *образностью* здесь и далее Лангакер понимает не образные средства языка, а способность говорящего «изображать» одну и ту же ситуацию альтернативными способами [Langacker 1988c: 63].

представителей менталистской традиции в американской лингвистике — Э. Сепира и Б. Л. Уорфа. Однако они значимы в контексте противостояния генеративного и когнитивного направлений: утверждение о биполярности грамматических единиц подчеркивает неразрывную связь грамматики с фонологией, лексикой и семантикой и тем самым резко контрастирует с традиционным для генеративизма рассмотрением ее как автономной формальной системы.

Новизна подхода Лангакера обнаруживается в объединении лексических и грамматических единиц в один класс, вытекающем из его нежелания проводить традиционную границу между словарем и грамматикой¹. В его представлении, лексика, морфология и синтаксис образуют единый континуум, не распадающийся естественным образом на непересекающиеся классы, хотя и демонстрирующий большое разнообразие в том, что касается уровня обобщенности, структурной сложности, закреплённости, регулярности и продуктивности символьных единиц. В процессе коммуникации говорящий движется от семантического полюса к фонологическому, а адресат — в противоположном направлении, но оба они неизбежно имеют дело с биполярным использованием языка [Langacker 1988a: 11–14].

В нотации Лангакера существительное изображается как [[THING]/[X]], а глагол — как [[PROCESS]/[Y]], где [THING] и [PROCESS] — абстрактные понятия, а [X] и [Y]² — схематические фонемные структуры. В когнитивной грамматике Лангакера нет традиционных правил и синтаксических деревьев — есть только модели сборки более сложных символических единиц из более простых. Правилу или конструкции соответствует символьная единица, которая является одновременно сложной и схематической. Например, морфологическое правило образования отглагольного существительного со значением агентивности (того, кто / что выполняет действие) — типа *teacher* ('учитель'), *helper* ('помощник'), *hiker* ('турист') и т. д. — представлено так называемой «схемой построения» (*constructional schema*) [[[PROCESS]/[Y]]–[[ER]/[-er]]], параллельной внутренней структуре соответствующих слов, ср.: [[[TEACH]/[teach]]–[[ER]/[-er]]] (рис. 7).

¹ Это решение мотивируется известной размытостью границы между лексикой и грамматикой, невозможностью их четкого разделения (подробнее см., напр., [Стеблин-Каменский 1974; Лайонз 1978: 460–463]).

² Все элементы, заключенные в квадратные скобки, обладают статусом языковых единиц.

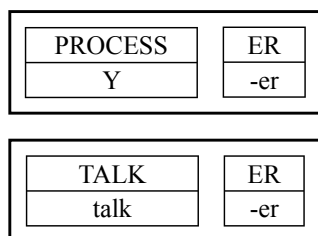

Рис. 7. Схема построения и ее реализация [Langacker 1988a: 24]

Схемы построения и их реализации представляют собой различные аспекты знания языка; и те, и другие, будучи наделены статусом самостоятельных единиц, могут входить во «внутреннюю грамматику», которую и пытается моделировать Лангакер. По отношению к языковым выражениям схема построения выполняет функцию категоризации: она описывает минимальные условия, которым должно удовлетворять выражение, для того чтобы считаться реализацией данной схемы.

Схемы построения могут включаться одна в другую, тем самым образуя схемы более высокого уровня сложности. Так, в результате объединения схемы на рис. 7 со схемой существительного [[THING]/[X]] получается схема построения [[[THING]/[X]]–[[PROCESS]/[Y]]–[[ER]/[-er]]], по которой регулярно образуются сочетания типа *pencil sharpener* ('точилка для карандашей'), *mountain climber* ('скалолаз'), *lawn mower* ('газонокосилка') и пр. (рис. 8).

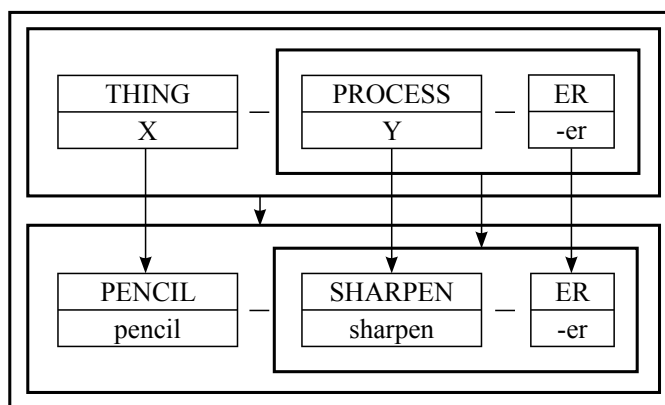

Рис. 8. Включение одной схемы построения в другую [Langacker 1988a: 25]

Взгляд на грамматику как на массив символьных единиц (а не автономный уровень языковой структуры) позволяет Лангакеру сформулировать достаточно жесткие (возможно, даже более жесткие, чем в алгоритмических моделях) ограничения на допустимые единицы. Автор исходит из наличия у человека двух фундаментальных когнитивных способностей, а именно схематизации (способности выделять общее, поднимаясь над частными отличиями) и категоризации (способности сравнивать новый опыт с имеющимся образцом). Как следствие, его когнитивная грамматика содержит единицы следующих трех типов (и только их!):

- 1) конкретные («реальные») семантические, фонологические и символьные единицы, например [BALLOON]/[balloon];
- 2) схематические структуры для конкретных единиц соответственно: [THING]/[X];
- 3) отношения категоризации, связывающие схематические структуры и конкретные единицы: [[THING]/[X] → [BALLOON]/[balloon]].

Ограничение на типы единиц Лангакер объясняет требованием содержания (*content requirement*), тем самым подчеркивая, что из когнитивной грамматики исключены характерные атрибуты генеративного синтаксиса — признаки без содержания (*contentless features*), синтаксические «пустышки» (*dummies*), деревья зависимостей и пр. [Langacker 1991a: 18–19; 295–296].

2. СЕМАНТИКА В КОГНИТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ

Субъективистский подход к значению

В когнитивной грамматике Лангакера значение приравнивается к концептуализации, или ментальному опыту. Концептуализация понимается весьма широко и охватывает как существующие понятия, так и новые представления, а также сенсорные, кинестетические и эмоциональные впечатления, плюс осознание коммуникантами социального, физического и лингвистического контекста речевой ситуации. Фактически концептуализация — это когнитивная обработка, т. е. нейрофизиологические процессы человеческого мозга [Langacker 1988a: 6].

Акцентируя специфику когнитивного подхода к значению, эти формулировки позволяют увидеть общее между теорией Лангакера

и процедурной семантикой Дж. Миллера и Ф. Джонсона-Лэрда, концепциями У. Чейфа, Р. Джекендоффа. Одновременно они заостряют отличия когнитивной грамматики от генеративной теории, а также традиционной, формальной и ситуативной семантики [Langacker 1991a: 1].

Объективизму последних Лангакер противопоставляет субъективистский подход к значению. Для него, как и для всех когнитивистов, значение языкового выражения не исчерпывается свойствами обозначаемого, но с необходимостью включает в себя то, как говорящий воспринимает и осмысливает соответствующий объект или ситуацию. Для описания этого аспекта автор вводит понятие интерпретации (*mental construing*). Употребляя то или иное языковое выражение, ту или иную грамматическую конструкцию, говорящий тем самым делает выбор в пользу одного из возможных способов обозначения соответствующего объекта либо ситуации.

Отсюда следует, что предложения, в которых одна и та же ситуация представлена по-разному, не являются семантически эквивалентными, даже если их условия истинности совпадают. В этом существенное отличие когнитивных концепций языка от генеративной теории, в которой семантическая эквивалентность предложений достигается за счет одинаковой референции и тождественных условий истинности.

Лангакер пишет, что альтернативные способы отображения одной и той же ситуации высвечивают ее разные стороны. Так, сравнивая два предложения:

Bill sent a walrus to Joyce ('Билл послал моржа <к> Джойс') и *Bill sent Joyce a walrus* ('Билл послал Джойс моржа')¹, —

он заявляет, что в первом примере подчеркивается перемещение моржа по направлению к Джойс, тогда как во втором акцент сделан на конечной точке перемещения — Джойс как обладательнице моржа. В концепции Лангакера эти предложения считаются равноправными в том смысле, что ни одно из них не является производным от другого. Для сравнения, в генеративной грамматике этим предложениям соответствовала бы одна и та же глубинная структура, из которой порождалось бы какое-то одно из них, а другое получалось из него путем трансформации [там же: 13].

---

¹ Здесь и далее авторские примеры сохраняются в оригинале и по возможности переводятся (если при этом сохраняется их «внутренняя форма»), либо используются аналогичные русские примеры.

Понятие когнитивной области

Для описания значений языковых выражений Лангакер вводит понятие «когнитивной области» (*cognitive domain*) — сферы знаний, представлений или ощущений, к которой отсылает соответствующее слово. К примеру, слово *локоть* предполагает в качестве своей когнитивной области понятие *рука*, *апрель* — *год*, *гипотенуза* — *прямоугольный треугольник* и т. д. По словам автора, когнитивная область может представлять собой сферу чувственного опыта, отдельное понятие, концептуальный комплекс, область знаний и т. д. [там же: 3–4].

Семантический анализ языкового выражения предполагает ссылку на его когнитивную область, но та, в свою очередь, может отсылать к другой когнитивной области и т. д. Например, слово *дуга* отсылает к когнитивной области *круг*, но понятие круга для своего определения требует когнитивной области *пространство* (рис. 9):

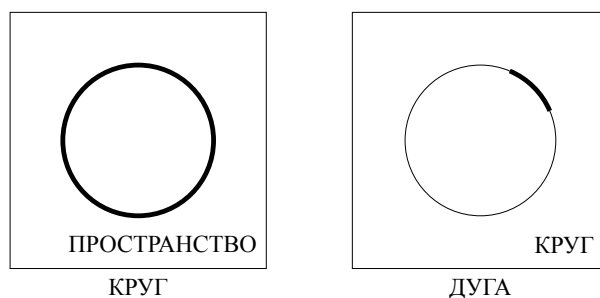

Рис. 9. Дуга, круг [Лангакер 1998: 77]

Так выстраиваются концептуальные иерархии, в которых структуры более высокого уровня являются результатом когнитивных операций над структурами более низких уровней. Что же, по мнению автора, занимает нижний уровень этих иерархий? Подчеркивая свое нейтральное отношение к идее врожденных понятий, Лангакер все же считает необходимым постулировать некоторое количество базисных областей как когнитивно неразложимых представлений. В их число входят наш опыт пространства и времени, а также цветовая гамма, диапазон частот, шкала температур, область вкусовых ощущений и т. д. — все это в пределах, обусловленных перцептивными возможностями человеческого организма [там же: 4].

Значение некоторых языковых выражений сразу отсылает к базисным областям, например, слово *красный* — к *цвету*, слово *прежде* — к *времени*, слово *гудок* — к *времени* и *звуку* (высоте тона). Однако это скорее исключение, чем правило: большинство языковых выражений непосредственно отсылают к небазисной когнитивной области, и только потом, по цепочке, на каком-то шагу, следует обращение к базисной области (ср. выше пример со словом *дуга*).

Наряду с последовательной, возможна и параллельная активация когнитивных областей. Значение многих языковых выражений непосредственно (на первом же шаге) отсылает к более чем одной когнитивной области. Для обсуждения таких случаев Лангакер вводит понятие «матрицы когнитивных областей». Такие матрицы могут быть весьма обширными и даже неограниченными; к примеру, понятие *нож* предполагает следующее открытое множество когнитивных областей (рис. 10):

- типичная форма ножа;
- нож как режущий инструмент;
- нож как часть столового прибора;
- обычный размер, вес ножа;
- материал, из которого делают ножи;
- игры и трюки с ножами;
- роль ножей в завоевании Америки
- и т. д.

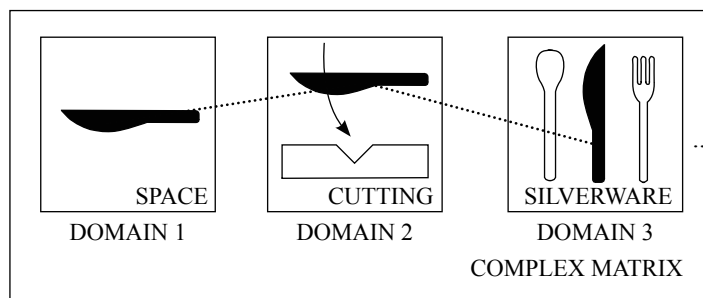

Рис. 10. Нож [Langacker 1988c: 57]

Этот перечень ясно свидетельствует об отказе Лангакера проводить границу между языковым и энциклопедическим знанием¹.

¹ В последнее время эта точка зрения получает все большее число сторонников, в том числе и за пределами когнитивного направления. Лексикографы уже давно

Автор согласен с Джоном Хайманом [Haiman 1980], что деление информации на лингвистическую и экстралингвистическую (так же как на относящуюся к сфере семантики или прагматики) навязывается методологией исследований в русле генеративной грамматики¹, но не обусловлено языковым материалом как таковым. Граница между языковой и внеязыковой информацией не может не быть произвольной, а потому не представляет интереса для когнитивной теории. Соответственно, Лангакер провозглашает энциклопедический подход к лингвистической семантике, предполагающий учет всей ассоциируемой со словом информации. Отдавая себе отчет в ее неоднородности, автор предлагает не делить ее на типы, а говорить о разной степени центральности тех или иных признаков. Различия в их когнитивной выделенности (*salience*) обуславливают разную вероятность активации соответствующих аспектов семантической структуры [Langacker 1988c: 57–58].

Профиль и база, траектор и ориентир

В терминах Лангакера языковое выражение получает свое значение в результате наложения «профиля» (*profile*) на «базу» (*base*): базой служит когнитивная область (или матрица областей) данного выражения, а профилем — тот участок базы, который оно обозначает. Например, для слова *гипотенуза* базой является понятие прямоугольного треугольника, а профилем — его соответствующая сторона. Автор подчеркивает, что значение языкового выражения определяется взаимодействием между профилем и базой и не сводимо ни к одной из этих составляющих. Так, если исключить понятие профиля, останется база, то есть — в данном примере — прямоугольный треугольник, а если отбросить базу и оставить один профиль, то полученный отрезок уже нельзя будет назвать гипотенузой (рис. 11).

указывали на нечеткость границы между словарной и энциклопедической информацией, психолингвистические исследования свидетельствуют о неотделимости знаний о языке от знаний о мире, и многие современные дисциплины (такие как лингвистическая прагматика, социолингвистика, анализ дискурса и пр.) основываются на так называемой широкой концепции семантики.

¹ Как известно, в отечественном языкознании разделение языковой и неязыковой информации восходит к идее А. А. Потебни о разграничении ближайшего и дальнейшего значений слова.

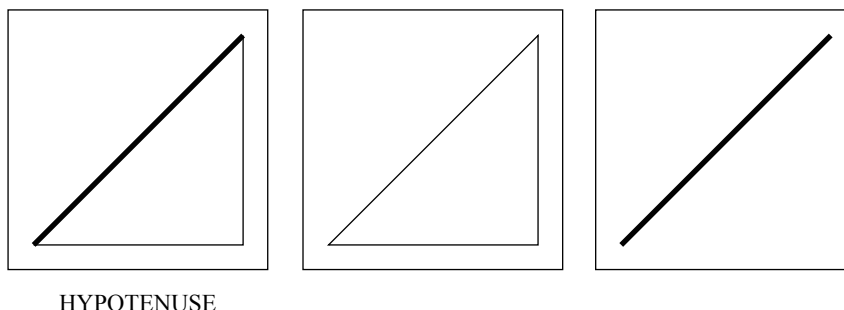

Рис. 11. Гипотенуза [Langacker 1988с: 59]

Как уже стало понятно читателю, Лангакер в целях иллюстрации часто прибегает к схематическим рисункам¹. Так, он обводит профилированную часть базы жирной чертой, помечает объекты значками **tr** (*trajector* — движущийся объект, или «траектор»), **lm** (*landmark* — «ориентир»), **v** (*viewer* — наблюдатель), **pf** (*perceptual field* — поле зрения) и др., связывает их между собой, вводит оси пространства или времени и т. д.

Итак, все языковые выражения, независимо от степени сложности, в семантическом плане характеризуются наложением профиля на базу. В зависимости от способа профилирования понятийного содержания Лангакер их делит на два вида — именные и «реляционные»² группы (*nominal and relational predications*). Значение именных групп профилирует некоторый «участок» обозначаемого предмета или ситуации, в то время как значение реляционных групп высвечивает отношения между сущностями. Именное и реляционное выражения могут иметь одно и то же внутреннее содержание и различаться лишь способом интерпретации ситуации, ср.: *круг* и *круглый*, *взрыв* и *взорваться* [Langacker 1991a: 74].

Различия в профилировании посредством именных групп можно показать на примере следующих выражений (рис. 12):

¹ Изобилие рисунков в работах Лангакера даже послужило поводом для иронического комментария Р. М. Фрумкиной, указавшей на то, что объяснение, по определению, должно быть проще того, что оно призвано объяснить, а рисунки Лангакера едва ли способны выполнять эту функцию, поскольку их интерпретация — отдельная и непростая задача [Фрумкина 1999: 91]. Стоит отметить, однако, что Лангакер не первым стал «рисовать» значение: аналогичные попытки можно найти у Сепира [Сепир 1993; Сэпир 1985]).

² От англ. *relation* — «отношение».

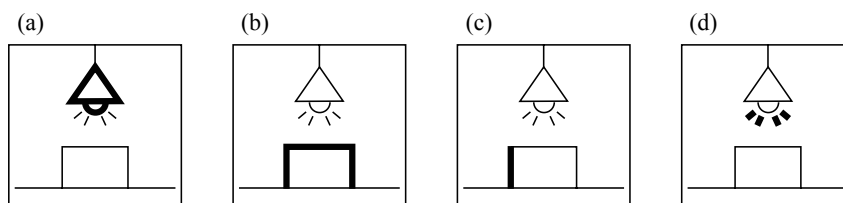

Рис. 12. Лампа над столом [Langacker 1988с: 61]

- (a) лампа над столом,
- (b) стол под лампой,
- (c) ножка стола под лампой,
- (d) свет от лампы над столом.

К реляционным группам Лангакер относит языковые выражения, включающие глаголы, наречия, прилагательные, предлоги и пр. Поскольку их значение обычно профилирует взаимодействие между по меньшей мере двумя сущностями, приходится вводить дополнительные понятия. Та сущность, что находится «в фокусе» и является наиболее выделенной, называется «траектором» (*trajector*), а другая, отличная от траектора, но также когнитивно выделенная сущность — «ориентиром» (*landmark*). Траектор и ориентир могут быть либо объектами, либо, в свою очередь, отношениями. Например, наречия имеют в качестве траектора не объект, а отношение (см. ниже пример с *away*) и именно этим отличаются от прилагательных [Langacker 1988с: 61, 76].

Рассмотрим следующие примеры (рис. 13):

I think you should go now ('Мне кажется, тебе следует сейчас уйти').

China is very far away ('Китай находится очень далеко').

When I arrived, he was already gone ('Когда я пришел, он уже ушел').

Значению глагола *go* из первого предложения, выражающего процесс удаления, на рисунке соответствует набор из нескольких конфигураций, когнитивными областями которых являются пространство и время. Процесс предполагает наличие двух основных участников — неподвижного наблюдателя (**lm**) и удаляющегося от него объекта (**tr**), соответственно, каждая следующая конфигурация характеризуется все большим расстоянием между ними.

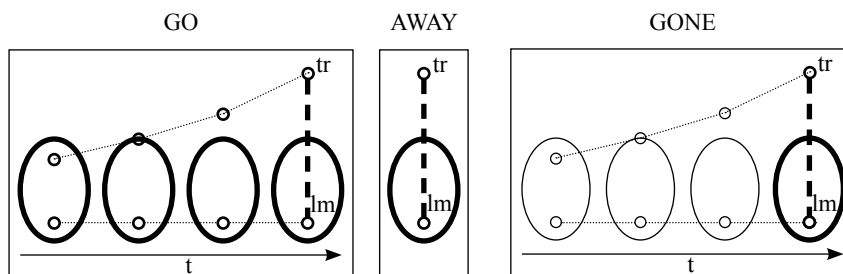

Рис. 13. *Go, away, gone* [Langacker 1988c: 62]

Профилированной является вся совокупность взаимоотношений между участниками.

Семантика наречия *away* предполагает одну статичную конфигурацию и единственную когнитивную область — пространство. Ее изображение повторяет последнюю конфигурацию предыдущего рисунка, где траектор вышел за пределы непосредственного окружения ориентира. Это наглядно демонстрирует связь между значениями *go* и *away* в данных примерах, а именно: результатом процесса, обозначаемого глаголом *go*, является локативное отношение, выражаемое наречием *away*.

Что касается значения причастия *gone*, его изображение в когнитивной грамматике одновременно и схоже с каждым из предыдущих рисунков, и отличается от них обоих. Базой *gone* является весь процесс, профилируемый глаголом *go*, — таким образом, глагол и образованное от него страдательное причастие прошедшего времени тождественны в том, что касается основного понятийного содержания. Однако они расходятся в профилировании этого содержания: в отличие от глагола причастие высвечивает не весь процесс, а только его результирующее состояние, и его профиль совпадает с профилем наречия *away* [Langacker 1988c: 60–63; 1991a: 5–7].

Если в именных группах различия в интерпретации обозначаемого объекта достигаются за счет выбора того или иного профиля (см. выше *стол под лампой* vs. *лампа над столом*), то при порождении реляционных выражений говорящий иногда имеет возможность варьировать распределение ролей траектора и ориентира, ср.:

Портрет висит над натюрмортом vs. *Натюрморт висит под портретом.*

Ирак оккупировал Иран vs. *Иран был оккупирован Ираком.*

Труба похожа на корнет vs. *Корнет похож на трубу.*

Все эти примеры, по мнению Лангакера, демонстрируют асимметрию между траектором и ориентиром, и даже последняя пара утверждений не является исключением, невзирая на то что с формальной точки зрения предикат ‘быть похожим’ описывает симметричное отношение¹. Стремясь предотвратить параллели с понятиями темы и ремы, автор отмечает, что асимметрия между траектором и ориентиром может проявляться не только на уровне предложений, но и слов. Так, антонимичные наречия *above* и *below*, обладая одинаковым понятийным содержанием и даже профилируя его одинаково, достигают семантического контраста за счет выбора траектора: в случае *above* — это сущность, расположенная сверху, а в случае *below* — снизу (рис. 14).

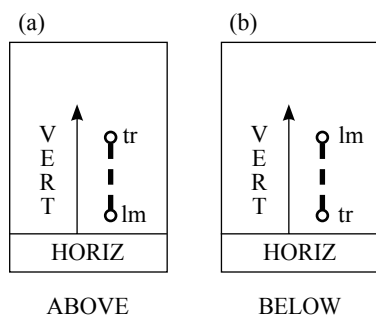

Рис. 14. *Above, below* [Langacker 1988c: 79]

Аспекты образности

Наложение профиля на базу и взаимодействие между траектором и ориентиром представляют собой примеры того, что Лангакер называет «аспектами образности» (*dimensions of imagery*), — параметров, позволяющих говорящему по-разному интерпретировать одну и ту же ситуацию. Из прочих аспектов отмечаются следующие [Langacker 1988c]:

- 1) уровень обобщенности (*level of specificity*);
- 2) фоновые допущения и ожидания (*background assumptions and expectations*);
- 3) вторичная активация (*secondary activation*);
- 4) масштаб и сфера действия семантики языкового выражения (*scale and scope of predication*);

¹ С точки зрения психологии человека, однако, это не так (см. описание психолингвистических экспериментов в гл. III.1).

- 5) относительная когнитивная выделенность семантических подструктур (*relative salience of substructures*);
- 6) перспектива (*perspective*).

Дадим их краткую характеристику.

Простым примером представления одной и той же ситуации на **разных уровнях обобщенности**, или схематичности, может служить сопоставление следующих предложений, обозначающих одну и ту же ситуацию:

В кустах находится какое-то животное.

В зарослях сирени сидит кот.

В буйных зарослях персидской сирени притаился пушистый кот.

Роль **фоновых допущений и ожиданий** в интерпретации ситуации говорящим может быть проиллюстрирована известной парой утверждений:

Стакан наполовину пуст vs. Стакан наполовину полон, — которые, будучи тождественны с точки зрения условий истинности, семантически не эквивалентны.

К данному аспекту образности автор относит и такие известные в лингвистике феномены, как соотношение между пресуппозицией и ассерцией, тема-рематическое членение предложения, оппозицию «данное — новое», а также фразовое ударение, ср.:

Он любит МЯСО vs. Он ЛЮБИТ мясо vs. ОН любит мясо.

Феномен **вторичной активации** имеет место в сетевых моделях, в частности, в моделях, отражающих семантическую структуру многозначного слова (см. гл. IV.3). Его суть заключается в том, что первичная активация одного узла влечет за собой активацию других, связанных с ним отношениями категоризации. К примеру, употребляя слово в переносном значении, говорящий активирует соответствующую символическую единицу, но в соответствии с общим принципом распространения активации по связям внутри когнитивных структур это приводит к вторичной активации другой символической единицы, а именно прямого значения данного слова. Вторичная активация создает образность, отсутствующую при использовании средств первичной номинации, ср. употребление зоонимов для характеристики человека (*лиса, медведь, свинья, орел* и т. д.) и описание того же лица через словосочетания типа *хитрый (неуклюжий, невоспитанный* и т. д.) человек.

Понятие **масштаба семантики языкового выражения** можно показать на примере слова *континент*, которое уместно по отношению к крупным «кускам» суши (Северной Америке, Европе, Австралии и пр.), но неприменимо, например, к Ирландии или Таити — последние именуются *островами*. В свою очередь, для слова *остров* этот параметр также релевантен, так как не каждый окруженный водой участок суши может быть так назван (ср. кучку грязи посреди лужи). Масштабом семантики объясняется и разница в значении английских слов *bay* ('бухта, залив') и *cove* ('небольшая бухта'). В то же время для многих языковых выражений различия в масштабе несущественны: например, высказывание вида *A is near B* ('А расположено рядом с В') равно приложимо к галактикам, странам, предметам в комнате и атомам в молекуле.

Сфера действия семантики языкового выражения — это та область, в рамках которой значение данного выражения действительно и уместно. Так, слово *остров* можно употребить в отношении массива суши (рис. 15), если, во-первых, мы видим его полностью и, во-вторых, он окружен пространством (а не узкой полоской) воды. В данном примере получается, что номинация *остров* действительна только относительно сферы (а). В свою очередь, слово *полуостров* релевантно в рамках сфер (а) и (с), но не (b) и (d).

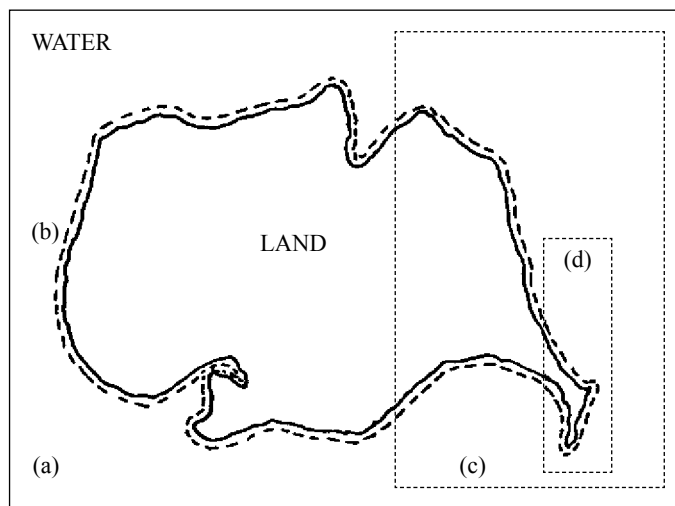

Рис. 15. *Остров, полуостров* [Langacker 1988с: 71]

Лангакер отмечает, что данный аспект образности имеет непосредственное отношение к грамматике языка. В частности, он проявляется при так называемом «локативном гнездовании» (*nested locative*), когда в предложении каждое предшествующее обстоятельство служит сферой действия для последующего, при этом происходит последовательное сужение «области поиска», ср.:

The camera is upstairs in the bedroom in the large closet on the top shelf underneath the quilt ('Фотоаппарат лежит наверху в спальне в большом шкафу на верхней полке под одеялом').

Параметр сферы действия сказывается и на том, как в языке выражаются отношения «часть — целое». Например, понятие человеческого тела является непосредственной сферой действия значений таких слов, как *голова*, *рука* и *нога*; понятие *рука* выполняет ту же функцию по отношению к предикациям *кисть* (*руки*) и *локоть*; понятие *кисть* — по отношению к *ладони* и *пальцу*, *палец* — по отношению к *костяшке* и *ногтю*. Следствием такой иерархической организации является разная степень приемлемости следующих предложений, причем единственным «безупречным» является то, где подлежащее обозначает непосредственную сферу действия для дополнения при глаголе *have*:

A finger has 3 knuckles and 1 nail (букв. 'Палец имеет 3 костяшки и 1 ноготь'),

?An arm has 14 knuckles and 5 nails (букв. 'Рука имеет 14 костяшек и 5 ногтей'),

??A body has 56 knuckles and 20 nails (букв. 'Тело имеет 56 костяшек и 20 ногтей').

Аналогичные ограничения имеют место при образовании сложных существительных типа *fingertip* ('кончик пальца'), *eyelash* ('ресница'), *toenail* (букв.: 'ноготь пальца ноги'), *eyelid* ('веко'), но: **bodytip*, **headlash*, **facelid*, **armnail*¹.

Обращаясь к рассмотрению **относительной когнитивной выделенности семантических подструктур**, Лангакер отдает себе отчет, что утверждения о большей или меньшей когнитивной выделенности того или иного элемента по сравнению с остальными не поддаются верификации. За отсутствием соответствующего ме-

---

¹ Ср., однако, рус. *ноготь на руке* и *ноготь на ноге*, где пропущена иерархическая ступень, соответствующая понятию *палец*, что объясняется, по-видимому, неразличением на лексическом уровне *пальца ноги* и *пальца руки*.

ханизма точное и объективное измерение степени выделенности невозможно, и, по мнению автора, вряд ли к этому нужно стремиться. Достаточно того, что сама мысль о различной выделенности отдельных элементов или частей языковой структуры выглядит вполне разумной с точки зрения здравого смысла и когнитивно правдоподобной.

Лангакер выделяет следующие три вида относительной когнитивной выделенности семантических подструктур языкового выражения:

- профилирование;
- асимметрия между траектором и ориентиром;
- членимость (*analyzability*)¹.

Первые два вида были рассмотрены выше; обратимся теперь к последнему. Сравнивая попарно выражения:

father vs. *male parent* ('отец' vs. 'родитель мужского пола'),
pork vs. *pig meat* ('свинина' vs. 'мясо свиньи'),
triangle vs. *three-sided polygon* ('треугольник' vs. 'трехсторонний многоугольник'), —

Лангакер обращает внимание на различия в способе выражения одного и того же содержания. Смысловые компоненты, входящие на правах сем в слова — первые члены пар, во вторых членах пар (словосочетаниях) представлены в виде отдельных морфем. Эксплицитность семантической структуры, с точки зрения автора, обеспечивает большую когнитивную выделенность смыслов 'male' и 'parent', 'pig' и 'meat', 'three-sided' и 'polygon' в словосочетаниях, чем в словах *father*, *pork* и *triangle* соответственно. К примеру, выражение *трехсторонний многоугольник* подчеркивает принадлежность треугольника к классу многоугольников — компонент значения, остающийся в тени при употреблении слова *треугольник*.

Аналогичным образом, форма множественного числа *pebbles* ('галька') акцентирует тот факт, что обозначенный данным словом объект состоит из множества камешков, в то время как одноморфемное слово *gravel* ('гравий') содержит ту же информацию, но в неявном виде.

Лангакер отмечает, что членимость лексических единиц стирается по мере их закрепления в языке. Так, носители языка,

---

¹ Отметим содержательную близость этого аспекта к понятию внутренней формы в отечественном языкознании.

по-видимому, осознают вклад слова *complain* ('жаловаться') в значение слова *complainer* ('жалобщик'), но для слов *computer* ('компьютер', 'вычислительная машина' — от глагола *compute* 'вычислять') и *propeller* ('пропеллер' от глагола *propel* 'приводить в движение') это менее очевидно. Тем не менее, как пишет Лангакер, даже если членимость перестает осознаваться носителями языка, все равно на каком-то уровне когнитивной обработки соответствующие подструктуры активируются.

Перспектива как аспект образности также объединяет в себе несколько различных параметров, а именно:

- ориентацию (*orientation*);
- положение в пространстве (*vantage point*);
- направленность (*directionality*);
- субъективность / объективность изображения ситуации (*subjective vs. objective construal*).

Все эти факторы предполагают наличие наблюдателя (*viewer*, или *conceptualizer*), ответственного за ту или иную интерпретацию ситуации. Обычно наблюдатель отождествляется с говорящим.

Понятия ориентации и положения в пространстве, необходимые для интерпретации пространственного дейксиса (наречий *справа — слева, вверху — внизу, спереди — сзади, здесь — там* и т. д., английских глаголов *come — go* и пр.), достаточно хорошо описаны в литературе и, по мнению Лангакера, не нуждаются в подробном рассмотрении. Он лишь обращает внимание на те случаи, когда говорящий «подстраивается» под адресата и «изображает» ситуацию с его точки зрения. Например, во фразе *X расположен слева от Y* наблюдатель по умолчанию отождествляется с говорящим и расположение *X* относительно *Y* вычисляется по отношению к позиции говорящего. Однако говорящий может намеренно взять в качестве опорной точки не свое положение, а положение адресата или даже какого-то третьего лица¹, ср., например, следующие фразы с дейктическими глаголами *come* и *go*:

I will go to Chicago tomorrow.

I will come to Chicago tomorrow.

---

¹ Заметим, что в некоторых случаях это может вызвать неоднозначность, связанную как раз с тем, что мы не знаем, «чьими глазами» увидена ситуация. Примерами могут служить коллективные фотографии с подписями под ними типа *В центре X, справа от него A и B, слева — C и D* или аналогичные сведения, сообщаемые тележурналистами об участниках какого-либо заседания, сидящих за столом в президиуме.

Оба они могут быть произнесены человеком, находящимся, например, в Сан-Диего и собирающимся отправиться в Чикаго: в первом случае он описывает ситуацию, исходя из своего положения, а во втором — ориентируясь на адресата или какого-то другого заинтересованного лица, находящегося в Чикаго.

Что касается фактора направленности, данное понятие применяется Лангакером широко — не только по отношению к динамическим ситуациям, но и к статическим, не ограниченным во времени, ср.:

The hill falls gently to the bank of the river ('Холм плавно спускается к реке') vs. *The hill rises gently from the bank of the river* ('Холм плавно поднимается от берега реки').

The road does from A to B ('Дорога идет из пункта А в пункт В') vs. *The road goes from B to A* ('Дорога идет из пункта В в пункт А').

Согласно Лангакеру, сравниваемые предложения описывают одну и ту же ситуацию, но семантически не тождественны, и различие между ними сводится к тому, в каком направлении наблюдатель (говорящий) ее «сканирует».

Такая — широкая — интерпретация направленности коррелирует с последним фактором перспективы — субъективностью / объективностью изображения ситуации. Во избежание недоразумений автор подчеркивает, что это различие не имеет отношения к фундаментальному вопросу о том, существует ли объективное, единое для всех, значение или оно по своей природе субъективно. В данном случае речь идет об асимметрии между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом.

Максимальная объективность, по Лангакеру, достигается тогда, когда объект наблюдения имеет четкие границы, отделен от наблюдателя и полностью расположен в поле его зрения. Субъективность, наоборот, связана с вовлечением наблюдателя в ситуацию и его «растворением» в ней. Максимальная субъективность имеет место тогда, когда наблюдатель полностью поглощен процессом наблюдения, вплоть до того, что перестает себе отдавать в этом отчет¹. Впрочем, как подчеркивает автор, не столь существ-

---

¹ В качестве пояснения Лангакер использует аналогию с очками: когда их снимаешь и смотришь на них, они — объект наблюдения, когда надеваешь, они — часть субъекта наблюдения [Langacker 1991a: 316].

венно, возможна ли абсолютно субъективная или, напротив, полностью объективная интерпретация ситуации: эти понятия служат условными ориентирами, крайними точками шкалы, между которыми располагаются реальные случаи.

Разницу между объективной и субъективной интерпретацией ситуации автор иллюстрирует следующей парой предложений:

A boy walked across the field, through the woods, and over the hill vs. There was a fire last night across the river, through the canyon, and over the mountain.

Одни и те же локативные предлоги в первом случае служат для объективного изображения ситуации (физического перемещения мальчика по конкретному пути), а во втором — для субъективного. Субъективное перемещение представляет собой мысленное передвижение самого говорящего от той точки, где он находится, к месту, где произошел пожар. Траектория такого фиктивного перемещения отчасти объективна, так как связывает положение говорящего с местом пожара. Однако изображение ситуации скорее субъективно, чем объективно, так как «реального» перемещения нет, движение является не предметом наблюдения, а способом осмысления и изображения ситуации¹.

Согласно Лангакеру, исторически первичным является употребление языкового выражения для объективного изображения ситуации, и лишь позднее становится возможным его использование для субъективного представления. Процесс *субъективизации* (*subjectification*) рассматривается им в качестве распространенного типа семантических изменений².

Субъективизация может приводить к грамматикализации — превращению лексических единиц в грамматические маркеры³. В качестве примеров автор ссылается на модальные глаголы, глаголы движения (англ. *go* и франц. *aller*) как средство выражения временных значений; глаголы обладания, используемые в построении форм перфекта [Langacker 1990].

¹ Ср. схожие примеры на стативные значения глаголов движения типа *потом дорога выходит к реке; тропинка поворачивает то налево, то направо; лестница спускается к реке* в [Падучева 1999].

² Ср. понятие субъективизации у Э. Трауготт (гл. II.3).

³ О закономерностях грамматикализации см., напр., [Hopfer, Traugott 1993; Майсак 2000; Heine, Kuteva 2002; Wischer, Diewald 2002].

Когнитивные точки отсчета. Метонимия. Активная зона

Асимметрия профиля и базы, траектора и ориентира, локативное гнездование, фоновые ожидания, противопоставления субъективного и объективного изображения ситуации, актантов и сирконстантов, темы и ремы — во всем этом Лангакер видит проявление одной и той же базовой, фундаментальной когнитивной способности человека, заключающейся в использовании представления об одной сущности в качестве когнитивной точки отсчета для того, чтобы установить мысленный контакт с другой сущностью. Принцип когнитивной точки отсчета организует весь ментальный опыт человека, так что мы, сами того не осознавая, сталкиваемся с его проявлениями на разных уровнях понятийной и языковой организации. Трудно указать такой языковой феномен, который был бы полностью от него свободен [Langacker 1993].

Этот принцип, по мнению автора, лежит и в основе такого явления, как метонимия. Распространенность метонимических переносов в повседневном общении объясняется той важной ролью, которую они играют в когниции и коммуникации. Согласно Лангакеру, метонимия дает возможность примирить два противоборствующих фактора, а именно, потребность говорящего выражаться точно (с тем чтобы правильно направить внимание адресата) и естественное стремление думать и говорить о тех вещах, которые обладают для него наибольшей когнитивной выделенностью. Удачно подобранное метонимическое выражение позволяет человеку упомянуть о той сущности, которая имеет большую когнитивную выделенность и более простое языковое выражение, тем самым вызвав — в значительной степени неосознанно, автоматически — представление о другой сущности, менее выделенной или имеющей более сложное обозначение [там же: 30].

Автор отмечает, что использование той или иной сущности в качестве точки отсчета при метонимических переносах регулируется разными факторами. В то же время, при прочих равных условиях, обычно соблюдаются следующие приоритеты [там же]: человек > нечеловек; целое > часть; конкретное > абстрактное; видимое > невидимое и некоторые другие.

Иными словами, человек, а также конкретные, видимые сущности и целостный объект более вероятны в качестве «сферы-источника»¹, чем противопоставленные им члены.

---

¹ В терминологии [Лакофф, Джонсон 2004].

Метонимия (в ее концептуальной интерпретации) пересекается с явлением, которое Лангакер называет «активными зонами» (*active zones*). Под активной зоной автор понимает ту часть траектора и/или ориентира, которая непосредственно участвует в ситуации, обозначенной соответствующим реляционным выражением, ср. [Langacker 1991a: 190]:

Your dog is near my cat ('Ваша собака находится рядом с моей кошкой') vs. *Your dog bit my cat* ('Ваша собака укусила мою кошку').

Если первый пример профилирует отношение таким образом, что оба объекта выступают в качестве целостных структур, то во втором предложении глагол *bite* обозначает такое взаимодействие между объектами, которое непосредственно касается лишь их отдельных частей, а именно зубов собаки и определенной (хотя и не указанной в тексте) части тела кошки. Эти участки выделяются соответственно внутри траектора и ориентира в качестве их активных зон.

Активная зона представляется автору не в виде четко ограниченного «участка» объекта, а как некая область взаимодействия: чем дальше от ее центра расположен тот или иной «участок», тем незначительнее его роль в этом взаимодействии. Так, описанное во втором предложении участие траектора (собаки) в процессе «кусания», строго говоря, не ограничивается зубами, но включает действие челюстей, нервной системы и т. д. В конечном счете, можно даже считать, что каждая «часть» собаки играет некоторую роль в данном акте, но это не столь существенно; важно, что участие одних «частей» является более непосредственным и центральным для данного концепта, чем участие других [там же].

Наблюдаемое в данном примере несовпадение профиля языкового выражения с его активной зоной Лангакер считает не исключением, а языковой нормой, указывая, в частности, на сомнительность предложения [?]*Your dog bit my cat with its teeth* ('Ваша собака укусила мою кошку своими зубами'). Подтверждением могут служить и следующие примеры [там же: 191]:

Roger blinked ('Роджер моргнул') vs. [?]*Roger's eyelids blinked* ('Веки Роджера моргнули').

Roger figured out the puzzle ('Роджер решил загадку') vs. [?]*Roger's mind figured out the puzzle* ('Мозг Роджера решил загадку').

Roger whistled ('Роджер свистел') vs. [?]*Roger's lungs whistled* ('Легкие Роджера свистели').

Нередко активная зона даже не является частью профилируемого объекта, а просто некоторым образом с ним связана, ср.:

I'm in the phone book.
I smell a cat.
She heard the piano.

Подобные предложения представляют серьезную проблему для формальной семантики, поскольку их буквальная интерпретация противоречит здравому смыслу: человек не может находиться внутри телефонной книги, обонять кошку (а не ее запах), слышать само фортепиано (а не его звуки). Выход из положения генеративная грамматика видит в том, чтобы глубинные структуры сохраняли «логику жизни», т. е. представлялись в виде, соответствующем высказыванию *She heard the sound of the piano* ('Она услышала звуки фортепиано'), а при порождении поверхностных структур подчеркнутая часть удалялась в результате применения соответствующего трансформационного правила. Однако, по мнению Лангакера, такое решение не может претендовать на серьезный анализ самого явления [там же: 193–194].

Как указывает Уильям Крофт [Croft 1993: 352], отношение между такими предложениями, как *She heard the sound of the piano* и *She heard the piano*, традиционно рассматривается как пример метонимического сдвига существительного при сохранении неизменным глагольного значения. Лангакер предлагает иную интерпретацию [Langacker 1991a: 194–195]. Он считает, что в данных предложениях глагол *hear* реализует два разных семантических варианта, а именно: в первом случае — взаимодействие между субъектом восприятия и звуком, а во втором — между субъектом восприятия и источником звука (фортепиано) (рис. 16). Эти варианты имеют одинаковую базу, состоящую из источника звука, самого звука и воспринимающего субъекта с его слуховым аппаратом: иными словами, они опираются на общую систему знаний о звуках, их источниках и восприятии звука человеком. Совпадают и активные зоны, подразумеваемые этими высказываниями. Различие сводится к аспекту образности: если траектором в обоих случаях является субъект восприятия, то ориентиром в первом примере выступает звук, а во втором — его источник (фортепиано). Соответственно, различаются и профили данных предикаций.

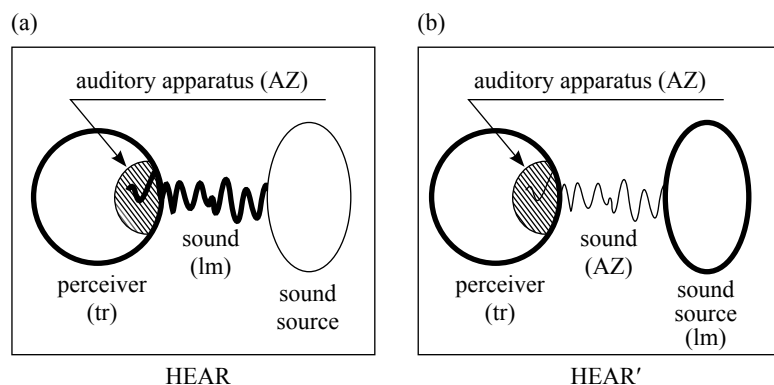

Рис. 16. *Hear* [Langacker 1991a: 195]

Трудно переоценить роль когнитивных точек отсчета в организации ментального опыта человека. Принцип различной выделенности сущностей лежит в основе нашего когнитивного функционирования и, разумеется, не ограничивается сферой языковой обработки, а затрагивает также процессы восприятия, категоризации, сравнения, ср. распределение внимания, прототипы, концептуальную метафору, противопоставление фигуры и фона. Между всеми этими явлениями, изучаемыми обычно по отдельности и описываемыми независимо, в рамках не связанных между собой терминологических систем, Лангакер усматривает некое «дразнящее сходство» [Langacker 1993: 35]. Это позволяет ему высказать предположение, что «языковые и когнитивные механизмы в основе своей обусловлены единой способностью, проявляемой во всех областях и на всех уровнях организации, а именно: динамической эксплуатацией асимметрично выделенных сущностей, служащих для структурирования опыта» [там же: 36].

3. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИСЕМИИ

Проблема полисемии в когнитивной грамматике

Как отмечалось выше, когнитивная грамматика задумана Лангакером как целостная концепция языка, позволяющая объяснить различные аспекты языкового устройства с единых позиций (руководствуясь общими принципами когнитивной органи-

зации) и в единых терминах. Автор показывает, как столь разные языковые феномены, как мотивированность, дейксис, метонимия, соотношения между семантической и синтаксической организацией предложения, темой и ремой, пресуппозицией и ассерцией, различия между существительными и глаголами и т. д., в конечном итоге сводятся к действию одного глобального фактора — асимметрии в когнитивной выделенности фигуры и фона. Как следствие, ставится под вопрос оправданность многих незыблемых в структурализме и генеративизме границ — между языковой и энциклопедической информацией, лексикой и грамматикой, семантикой и прагматикой и др.

К этому разряду относится и граница между полисемией и омонимией. Лангакер и здесь остается верен своему стремлению к когнитивной адекватности, отказываясь проводить черту, отделяющую случаи многозначности от случаев омонимии. Свое решение он аргументирует тем, что явной границы между ними нет, поскольку связь между значениями слова бывает разной степени близости. Даже если она очень слаба, практически неощутима, сам факт единого обозначения, по мнению автора, наталкивает носителей языка на мысль, что данные значения как-то связаны, и они стремятся выявить этот общий семантический признак¹. В такой ситуации любое установление границы было бы произвольным. Поэтому Лангакер предлагает рассматривать омонимию как крайнюю точку на шкале семантической связанности, т. е. как вырожденный случай полисемии, где единственное отношение между смыслами состоит в общности их фонологической реализации [Langacker 1988b: 136–137].

Авторский подход к описанию семантики многозначных слов также определяется общими принципами его когнитивной грамматики. Как и вся концепция языка, трактовка полисемии у Лангакера строится на признании того, что в основе когнитивного функционирования человека лежат его способности к категоризации и схематизации; эти же факторы, по мнению автора, обеспечивают единство семантической структуры многозначного слова. Для ее представления автор предлагает сетевую модель; впрочем, как будет показано ниже, его модель — это не первый и на сегодняшний день далеко не единственный опыт создания подобных конструкторов в рамках когнитивных исследований полисемии.

---

¹ Нередко это становится основой для каламбуров.

Следует подчеркнуть, что обращение когнитивистов к феномену многозначности и способам его описания произошло в условиях, когда вопросы лексической семантики, мягко говоря, не находились в центре внимания зарубежного языкознания. Совершающийся на наших глазах поворот западной лингвистики «лицом» к лексикологии, несомненно, отраден, однако практически полное отсутствие традиций исследования и научных школ не может не сказываться. Отечественный читатель без труда заметит недостаток опыта и профессионализма в том, как когнитивисты анализируют структуру многозначного слова. Вместе с тем, возможно, он будет хотя бы частично вознагражден за свое внимание свежим, непривычным взглядом на хорошо знакомый феномен.

Подходы к полисемии

Прежде чем обсуждать конкретные способы представления полисемии, которые предлагаются в когнитивной лингвистике, стоит обратиться к традиционным ее интерпретациям — ведь именно от них отталкиваются когнитивисты, демонстрируя достоинства своего метода. Как известно, в истории языкознания далеко не все лингвисты признавали возможность наличия у слова нескольких значений. Можно выделить следующие три подхода к проблеме полисемии [Васильев 1975].

А. А. Потебня (чье мнение впоследствии разделял Л. В. Щерба) утверждал, что каждое значение слова — это самостоятельное слово. Фактически такой подход означал снятие проблемы полисемии за счет ее объединения с омонимией¹. Отказ от дифференциации этих феноменов не вызвал широкой поддержки среди языковедов, так что взгляды Потебни и Щербы не имели существенного влияния ни на их современников, ни на последующие поколения исследователей.

Две другие точки зрения, напротив, отчетливо прослеживаются в истории лингвистики и сохраняют свою актуальность по сей день. Несколько огрубляя положение вещей, можно сказать, что в зарубежной лингвистике вплоть до недавнего времени заметно преобладал так называемый «инвариантный» подход к полисемии, отрицающий возможность наличия у слова нескольких значений, в то время как отечественные ученые, за немногими исключениями, признавали лексическую многозначность фактом языка.

---

¹ Примечательно, что Лангакер поступает ровно противоположным образом: он снимает вопрос об омонимии, включая ее в полисемию (см. выше).

Инвариантный подход исторически восходит к теории общих значений (XIX в.), согласно которой внутреннее содержание каждого слова можно представить через одно устойчивое, не зависящее от контекста значение, которое в речи модифицируется, выступая в виде того или иного частного значения. Позднее данная идея была подхвачена структуралистами, так как она оказалась созвучна общей оппозиции инварианта и реализующих его вариантов, выявленной на других уровнях, ср.: *фонема — аллофоны, морфема — алломорфы*. По аналогии с фонемой и морфемой общее значение мыслилось как абстракция, как единица системы языка, реально (в речи) проявляющаяся только в своих вариантах.

С самого своего возникновения теория общих значений вызвала возражения со стороны многих языковедов. Хотя опыт ее применения к грамматическим значениям оказался, по-видимому, достаточно удачным, если судить по неослабевающему интересу к работе [Jakobson 1936], лингвисты в основном настроены скептически по поводу возможностей ее применения в области лексической семантики. Соотнесенность слова с различными реалиями и разными семантическими группами слов (ср. значения прямые, производные, переносные), неоднородность синтагматических возможностей слова в различных контекстах (ср. фразеологически, морфологически, синтаксически связанные значения) — все это делает сомнительным существование у слова общего значения (см., напр., [Шмелев 1964: 83–85]).

Огромное большинство отечественных лингвистов придерживается того мнения, что значения многозначного слова представляют собой единицы языковой системы, существующие независимо от контекста. Иными словами, они признают полисемию фактом языка, а не речи, полагая, что семантическое единство слова заключается «не в наличии у него некоего „общего значения“, как бы подчиняющего себе более частные <...> значения, а в определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком» [Там же: 83].

Позиция исследователя по отношению к полисемии определяет его взгляд на взаимосвязь между значением слова и контекстом, в котором оно употреблено. Если лингвист является сторонником теории общих значений, он вынужден приписывать определяющую роль контексту, так как именно благодаря ему происходит конкретизация общего значения, его превращение в частный позиционный вариант. Если же полисемия «разрешена», то «работа» контекста сводится к отбору нужного в данный момент виртуаль-

ного значения и его актуализации. При этом «специфические значения» оказываются не следствием актуализации (как при инвариантном подходе), а ее предпосылкой [Васильев 1975: 4].

В любом случае речь идет об определенном балансе между значением слова и контекстом. Для отечественной традиции характерно отдавать предпочтение значению слова как элементу языковой системы. Что касается зарубежного языкознания, то в нем центральная роль обычно отводилась контексту, а наличие у слова нескольких значений воспринималось скорее как досадное недоразумение¹. Однако развитие когнитивной лингвистики меняет на наших глазах этот сложившийся приоритет, ср.: «в семантической теории последних лет <...> произошло по крайней мере одно бесспорное позитивное изменение — полисемия стала восприниматься не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественного языка» [Рахилина 2000: 265].

По мнению Г. И. Кустовой, полисемия является одним из основных средств концептуализации нового опыта, ср.: «человек понимает новое, неосвоенное через данное, освоенное и известное, моделирует новые объекты и ситуации с помощью уже имеющихся у него семантических структур, „подводя“ под освоенные модели новые элементы опыта» [Кустова 2004: 23]. Таким образом, полисемия «выступает как механизм оптимизации хранения разных значений и доступа к ним — она позволяет хранить информацию о связанных, с точки зрения человека, явлениях в одной упаковке» [там же].

Способы описания многозначности

Два описанных выше традиционных подхода к проблеме полисемии коррелируют с распространенными способами описания семантики многозначных слов — инвариантным и списочным.

---

¹ Это расхождение во взглядах объясняется разницей в традициях. В то время как в нашей стране на протяжении многих десятилетий активно развивались лексикология и лексическая семантика, обеспечивавшие теоретический фундамент для составления словарей, на Западе соответствующие проблемы фактически не разрабатывались, а лексикографическая практика обычно была отделена от научных исследований. Западные лингвисты (не лексикографы!) впервые всерьез столкнулись с проблемой полисемии в связи с попытками создания автоматических моделей обработки языка. Они стали решать ее через описание сочетаемости слова, а не через формулировку его значений, т. е. переложив центр тяжести на контекст.

Недостатки обоих хорошо известны. Если первый абсолютизирует идею моносемии каждой языковой единицы, вынуждая оперировать с абстрактными и лишенными объяснительной силы инвариантами, то второй (традиционно реализуемый в толковых и переводных словарях) навязывает искусственное разбиение целостной семантики слова на дискретные значения, оттенки и т. д. и их линейное упорядочение. Как справедливо отмечает Е. В. Рахилина, списочный подход, помимо прочего, вызывает вопросы когнитивного порядка, например: каким образом человек ориентируется в этом множестве? Далее: если ресурсы человеческой памяти так велики, почему все это разнообразие смыслов покрывается одной единицей, иными словами, почему словарь языка организован с помощью отношений полисемии, когда гораздо удобнее было бы для каждого смысла иметь свой способ выражения [Рахилина 1998а: 297–298]?

В качестве альтернативного способа описания многозначности, позволяющего преодолеть недостатки традиционных методов, когнитивисты предлагают семантическую сеть¹. Сетевые модели, с одной стороны, допускают наличие у слова более чем одного значения, с другой — не требуют их линейного выстраивания, давая возможность адекватно представить случаи радиальной и цепочно-радиальной полисемии. Более того, предлагаемые когнитивистами сетевые конструкты дают возможность эксплицитно отразить степень когнитивной выделенности значений, их близость/удаленность от центра, типы и силу связей между значениями и т. д. и таким образом приблизиться к психологической реальности, что недостижимо в рамках инвариантного и списочного подходов.

Первые опыты построения когнитивных моделей полисемии

Магистерские диссертации Клаудии Бругман (1981) и Сьюзан Линднер (1981) считаются пионерскими работами в области когнитивного анализа семантики многозначных слов и ее соответствующего описания посредством сетевых моделей.

---

¹ Заметим, что попытки моделировать семантическую структуру многозначных слов при помощи семантических сетей предпринимались уже достаточно давно и независимо от когнитивных исследований языка (ср. знаменитый проект *WordNet*); когнитивная лингвистика лишь переосмыслила старое понятие.

Диссертация К. Бругман под названием «*Story of Over*» посвящена семантике английского слова *over*, которое может выступать в качестве наречия, предлога, приставки, частицы фразового глагола (пересказ данной работы содержится в [Lakoff 1987: 416–461]). Проанализировав разнообразные случаи употребления этого слова в различных грамматических функциях, автор выделила у него около 100 значений¹. Каждый из них она описала в терминах отношений между траектором и ориентиром и проиллюстрировала соответствующей схемой. Связи между значениями трактовались с точки зрения трансформаций схем, а именно изменений топологических характеристик траектора или ориентира либо метафорических проекций. Непосредственно связанные между собой схемы объединялись в более крупные блоки, чтобы в итоге соединиться в одну сетевую модель, наглядно демонстрирующую взаимосвязи между отдельными значениями слова (рис. 17).

Схожим образом С. Линднер осуществила семантический анализ частиц фразовых глаголов *up* и *out* на материале 1800 контекстов. Вскоре последовали и другие работы, посвященные семантике предлогов и префиксов в разных языках, в частности диссертации Б. Хокинса, К. Ванделуаза, Л. Янды².

Эти исследования, выполненные в первой половине 1980-х гг., имели большое значение для когнитивной лингвистики, находившейся тогда на начальном этапе становления. Они очевидным образом выявили недостатки традиционных подходов к полисемии — ведь для любого предлога или частицы наличие десятка (а то и нескольких десятков) значений является нормой. Было показано, что степень нерегулярности и произвольности в области лексической семантики значительно преувеличивалась предшествующими поколениями западных лингвистов [там же: 460]. К заслугам авторов можно отнести и сам факт обращения к значениям предлогов и приставок, предвосхитивший современный

---

¹ Термин *значение* следует понимать широко, поскольку зарубежным исследователям в целом не свойственно разграничивать понятия значения, оттенка и употребления. Авторы сетевых моделей обычно стремятся обойти стороной этот существенный, но слабо разработанный в зарубежной лингвистике вопрос, употребляя словосочетание *узлы сети*. В связи с этим О. Н. Селиверстова отмечает, что в «исключительно детальной и по-своему блестящей» работе Бругман устанавливаются в основном денотативные типы, а не значения слова *over* [Селиверстова 2002: 19].

² Особо отмечу диссертацию Янды, поскольку она посвящена семантике русских глагольных приставок *за-*, *пере-*, *до-* и *от-*; представление о ней можно составить по публикациям [Janda 1986; 1988]. Из отечественных исследований, выполненных по схожей методике, можно упомянуть анализ предлогов *через* и *сквозь* в [Рахилина 2000: 269–283], а также работу [Гилярова 2001].

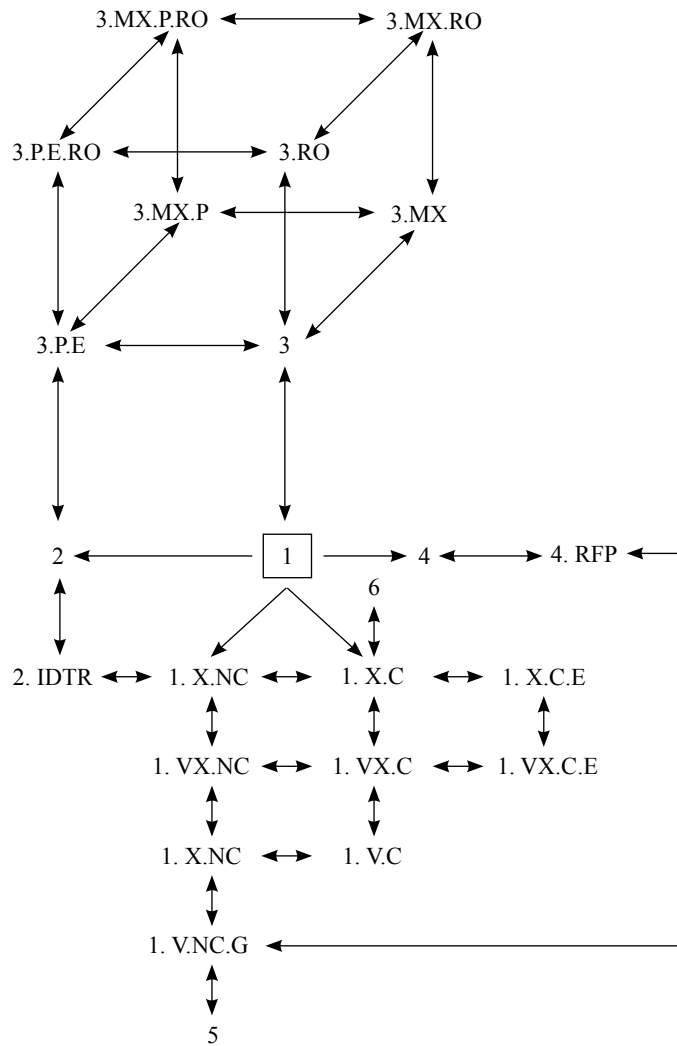

Рис. 17. Сетевая модель для слова *over* [Lakoff 1987: 436].

интерес к тому, как в языке отражаются пространственные отношения, какие топологические свойства объектов оказываются для него релевантными (см. гл. VI.2).

Сетевая модель П. Норвига и Дж. Лакоффа

Работа Питера Норвига и Джорджа Лакоффа [Norvig, Lakoff 1987] продолжила исследование лексической полисемии и способов ее описания посредством семантических сетей. Авторы исходили из того, что значения многозначного слова не являются случайным набором смыслов: они взаимосвязаны, и наилучшим способом отражения этих связей является сетевая модель. В узлах модели помещаются значения слова, причем, согласно выдвинутому авторами «требованию минимальных вариантов», соседние узлы могут отличаться друг от друга только одним параметром. В работе приводится следующий пробный список этих параметров (иначе говоря — типов связей между значениями):

- 1) трансформация образной схемы;
- 2) метафора;
- 3) метонимия;
- 4) добавление фрейма;
- 5) расщепление семантической роли;
- 6) сдвиг профиля.

Для апробации своих идей Норvig и Лакофф выбрали высокочастотный английский глагол *take* с присущей ему разветвленной полисемией. Анализ употреблений данного глагола и формулировка его значений производились в терминах набора семантических ролей, включающего агенса, источника, получателя, пациенс (=объект), инструмент, начальную точку, конечную точку. При выделении значений и построении сети (рис. 18) учитывались не только обозначаемое глаголом событие, но и его условия, ограничения, результат, последствия.

Норvig и Лакофф выделили у глагола *take* следующие значения:

take 1 = grab ('схватить'):

The baby took the toy from his mother.

The baby took the toy from the table.

take 2 = *take Patient to Recipient* ('отнести/отвезти объект получателю'):

The messenger took the book to Mary.

Отличие от *take 1* состоит в том, что агенс не совпадает с получателем: произошло расщепление семантической роли.

take 3 = *take Patient to Destination* ('отнести/отвезти объект в конечную точку'):

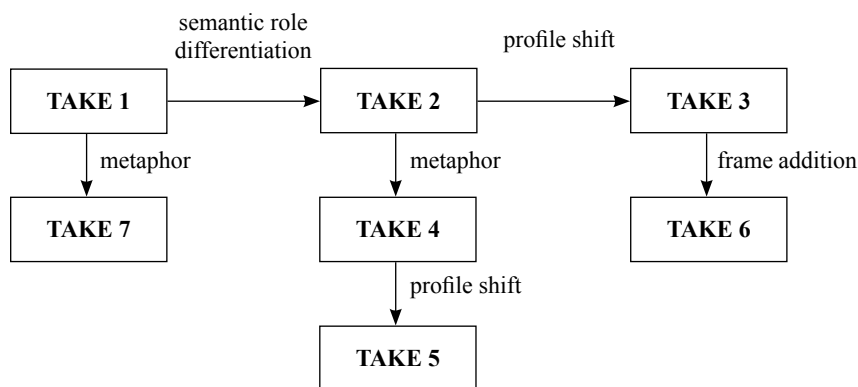

Рис. 18. Сетевая модель для слова *take* [Norvig, Lakoff 1987]

I took the book home.
Take a cookie with you.

Отличие от *take 2* заключается в сдвиге профиля с получателя на конечную точку.

take 4 = *take action at Patient* ('совершить физический акт, направленный на пациента');

I took a punch at him.

take 4 является результатом метафорической проекции от *take 2*. В терминах семантических ролей имеют место следующие отображения:

агнс → агнс;
 объект → быстрый насильственный акт;
 получатель → пациент.

take 5 = *take action from Agent* ('подвергнуться физическому акту со стороны агенса');

I took a punch from him.

Отличие от *take 4* состоит в сдвиге профиля (от агенса к получателю), соответственно, получатель выражен подлежащим.

take 6: take to the movies
John took Mary to the restaurant.

Отличие от *take3* состоит в том, что на место конечной точки подставляется фрейм (похода в ресторан, в кино и т. д.).

take 7: take a glance at

take 7 связан с *take 1* концептуальной метафорой PERCEIVING IS RECEIVING (ВОСПРИНИМАТЬ — ЭТО ПОЛУЧАТЬ). В терминах семантических ролей имеют место следующие отображения:

объект → перцепт (объект восприятия);

агенса/получателя → наблюдатель;

инструмент → орган чувств (глаза).

Сетевая модель Р. Лангакера

Лангакер предлагает собственный вариант сетевой модели, представляющей собой «синтез теории прототипов и категоризации на основе схем» [Langacker 1991a: 266]. Автор рассматривает семантику многозначного слова как категорию, членами которой выступают отдельные значения данного слова. Между значениями (узлами модели) допускаются два вида отношений, а именно отношение схематизации (*schematicity*) и отношение расширения значения (*extension*). Первое из них имеет место между «схемой» и ее конкретной реализацией; в более привычной терминологии речь идет о родо-видовом отношении между значениями. Второе предполагает сдвиг от прототипа категории («локального» или «глобального») к более периферийному члену, возможный благодаря определенному сходству между ними; при этом допускается ослабление некоторых свойств исходного значения и появление новых. Отношение расширения значения охватывает, в частности, явления метафорического и метонимического переноса [Langacker 1988b: 134; Taylor 1995: 16].

Подход Лангакера иллюстрируется сетевой моделью, посвященной английскому существительному *ring* (рис. 19). Отношением схематизации в ней связаны значение ‘circular entity’ (‘круглая сущность’) со значениями ‘circular mark’ (‘рисунок, отметина в виде круга’) и ‘circular object’ (‘круглый предмет’), а последнее, в свою очередь, — со значением ‘circular piece of jewelry’ (‘кольцо (ювелирное изделие)'). Отношения расширения значения имеют место, в частности, между значением ‘circular entity’ или ‘circular object’ и значением ‘arena’ (‘арена, ринг’): здесь подразумевается

возможность отступления от требования круглой формы (как известно, боксерский ринг является прямоугольным). Другой пример этого типа отношений — связь между значением ‘circular entity’ и переносным значением ‘group of people operating together clandestinely’ (‘подпольная группа’). Наконец, расширение значения можно усмотреть в отношении, связывающем значения ‘circular object’ и ‘circular mark’.

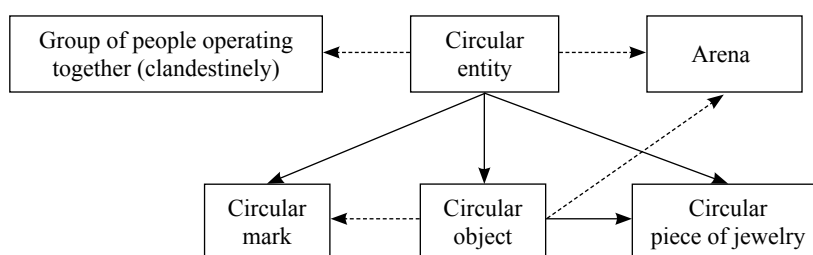

Рис. 19. Сетевая модель для слова *ring* [Langacker 1991a: 3]

Особенности сетевой модели Лангакера определяются его стремлением отразить, как знание о семантике многозначного слова представлено в голове человека. Это обуславливает и набор значений, отражающих, по мнению автора, общепринятый диапазон употреблений данного слова, и кажущуюся (с логической точки зрения) избыточность связей, и допущение о том, что их прочность и близость может варьировать, и неравноправие узлов с точки зрения степени их закрепленности (*entrenchment*) и когнитивной выделенности (*salience*). Наиболее выделенный узел — это прототип всей категории; в данном случае им является значение ‘circular object’ [Langacker 1991a: 51].

Разные узлы в модели Лангакера характеризуются различной степенью обобщенности, но автор затрудняется определить, как далеко «вверх» (до какого уровня обобщения) и «вниз» (до какого уровня конкретизации) простирается подобная сетевая модель в сознании носителей языка, тем более что вообще ее конфигурация, очевидно, различается у разных людей в зависимости от их опыта, фоновых знаний и способности к категоризации. Это, впрочем, не мешает успешной коммуникации при условии, что достаточное число узлов «индивидуальных» моделей совпадает [Langacker 1988c: 52].

Будучи противником инвариантного подхода к полисемии, Лангакер указывает на невозможность сведения всех значений многозначного слова к одному-единственному узлу, будь то прототип или некая «схема высшего порядка» (*superschema*): с когнитивной точки зрения это маловероятно. Едва ли можно выделить прототипическое значение у всех без исключения лексических единиц; еще менее вероятно звучит предположение о том, что носители языка оперируют абстрактной «суперсхемой», содержащей все значения слова в виде своих потенциальных модификаций. Кроме того, ни прототип, ни суперсхема не позволяют предвидеть, какие именно значения того или иного слова (из всех теоретически возможных) получают закрепление в языке, ибо конвенциональное употребление лексических единиц нельзя точно предсказать, его можно только выучить. Семантика слова определяется всей сетью значений и отношений между ними и в принципе не сводима к какому бы то ни было одному узлу [там же: 52–53].

Критика когнитивных моделей полисемии

Разнообразие предлагаемых в когнитивной лингвистике семантических сетей для представления полисемии может служить частным подтверждением разобщенности, разрозненности когнитивных исследований языка, отсутствия у них единой программы, методологии и терминологии. Редко встречаются и попытки провести параллели между содержательно близкими работами, сопоставить их, выявить неясные, сомнительные и противоречивые моменты. Приятным исключением из этого правила являются работы [Sandra, Rice 1995; Rice 1996; Rice, Sandra, Vanrespaille 1999], посвященные критическому обзору заявленных в литературе когнитивных моделей полисемии.

Сравнивая различные модели, авторы отмечают существенные различия в том, что касается их общей конфигурации, природы узлов и характера связей между ними. Так, Лакоффа прежде всего интересуют возможные отношения между узлами, но он никак не комментирует, что представляют собой сами узлы и как они выделяются. Лангакер пытается соотнести узлы своей модели с некими «закрепленными смыслами» (*established senses*), однако они оказываются весьма неоднородными с точки зрения степени обобщенности: весьма абстрактные и общие «смыслы» соседствуют с узкоспециальными. Лангакер различает всего два типа

связей между узлами — вертикальные (отношения схематизации) и горизонтальные (отношения расширения значения), — но, в отличие от Лакоффа, допускает, что в узел может входить более одной стрелки.

Получается, что построение сетевой модели — дело субъективное, зависящее от индивидуальных способностей и предпочтений лингвиста, причем эта субъективность редко признается. Вследствие этого читатель остается в недоумении, что призвана отразить соответствующая модель. Идет ли речь о логической или исторической организации смысловых единиц, выражаемых данным словом, или имеется в виду «отпечаток» соответствующего участка понятийной системы в сознании носителя языка? Другими словами, это сущность языковая или психологическая¹? [Rice 1996: 138].

Помимо этого глобального вопроса, остаются неясными многие аспекты архитектуры сети, в частности [там же: 142–144]:

1. Территория. Какую «территорию» покрывает сеть и где ее границы. Могут ли модели разных лексических единиц пересекаться²?
2. Внутреннее строение. Из каких типов элементов состоит сеть: узлы? связи? области? Можно ли их определить и как?
3. Соответствие. Чему соответствуют узлы и связи в сети: абстрактным смыслам или типовым употреблениям? Что есть «закрепленный смысл» в понимании Лангакера?
4. Число и плотность элементов. Из скольких элементов состоит сеть и какова их плотность? Могут ли различные участки сети различаться по плотности?
5. Организация элементов в сети. Существует ли единый центр, вокруг которого группируются элементы, или таких центров может быть несколько? Могут ли элементы образовывать кластеры? Как определяется расстояние между узлами?
6. Эволюция сети. Если различное расстояние между элементами отражает степень их семантической близости, могут ли элементы с течением времени перемещаться друг относительно

---

¹ Заметим, что Лангакер в своих трудах достаточно ясно дает понять, что его главное стремление связано с отражением психологической реальности. В то же время анализ Норвига и Лакоффа, а также многочисленные сетевые модели, посвященные семантике предлогов, скорее, оставляют впечатление подготовительной лексикографической работы или отдельных штудий в области лексической семантики.

² Наличие синонимии в языке как будто свидетельствует в пользу этого.

друга, сближаться или, наоборот, расходиться? Как появляются новые узлы и связи? Могут ли они исчезать? Какие значения или употребления имеют преимущества с точки зрения усвоения? Какие более других подвержены выходу из употребления?

7. Природа центрального узла (который в том или ином виде подразумевается в каждой сетевой модели). Является ли он схемой [Jackendoff 1990], неким «идеальным» значением [Herskovits 1988] или прототипом категории (как у Лангакера)? Каковы функции этого узла? Существуют ли модели с несколькими центральными узлами (к примеру, Лангакер упоминает о глобальном и локальном прототипах)?

Своеобразный итог этим рассуждениям подводит вопрос о том, чем, собственно, являются разработанные сетевые модели полисемии: описанием (языковой или психологической) реальности или ее изобретением [там же: 143]?

Рассмотренные в данной главе подходы к проблеме полисемии принадлежат к так называемому семасиологическому аспекту лексической семантики (от слова к понятию). Ниже, в гл. VI.2, внимание будет уделено когнитивной интерпретации противоположного, ономазиологического (от понятия к слову), аспекта. В совокупности с главой, посвященной вопросам диахронической семантики (гл. II.3), это должно дать читателю общее представление о специфике лексико-семантических исследований в рамках когнитивной лингвистики.

Глава V

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И ИХ ИНТЕГРАЦИЯ

1. ТЕОРИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Понятие ментального пространства

Книга Жилия Фоконье «Ментальные пространства» [Fauconnier 1994] (первое издание — 1985) принадлежит к тем публикациям (наряду с [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987; Langacker 1987a; 1991b и др.]), которые сыграли решающую роль в становлении когнитивной лингвистики и определили ее основные темы и направления исследования. Подобно Дж. Лакоффу и Р. Лангакеру, Фоконье открыто отмежевывается от объективистских теорий значения и декларирует свою приверженность когнитивному подходу в семантике, основывающемуся на идее о неразрывной связи языка и когниции, ср.: «Хотя язык несомненно имеет свою собственную структуру, он существенным образом связан с другими когнитивно обусловленными структурами, и именно эти связи определяют основные свойства его организации» [Fauconnier 1990: 151].

Человек наивно полагает, что значение передается при помощи слов: мы *говорим то, что думаем по тому или иному поводу, вкладываем смысл в слова* и т. д. На самом деле, как замечает Фоконье, помимо слов, образующих доступную наблюдению «верхушку айсберга», в высказывании имплицитно присутствуют огромные массивы информации, необходимые для понимания его содержания. Сам человек не осознает, как именно идет процесс извлечения смысла, — подобно тому, как он не отдает себе отчета в химических реакциях, протекающих у него в мозгу [Fauconnier 1994: xviii].

Согласно Фоконье, язык не передает значение, а направляет его построение [там же: xxii]. Понимание высказывания оказывается возможным благодаря тому, что языковые выражения выполняют функцию своеобразных инструкций, в соответствии с которыми слушающий осуществляет мысленное конструирование смысла¹. В качестве теоретического конструкта, призванного отразить то, что происходит «за кадром», что составляет когнитивный фон повседневного общения и рассуждения, автор предлагает «ментальные пространства».

Формально ментальные пространства определяются как упорядоченные множества с элементами ($a, b, c...$) и отношениями между ними ($R_1ab, R_2ad, R_3cbf...$), открытые для пополнения их соответственно новыми элементами и отношениями [Fauconnier 1994: 16].

В содержательном аспекте ментальные пространства представляют собой модели ситуаций (реальных или гипотетических) в том виде, как они осмысливаются человеком. Примеры ментальных пространств включают [Lakoff 1987: 281]:

- текущее положение вещей (как мы его понимаем),
- гипотетические ситуации,
- ситуации, относящиеся к прошлому и будущему (как мы их понимаем или воображаем),
- вымышленные ситуации (например, живописные и кинематографические сюжеты),
- предметные области (такие как экономика, политика, математика и др.).

Принципы построения ментальных пространств и определенных над ними операции достаточно просты и, по-видимому, едины для всех языков и культур [Fauconnier 1994: xvii–xviii].

Итак, языку в концепции Фоконье отводится роль не только объекта интерпретации — по отношению к действительному или возможному миру, контексту, ситуации и пр., — но и конструктивного начала, создающего ментальные пространства, «населяющего» их элементами и задающего отношения между элементами и между пространствами. Успех человеческого общения зависит от степени схожести построенных собеседниками пространственных конфигураций. Эта схожесть определяется не только лингвистическим аспектом понимания, так как, помимо языковых

---

¹ Заметим, что, в отличие от Лангакера, сосредоточенного на способах интерпретации ситуации говорящим при построении высказывания, Фоконье больше интересуется ролью слушающего в процессе коммуникации.

выражений, на построение ментальных пространств влияют многочисленные экстралингвистические факторы (фоновые знания, доступные схемы, прагматическая информация, ожидания и т. д.) [там же: 2].

Тем самым автор, как и все когнитивисты, отвергает идею о существовании прямой, непосредственной, связи между языком и миром (реальным или воображаемым) и, как следствие, отрицает возможность адекватного описания значения в рамках объективистской семантики, основанной на критериях истинности. Для Фоконье связь между языком и миром всегда опосредована человеческим мышлением, ибо то, что мы привычно именуем «действительностью», на самом деле является мысленным представлением говорящего о действительности¹ [там же: 15].

В процессе коммуникации слушающий, «двигаясь» от языка к миру, участвует в конструировании смысла на некоем когнитивном уровне (рис. 20), отличном как от уровня языковых структур, так и от моделей мира (действительного или возможного). Автор подчеркивает, что продукт этого конструирования — ментальные пространства — не является ни способом представления языкового значения, ни отражением действительности. В его понимании ментальные пространства — это модели дискурсивного понимания, которые создаются, уточняются и претерпевают постоянные изменения по ходу коммуникации с присущей им высокой гибкостью. При этом внутренняя стройность и непротиворечивость ментальных пространств могут то и дело нарушаться, что в целом соответствует специфике человеческого общения. Тем самым ментальные пространства претендуют на когнитивно адекватную модель речевого восприятия [Fauconnier 1990: 152–153].

Принципиальное различие между тем, как процесс речевого понимания рассматривается в концепции Фоконье и в формально-семантических теориях, видно из сравнения схем (1) и (2) соответственно (см. рис. 20):

---

¹ Ср. мысль Ю. К. Лекомцева о необходимости различать при анализе содержания высказывания реальную ситуацию и ее отражение в сознании: «Термин „ситуация“ мы будем употреблять <...> в отношении психической ситуации, размещенной в психическом пространстве и психическом времени. В том случае, когда речь пойдет о реальной ситуации, мы будем употреблять термин „протоситуация“» [Лекомцев 1973: 446].

«Если два объекта a и b связаны между собой прагматической функцией $F (b = F (a))$, то дескрипция объекта a , D_a , может быть использована для идентификации объекта b » [там же: 3].

Примером коннектора может служить отношение, связывающее реальную девочку с ее изображением на картине (см. выше). Другая разновидность коннекторов — метонимическая связь между автором и его сочинениями, позволяющая осуществлять высказывания типа *Plato is on the top shelf* ('Платон стоит на верхней полке'), подразумевая под *Платоном* сборник(и) его сочинений. В целом, как отмечает Фоконье, коннекторы обусловлены социально-культурными и психологическими факторами, а потому могут различаться в разных социальных группах, у разных людей и в разных контекстах [там же: 10].

Понятия прагматической функции, коннектора (ее конкретной реализации) и принципа идентификации восходят к глубокой и содержательной работе [Nunberg 1979], посвященной проблемам референции и полисемии. Переосмысляя эти понятия в свете когнитивных исследований, Фоконье выдвигает предположение, что коннекторы составляют часть идеализированных когнитивных моделей, описанных в [Lakoff 1987].

Роль языковых средств в построении ментальных пространств

Согласно Фоконье, процесс коммуникации предполагает постоянное конструирование на когнитивном уровне: добавление новых ментальных пространств и новых элементов в уже существующие пространства, их внутреннюю организацию, обеспечение связей между элементами и пространствами т. д. Каждое новое высказывание опирается на конфигурацию, построенную на основе предшествующего дискурса и прагматического контекста, и, в свою очередь, передает информацию об изменениях, которые требуется в нее (конфигурацию) внести.

Различные языковые средства заключают в себе разные типы информации, касающиеся ментального конструирования, в том числе [Fauconnier 1994: xxiii]:

- 1) информацию о создании новых пространств (обычно выражается так называемыми «конструкторами пространств» (*space builders*));
- 2) указания на то, какое пространство находится в данный момент в фокусе внимания, как оно связано с фоном и

- насколько доступно (обычно выражается показателями грамматического времени и наклонения);
- 3) описания, вводящие в пространства новые элементы;
  - 4) описания, анафорические слова и имена, отсылающие к уже существующим в пространстве элементам;
  - 5) синтаксическую информацию, создающую обобщенные схемы и фреймы;
  - 6) лексическую информацию, связывающую элементы ментального пространства с фреймами и когнитивными моделями, относящимися к массиву фоновых знаний;
  - 7) показатели пресуппозиции, обеспечивающие «тиражирование» части ментального пространства;
  - 8) прагматическую и риторическую информацию (передается словами типа *even* ('даже'), *but* ('но'), *already* ('уже'), задающими определенные ориентиры для рассуждения и аргументации).

Приведенный Фоконье перечень не претендует на полноту и детальную проработку. Вслед за автором остановимся вкратце на некоторых типах информации и средствах ее выражения.

К конструктам пространств Фоконье относит выражения, порождающие новые пространства или содержащие отсылку к старым, созданным в ходе предшествующего дискурса. Это могут быть наречия, вводные слова, обстоятельственные конструкции с предлогом (*в 1929 г., в канадском футболе* и т. п), союзы (*если... то, или... или*), сочетания подлежащего и сказуемого (например, *Макс думает, что...; Мэри надеется, что...*). Создаваемое ментальное пространство может относиться к определенной эпохе, стране, предметной области, фильму, мыслям и чувствам человека и т. д.

Общее правило, касающееся создания пространств, формулируется так [там же: 17]:

«Пространство M , создаваемое конструктом пространства SB_m , должно быть вписано в некоторое уже существующее пространство M' — так называемое пространство-родитель (*parent space*)».

Так, в предложении *Max believes that in the picture, the flowers are red* ('Макс полагает, что на картине цветы красные') пространство-родитель выражено оборотом *Макс полагает*. В него помещается другое пространство, вводимое обстоятельственной конструкцией *на картине*. В общем случае информация о пространстве-родителе содержится в дискурсе, предшествующем высказыванию [там же].

Глагол *believe* ('считать, полагать, верить') Фоконье относит к глаголам, способным создавать новые ментальные пространства;

сюда же он включает *paint* ('рисовать'), *prevent* ('предотвращать'), *look for* ('искать'), *wish* ('желать') и др. В целом, их немного. Большинство же глаголов служат для задания отношений внутри пространств. Примечательно, что глагол *be* ('быть') может использоваться в обеих функциях, ср. [там же: 143–146]:

1. Для связи между пространствами:

In that movie, Cleopatra is Liz Taylor (букв. 'В этом фильме Клеопатра — это Лиз Тейлор').

Life is love ('Жизнь — это любовь').

2. Для связи внутри пространства (связь функции и значения):

Max is my brother ('Макс — мой брат').

The winner is John Doe ('Победителем стал Джон Доу').

Роль глагола в динамическом развертывании дискурса, однако, не ограничивается вышесказанным. Ссылаясь на [Dinsmore 1991], Фоконье отмечает, что грамматическая форма глагола (а именно показатели времени и наклонения) несет важную информацию о том, какое пространство находится в фокусе внимания, какое служит фоном и как это меняется по ходу разговора. Тем самым глагольная словоформа — наряду с конструктами пространств, анафорическими словами и некоторыми другими типами выражений — помогает собеседникам следить за множеством создаваемых пространств и связей между ними, не теряя из виду текущего момента дискурса. В качестве иллюстрации Фоконье предлагает сравнить два предложения на французском языке, в которых согласительное и изъявительное наклонения глагола в определительном придаточном предложении сигнализируют соответственно о пространстве желаемом и действительном [Fauconnier 1994: 33]:

Marie veut que Gudule mette une robe qui soit jolie (букв. 'Мария хочет, чтобы Гудуль надела платье, которое было бы красивым').

Marie veut que Gudule mette une robe qui est jolie (букв. 'Мария хочет, чтобы Гудуль надела платье, которое красивое').

Грамматическая форма глагола также служит для организации временного плана повествования — за счет согласования времен глаголов в главном и придаточном предложениях [там же].

Касаясь вопроса о механизмах введения в пространство новых элементов, Фоконье отмечает, что простейшим из них является неопределенный артикль [там же: 19]. Роль определенного артик-

ля в организации ментальных пространств не столь однозначна, что иллюстрируется следующими примерами неоднозначных предложений, ср.:

The president changes every 7 years ('Президент меняется каждые 7 лет'),

The food here is worse and worse ('Пища здесь становится все хуже'),

где именные группы *the president* ('президент') и *the food* ('пища') могут быть истолкованы как относящиеся либо к одному и тому же объекту, либо к одной и той же функции. (При этом функции, как и объекты, тоже являются элементами ментальных пространств.)

О когнитивном статусе ментальных пространств

Во избежание недоразумений Фоконье в своих работах неоднократно подчеркивал, что ментальные пространства не являются отражением действительности или какого-либо из возможных миров. Ментальные пространства воплощают в себе образ того, как мы думаем и говорим о тех или иных вещах, но при этом не заключают в себе никакой информации о самих этих вещах. С особой очевидностью это проявляется в метафорах: независимо от наших познаний в физике нам удобно в повседневной жизни говорить (возможно, что и думать тоже): *Солнце встает, садится, движется по небосклону и т. д.*¹ [там же: 152].

Когнитивную природу ментальных пространств акцентирует и Дж. Лакофф. Отмечая аспекты внешнего сходства концепции Фоконье с теорией возможных миров и ситуативной семантикой, он указывает, что в своей основе эти подходы кардинально различны. Ментальные пространства не имеют онтологического статуса вне человеческого мозга, поэтому в принципе невозможны в объективистских теориях значения, напрямую связывающих язык и действительность. Зато они могут быть полезны при построении семантической теории, основанной на принципах эмпирического реализма [Lakoff 1987: 282].

---

¹ Можно также вспомнить противоречащее современной научной картине мира, но сохраняющееся в обиходно-бытовом сознании представление о неделимости атома (*до мельчайшего атома, атомизм восприятия, атомистическая концепция*) [Телия 1988: 175].

Высокий объяснительный потенциал теории ментальных пространств отмечался многими исследователями. Так, И. Свитсер [Sweetser 1990] было высказано пожелание по ее применению не только к проблемам референции, но и к описанию полисемии, не ограничиваясь при этом уже основательно разработанной в когнитивной лингвистике темой метафорических переносов. Сборник статей [Fauconnier, Sweetser 1996] еще более расширил представления о возможных приложениях концепции Фоконье.

Сам автор не ставил своей целью разрешить сложные философские проблемы, связанные с вопросами референции и истины. Основную свою заслугу он видит в том, что благодаря анализу самого разнообразного языкового материала (пресуппозиций, предложений с ирреальным условием, придаточных предложений, вводимых союзом *when* и пр.) ему удалось пересмотреть старые проблемы, отвергнуть прежние способы их постановки и заменить их новыми [Fauconnier 1994: 152–159].

Высоко оценивая теорию Фоконье, Дж. Динсмор видит ее значение «в том, что в ней выявляется роль когнитивных факторов, прежде всего принципов организации знания и процедурных стратегий семантической интерпретации, в той области, которую часто неточно называют „логикой“ естественного языка» [Динсмор 1995: 358]. И далее: «...почти нет работ (книга Джонсон-Лэрда [Johnson-Laird 1983] является заметным исключением), в которых признается важность этих факторов для семантической интерпретации структур более низкого уровня, таких как кванторы и модальности. В соответствии с этим данные проблемы исследуются главным образом на основе семантических идей формальной логики и безотносительно к самому процессу познания, так что язык рассматривается как чисто формальная система. Работа Фоконье, так же как и работа Джонсон-Лэрда, радикальным образом отходит от этой традиции. При этом следует отметить, что Фоконье дает более простое и убедительное объяснение этих проблем» [там же].

2. ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Теория концептуальной интеграции — совместное детище Жюльена Фоконье и американского литературоведа, специалиста по когнитивной поэтике и риторике Марка Тернера¹ — продолжает

---

¹ Эти области научных интересов Тернера нашли отражение в [Turner 1987; 1991; Lakoff, Turner 1989].

развивать идеи ментальных пространств. По признанию авторов, работа над ней началась в 1993 г., и с тех пор теория неоднократно претерпевала изменения, расширялась, применялась ко все новому материалу. Динамику ее развития можно проследить по многочисленным публикациям Фоконье и Тернера (личным и совместным) за последние десять лет.

Понятия концептуальной интеграции и бленда

Концептуальную интеграцию авторы считают одной из базовых когнитивных способностей человека, наряду с аналогией, рекурсией, ментальным моделированием, категоризацией, подведением объекта или ситуации под готовую схему (*framing*) и другими аспектами так называемой «фоновой когниции» (*backstage cognition*)¹. Она играет важную роль в умственной деятельности человека: рассуждении, умозаключении, принятии решения, выборе, оценке и изобретении. Концептуальную интеграцию отличают динамизм, гибкость и высокий уровень сложности. Вместе с тем это вполне рутинная когнитивная операция, которая в силу своей распространенности, привычности редко осознается человеком и затрудняет изучение способа ее действия.

Концептуальная интеграция определяется как разновидность отображений, или проекций, между понятийными областями [Fauconnier, Turner 1998]². Ее суть заключается в том, что структуры исходных (*input*) ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое, ментальное пространство — так называемый *бленд*³. Бленд не тождествен ни одному из исходных пространств и не является простой суммой их элементов, а представляет собой новое ментальное пространство со своим значением; в этом он подобен ребенку, который наследует от родителей определенные черты, но развивает собственную идентичность. Бленд представляет собой целостный, компактный, легко запоминаемый конструкт, которым удобно оперировать как единым целым.

¹ Термин, введенный Ж. Фоконье [Fauconnier 1994].

² Здесь и далее в ссылках отсутствуют страницы, так как материалы были взяты из Интернета (с сайтов Фоконье и Тернера), однако в настоящее время некоторые из них «поменяли прописку», другие удалены.

³ В рамках теории концептуальной интеграции английское слово *blend* можно перевести как 'пространство-гибрид'. Для краткости я буду, однако, пользоваться транслитерацией.

Простейшим примером концептуальной интеграции может служить «вписывание» объекта или ситуации в существующий фрейм. Именно это имеет место, например, когда мы думаем или рассуждаем о *Жаке Шираке* как *президенте Франции*. С одной стороны, у нас есть атрибуты конкретной ситуации (*Жак Ширак, Франция*), с другой — конвенциональный фрейм *президент страны*. Это исходные пространства. В процессе концептуальной интеграции происходит связывание соответствующих элементов этих исходных пространств (*Ширак — президент, Франция — страна*) и их отображение в бленд. В бленде возникает новая структура, которой не было ни в одном из исходных пространств — *президент Франции*. Это достаточно простой и схематичный бленд. Такие бленды легко становятся новыми конвенциональными фреймами, к которым концептуальная интеграция может применяться повторно, порождая уже более сложные бленды типа *секретарь президента Франции* и т. д. [Turner 2000]. Подобная рекурсивность составляет одно из важных свойств концептуальной интеграции (см. ниже).

Свойства концептуальной интеграции. Этапы построения бленда

Одним из ярких проявлений концептуальной интеграции является так называемое контрфактивное рассуждение (*counterfactual reasoning*), построенное по принципу «что было бы, если бы». В таких суждениях ни посылка, ни следствие не имели места в действительности и речь идет исключительно о воображаемой ситуации, которой не суждено сбыться¹.

Контрфактивные рассуждения играют огромную роль в общественных науках (прежде всего в истории, социологии, политологии). Хотя и принято говорить, что история не терпит сослагательного наклонения, но влияние тех или иных событий и людей на судьбы народов невозможно адекватно оценить, не взвешивая мысленно альтернативные варианты и сценарии. Как отмечает Тернер, в общественных науках, по-видимому, не существует такого причинно-следственного вывода, который не опирался бы (в явном или скрытом виде) на контрфактивное рассуждение.

---

¹ Попытки анализа контрфактивных предложений в терминах проекций между ментальными пространствами предпринимались еще ранее в [Fauconnier 1985; 1990]. См. также [Dancygier, Sweetser 2005].

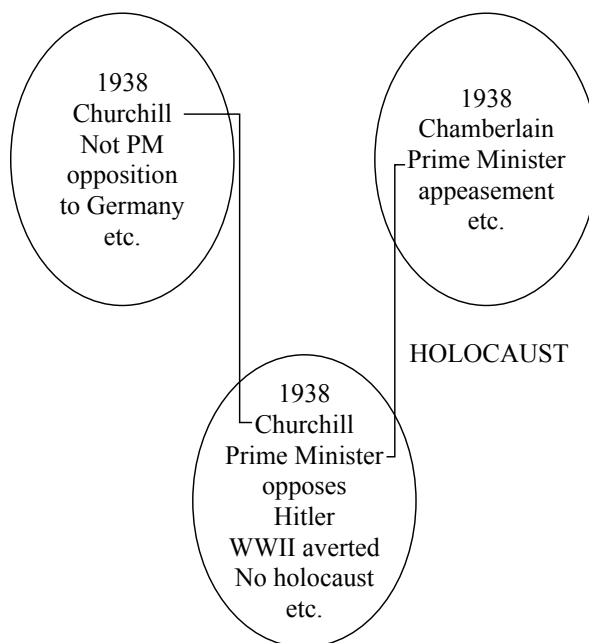
Если в естествознании можно поставить два опыта, различающиеся между собой лишь одним параметром, то в общественных науках это невозможно, и в качестве своеобразного аналога подобных экспериментов выступает сравнение с воображаемой ситуацией [там же].

Рассмотрим следующее контрфактивное утверждение:

Если бы Черчилль был премьер-министром в 1938 г., Гитлер был бы свергнут, а Вторая мировая война предотвращена.

В терминах концептуальной интеграции речь идет о бленде, полученном из следующих исходных пространств (рис. 21):

- 1) Черчилль (в 1938 г.), известный своим активным неприятием Гитлера и его действий в Европе;
- 2) Чемберлен (в 1938 г.) как премьер-министр Великобритании, проводивший политику умиротворения Гитлера.

Рис. 21. *If Churchill had been prime minister in 1938 instead of Neville Chamberlain, Hitler would have been deposed and World War II averted [Turner 2000]*

Анализ того, как происходит построение данного контрфактивного бленда, позволяет выявить следующие существенные свойства концептуальной интеграции [там же].

1. Процесс концептуальной интеграции предполагает использование и дальнейшее развитие существующих связей и аналогий между исходными пространствами. В рассматриваемом примере исходные пространства имеют много общих элементов: время (1938 г.), страны (Великобритания, Германия) и напряженные отношения между ними, а также фигура Гитлера; есть у них и «параллельные» элементы, или аналоги (*counterparts*), — политические деятели Черчилль и Чемберлен и занимаемые ими политические посты.
2. При построении бленда некоторые общие элементы исходных пространств и аналоги «сплавляются вместе» (*fused*), другие — нет. В нашем примере общие элементы проецируются в бленд из обоих пространств и там «сплавляются» в один. При этом некоторые из них, а именно время, страны и отношения между ними, оказываются тождественными соответствующим элементам исходных пространств. Иначе обстоит дело с Гитлером, которому в бленде «уготована» совсем иная «участь», чем в исходных пространствах. Что касается аналогов, они не «сплавляются» вместе при проекции в бленд: не происходит ни «слияния» Черчилля с Чемберленом, ни их политических постов.
3. Проекция из исходных пространств является выборочной. Из первого пространства в бленд берется фигура Черчилля с его резко отрицательным отношением к Гитлеру, но не его тогдашняя роль в государстве. Из второго пространства, напротив, берется пост премьер-министра Великобритании, но не сам Чемберлен.
4. Само по себе контрфактивное утверждение содержит слишком мало информации, чтобы, опираясь на него, можно было достоверно рассуждать. Для развития и обогащения бленда человек автоматически, сам того не сознавая, привлекает огромные массивы фоновых знаний. В данном случае он использует то, что ему известно о мировых лидерах, международной политике, агрессии и войнах вообще, а также более частные сведения, касающиеся истории взаимоотношений Германии и Англии, персоналий Черчилля и Гитлера. (При этом индивидуальная вариативность в дополнении бленда той или иной информацией может привести к разным построениям и разным выводам.)

5. Концептуальная интеграция может применяться повторно, так что полученный на каком-то этапе бленд может затем послужить в качестве исходного пространства. Так, на рассматриваемое утверждение можно возразить что-нибудь вроде: *Это всего лишь потому, что Гитлеру не доставало рассудительности; если бы он был более рационален, он бы увидел, что его шансы по-прежнему превосходные, и не сдался бы.* Это новое контрфактивное высказывание представляет собой уже новый бленд, использующий часть бленда из первого примера плюс некоторые характеристики Гитлера из пространств, относящихся к реальным ситуациям. В новом бленде Вторую мировую войну предотвратить не удастся.
6. Структура бленда не заложена в исходных пространствах. Бленд представляет собой не набор «вырезанных» и «вставленных» элементов, а мысленную симуляцию, благодаря которой возникает принципиально новая структура. Так, только в бленде (но ни в одном из исходных пространств) удастся свергнуть Гитлера и предотвратить Вторую мировую войну.
7. Идеи и выводы, обусловленные структурой бленда, могут оказывать обратное воздействие на человека, побуждая его к пересмотру исходных пространств и своих убеждений. К примеру, историк, занимающийся причинами Второй мировой войны, может неплохо представлять себе личность Черчилля, но не соотносить эти знания с политикой умиротворения Гитлера в 1938 г. Бленд, в котором Черчиллю удастся предотвратить войну, может заставить его скорректировать свои прежние представления.
8. Концептуальная интеграция может быть причиной определенных искажений, предвзятости в рассуждении и выводах, которую, однако, бывает трудно обнаружить вследствие машинальности, неосознанности данной операции. Проследим это на нашем примере. На начальном этапе построения бленда мы использовали то, что «дано» на момент 1938 г. Но как только в бленде возник Черчилль в роли премьер-министра Великобритании, мы автоматически стали добавлять к нему те сведения о Черчилле, которые относятся к более позднему времени, когда он в действительности занимал этот пост. Получается, что обоснованность контрфактивного бленда, в котором Черчилль противостоит Гитлеру в 1938 г., зиждется на знаниях о том, как Черчилль

боролся с Гитлером позднее, во время войны, а об этом известно потому, что война не была предотвращена. Таким образом, бленд имеет смысл только потому, что он не имел место. Более того, неслучаен и сам выбор Черчилля как предмета рассуждения: если бы он впоследствии не занял соответствующий пост, вряд ли мы вообще стали бы строить этот бленд.

Рассмотренный пример наглядно иллюстрирует основные этапы построения бленда: композицию (*composition*), завершение (*completion*) и развитие (*elaboration*). На каждой из этих стадий в бленде появляется новое содержание, не заложенное в исходных пространствах.

Первый этап — композиция — заключается в выборочном отображении структуры исходных пространств в бленд. При этом используются связи между «параллельными» элементами в исходных пространствах; в бленде они могут «сплавляться» воедино, но это не является обязательным.

Завершение предполагает обогащение бленда дополнительной информацией о соответствующих объектах и ситуациях, извлекаемой из долговременной памяти человека. Композиция и завершение сводят вместе концептуальные структуры, которые обычно хранятся раздельно. Вследствие этого бленд приобретает способность выявлять связи между, казалось бы, не связанными элементами, а также лакуны и скрытые противоречия в том, что мы ранее принимали как само собой разумеющееся. Иными словами, бленд позволяет анализировать породившие его концептуальные структуры.

Наконец, на этапе развития запускается мысленная симуляция события, полученного в бленде, и теоретически она может продолжаться бесконечно, так что бленд будет обрастать все новыми подробностями. Мысленная симуляция протекает в соответствии с «логикой бленда» — принципами, привнесенными в него на этапе завершения либо возникающими по ходу его развития [там же].

Проявления механизма концептуальной интеграции

Стремясь показать, что концептуальная интеграция действительно принадлежит к числу базовых когнитивных операций и затрагивает широкий круг явлений, Фоконье и Тернер обсуждают

ее действие, привлекая разнообразный иллюстративный материал, а именно контрфактивные суждения (см. выше), предложения с метафорическими и метонимическими проекциями, загадки, притчи, карикатуры, рекламу. Авторы показывают, что механизм концептуальной интеграции может быть задействован также при образовании новых понятий (типа *компьютерный вирус*, *гомосексуальный брак*, построенных на совмещении, казалось бы, несовместимого) и в грамматических конструкциях.

В силу невозможности подробно остановиться на всех примерах действия концептуальной интеграции дальнейшее изложение будет сконцентрировано прежде всего на грамматических (словообразовательных и синтаксических) блендах. Внимание будет уделяться также тем темам, которые ранее обсуждались в настоящей книге, а именно метафоре и категоризации. Мы рассмотрим применение теории концептуальной интеграции к анализу метафорических высказываний и сравним ее объяснительный потенциал с возможностями теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Мы также остановимся на том, как вновь создаваемые бленды влияют на структуру категорий.

Но прежде чем обратиться к этим темам, хочется сказать несколько слов о той огромной роли, которую концептуальная интеграция играет в рекламе — ведь изюминка многих (если не большинства) рекламных роликов и плакатов как раз и состоит в неожиданных проекциях между ментальными пространствами, принадлежащими к разным сферам жизни. Подобные «странные сближенья» поддерживаются многозначностью слов, аллитерацией, рифмой и прочими механизмами языковой игры¹; широко используется также ситуативная неоднозначность.

Особенно часто бленды встречаются в заголовках рекламных сообщений и так называемых слоганах (от англ. *slogan* — ‘лозунг’). Вот некоторые примеры:

Не дай секундам вылететь в трубу (компания-провайдер услуг сотовой связи).

Безплатное подключение к GSM (компания-провайдер услуг сотовой связи).

Можно положиться (реклама анатомического матраса).

Искусство изменять пол (магазин строительных товаров).

Осторожно! Мы сбрасываем цены! (магазин бытовой техники).

И волки сыты, и бабки целы (реклама пельменей).

---

¹ О языковой игре в рекламе см., напр., [Пирогова и др. 2000].

Следует подчеркнуть, что, в отличие от многочисленных случаев, когда концептуальная интеграция протекает как будто сама собой, в рекламе бленды создаются намеренно и адресат их «распаковывает» осознанно. Как только он вступает в «игру» по определению исходных пространств и способа их интеграции, можно считать, что минимальная цель рекламного сообщения, связанная с привлечением внимания и стимулированием интереса, достигнута. Вне зависимости от того, возникнет ли в дальнейшем у адресата желание купить товар и предпримет ли он соответствующие действия¹, речевое воздействие состоялось.

Бленды в грамматике

Примеры грамматических блендов у Фоконье и Тернера встречаются в разных работах, но, насколько мне известно, ни сами они, ни их последователи не предпринимали попыток очертить круг языковых явлений, задействующих механизм концептуальной интеграции, хотя бы на примере английского языка².

Начнем со словообразовательных блендов, представленных словами-гибридами наподобие следующих³ [Turner, Fauconnier 1995]:

*McJobs (McDonalds + jobs)*⁴ — обозначение категории рабочих мест, предполагающих неквалифицированный, низкооплачиваемый труд и отсутствие перспектив карьерного роста.

Chunnel (English Channel + tunnel) — тоннель под Ла-Маншем.

Отметим, что подобные окказионализмы могут со временем войти в узус, как это произошло со словом *motel (motor + hotel)*, причем по мере закрепления в языке их внутренняя форма, или членимость (в смысле [Langacker 1988c] — см. выше), постепенно стирается.

---

¹ В соответствии с известной в рекламном деле формулой *aida*: привлечь внимание (*attention*), вызвать интерес (*interest*), возбудить желание купить (*desire*) и побудить к действию (*action*).

² Если бы это было сделано, перед исследователями открылись бы интересные горизонты для межязыковых сравнений. О некоторых грамматических блендах в русском языке см. [Скребцова 2002].

³ Образование слов-гибридов было популярной языковой игрой в России во времена перестройки, ср. *прихватизация*, *дерьмократия* и пр.

⁴ В скобках приводятся соответствующие исходные пространства.

Более сложные и интересные примеры грамматических блендов представлены определительными конструкциями типа N_1N_2 , N_1 of N_2 и $AdjN$ [Turner, Fauconnier 1995; Sweetser 1999]. Анализ механизма образования их значения в терминах концептуальной интеграции имеет непосредственное отношение к весьма актуальной для зарубежной лингвистики последних десятилетий проблеме композициональности значения¹. Ее истоки восходят к так называемому принципу Фреге, согласно которому значение сложного выражения есть функция значений выражений, являющихся его компонентами. Стремясь воплотить в жизнь принцип композициональности, формальная лингвистическая семантика, начиная с Катца и Фодора, наивно пыталась трактовать значение в духе идеи «строительных кирпичиков» — по аналогии с процессом образования сложных языковых форм путем сложения простых. Вскоре стало понятно, что такая экстраполяция неоправдана: многочисленные примеры свидетельствуют о том, что семантика комплексного знака не сводима к значениям его составляющих.

Для опровержения принципа композициональности использовались разные приемы. Ряд авторов апеллировал к фактам наподобие тех, что из утверждения *Это — фальшивый Пикассо* вовсе не следует, что перед нами картина Пикассо, а из *Она — совершеннейшее дитя* не следует, что она ребенок. Другие указывали на наличие выражений, допускающих различные прочтения, ср. *красный карандаш* (сам карандаш красного цвета или его грифель) или известный пример *a beautiful dancer* ('красивая девушка' или 'хорошая танцовщица'). Отмечались и случаи, когда внешне весьма похожие словосочетания имеют разное значение, ср. *dog collar* ('ошейник <для> собаки') и *flea collar* (букв. 'ошейник блохи', на самом деле — 'ошейник от блох'). Еще одна разновидность доводов была связана с идеей о том, что значения сочетающихся слов не существуют изолированно, а взаимодействуют, и это может оказывать заметное влияние на семантику одного из компонентов сочетания. Так, было показано, что семантика прилагательных *good* [Ziff 1960; Вендлер 1981] и *safe* [Sweetser 1999] варьирует в зависимости от характера определяемого существительного.

Поскольку подобные факты всегда мешали формальному описанию языка, а игнорировать их (в силу многочисленности) было невозможно, генеративисты нашли выход в том, чтобы относить некомпозиционные аспекты семантики к прагматике и экстра-

---

¹ Из отечественных публикаций см. [Кубрякова 2002].

лингвистической информации. Однако с точки зрения когнитивной лингвистики, стоящей на позициях холизма и широкой концепции семантики, такое решение лишь загоняет проблему в угол. Более того, оно уводит исследователя от весьма важного для когнитивной науки вопроса о том, как в естественном языке соотносятся значения целого и частей, будь то слова (производные и сложные), словосочетания или синтаксические модели¹.

Примеры, анализируемые Фоконье и Тернером, — это очередные «камни в огород» приверженцев композиционной семантики. В частности, авторы сравнивают значения двух словосочетаний, образованных по одной и той же синтаксической модели N_1N_2 , а именно *boat house* («помещение, в котором хранятся лодки») и *house boat* («плавучий дом; яхта, используемая для летнего отдыха»). С точки зрения концептуальной интеграции оба эти выражения представляют собой бленды, полученные из одинаковых исходных пространств (дома связаны с сушией, а лодки — с водой). Обращает на себя внимание, однако, «несимметричность» их значений. Первое «расшифровывается» как «дом для лодок», и тогда второе, казалось бы, должно означать «лодка для домов» (если бы семантика естественных языков соответствовала идеалу композиционности, так бы оно и было), однако на самом деле его значение — это «лодка как дом».

Дело в том, что интеграция исходных пространств при образовании данных словосочетаний происходит по-разному — это и приводит к различиям в структуре и значении блендов. При образовании бленда *boat house* элементы исходных пространств соотносятся между собой следующим образом: обитатели дома соответствуют лодкам, сам дом помещению, в котором хранятся лодки, выходу из дома соответствует — спуск лодки на воду и т. д. Дом и лодка не являются «параллельными» элементами исходных пространств.

Напротив, при образовании бленда *house boat* лодка и дом являются «параллельными», связанными между собой элементами пространств (подобно тому как на суше человек живет в доме, на воде моряк находится на борту лодки). Эти параллельные элементы отображаются на один и тот же элемент в бленде, который, однако, не тождествен ни одному из них. Это «не совсем» дом, так как дома стационарны и имеют большую площадь по сравнению

---

¹ Для изучения этого аспекта семантики в последние годы сформировалось особое течение — «грамматика конструкций» (*construction grammar*), — связанное, прежде всего, с именами Ч. Филлмора, П. Кея, А. Гольдберг, У. Крофта.

с лодкой; в то же время это не обычная лодка, ибо она используется не только для перемещения, но и для длительного комфортного пребывания.

Данный пример лишний раз свидетельствует, что композиционный принцип в семантике в общем случае не работает. Он также показывает несостоятельность прочно закрепленной в западной науке кодовой модели коммуникации, в соответствии с которой говорящий «кодирует» понятийное содержание в языковую структуру, а слушающий ее «декодирует» обратно в понятийную структуру. Как подчеркивают Фоконье и Тернер, само по себе языковое выражение дает лишь подсказки для выявления его понятийного содержания, причем формальная структура выражения не является прямым отражением его понятийной структуры.

Концептуальная интеграция встречается и на уровне синтаксической структуры предложений [Fauconnier, Turner 1996]. Примеры соответствующих блендов Фоконье и Тернер предваряют рассуждениями о том, что схожие события в языке могут быть представлены по-разному: либо целостно (с учетом связей между участниками и между действиями), либо «в разрозненном виде» — как последовательность отдельных действий и состояний. Способ «подачи» диктуется валентной рамкой соответствующего предиката. Например, английский глагол *throw* («бросать») позволяет вместить информацию о действии, его агенте, объекте, исходной точке, способе и направлении перемещения в одно предложение, тем самым представив событие целостно, ср.:

He threw the napkin off the table («Он сбросил салфетку со стола»).

Альтернативный, «расчлененный», способ описания ситуации можно проиллюстрировать последовательностью предложений:

He sneezed. The napkin moved. It was on the table. Now it is off the table («Он чихнул. Салфетка переместилась. Она была на столе. Теперь ее там нет»).

Как отмечают авторы, человеку свойственно стремиться представить событие целиком, в совокупности связей между действиями агента и изменениями в объекте, но этому могут препятствовать ограничения, обусловленные грамматикой соответствующего языка. Английская грамматика в этом отношении достаточно «податлива»: она допускает определенные отступления от валентных

рамок предиката, позволяющие инкорпорировать в пропозицию дополнительную информацию; при этом предложение не перестает быть приемлемым, хотя и переходит в разговорный регистр. (Как будет показано ниже, в русском языке примеры таких «уступок» весьма немногочисленны, отчетливо маркированы и остаются на уровне языковой игры.)

Так, несмотря на непереходность глагола *sneeze* ('чихать'), в разговорной речи допустимо сказать:

He sneezed the napkin off the table (букв. 'Он счихнул салфетку со стола').

С точки зрения теории концептуальной интеграции это предложение является блендом из исходных пространств, представленных двумя предыдущими примерами (рис. 22). Пространство 1 соответствует целостному представлению события: в нем выделяются агент (*a*), объект (*o*), каузальное действие (*e*), в том числе средство, способ и его результат — движение объекта, а также направление движения (*dm*). Пространство 2 представляет описание события в виде двух отдельных актов: «агент (*a'*) осуществляет действие (*e'*)» и «объект (*o'*) перемещается в определенном направлении (*dm'*)».

В процессе концептуальной интеграции происходит частичное совмещение «параллельных» элементов исходных пространств (агентов, объектов и направлений движения). Из исходного пространства 1 в бленд отображаются роли *a*, *o*, *e*, *dm* (в бленде им соответствуют элементы *a''*, *o''*, *e''*, *dm''*), а из исходного пространства 2 берется их содержательное наполнение.

Заметим, что на рисунке к двум исходным пространствам и бленду добавлено еще так называемое «родовое пространство» (*generic space*). Оно формируется по ходу концептуальной интеграции из элементов и отношений, общих для исходных пространств, и отличается высокой схематичностью¹.

Рассмотренный феномен английского языка не имеет нормативных аналогов в русском, однако можно упомянуть отдельные употребления, задействующие тот же механизм, но остающиеся на уровне языковой игры, ср.: *Его ушли с работы; Она поступила*

¹ Остается неясным, почему не на всех иллюстрациях Фоконье и Тернера фигурирует это родовое пространство (ср. рис. 21). Можно лишь предположить, что оно появилось на определенном этапе развития теории, постоянно претерпевающей все новые изменения и дополнения.

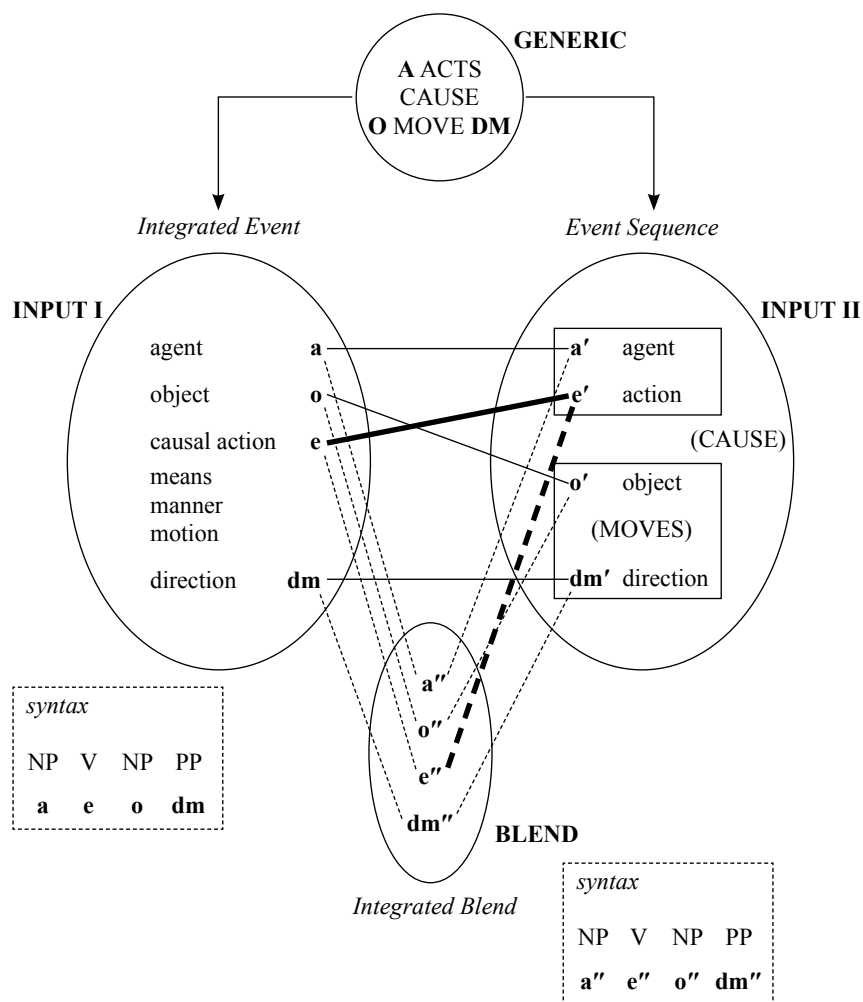

Рис. 22. *He sneezed the napkin off the table* [Fauconnier, Turner 1996]

сына в институт. Непереходность глаголов *уйти* и *поступить* здесь «преодолевается» стремлением говорящего представить событие в контексте его причинно-следственных связей, добавить дополнительную информацию, а именно: ‘с формальной точки зрения, он ушел сам, «по собственному желанию», но его к этому вынудили’, ‘он поступил как бы сам, но она приложила к этому немало стараний’.

Анализ метафоры в рамках теории концептуальной интеграции

По признанию Фоконье [Fauconnier 1999: 103–104], своим возникновением теория концептуальной интеграции обязана некоторым несоответствиям, выявившимся при попытках применения понятия концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980] к анализу метафорических высказываний. Выяснилось, что их смысл не всегда поддается объяснению в терминах отображения сферы-источника на сферу-мишень: двух пространств (одного исходного и одного конечного) иногда оказывается недостаточно. В этом отношении модель концептуальной интеграции, состоящая из четырех пространств, представляется более мощным инструментом анализа [Turner, Fauconnier 1995].

Поясним сказанное на примере предложения *This surgeon is a butcher* ('Этот хирург — <просто> мясник') из [Grady, Oakley, Coulson 1999]. Если анализировать его с точки зрения теории концептуальной метафоры, речь идет о проекции сферы-источника «мясник» на сферу-мишень «хирург», а именно: мясник отображается на хирурга, животное — на пациента, нож — на скальпель и т. д. Но это отображение не позволяет объяснить ключевой момент в значении данного высказывания, а именно неумелость, некомпетентность хирурга. Мясник, хотя и обладает менее престижной профессией, тем не менее обычно успешно справляется со своей работой, следовательно, сфера-источник не содержит информации о недостаточном профессионализме. Откуда же она берется в сфере-мишени? Вопрос можно поставить иначе: почему мы выбираем именно мясника в качестве сферы-источника, если хотим подчеркнуть неумелость хирурга? Интуитивно понятно, что это как-то связано с контрастом между родом деятельности хирургов и мясников, однако в рамках теории концептуальной метафоры данное предположение не обосновать.

С точки зрения теории концептуальной интеграции рассматриваемое предложение является блендом из исходных пространств хирурга и мясника. У этих двух пространств есть общая структура, отражающаяся в родовом пространстве: человек, вооруженный острым предметом, оказывает физическое воздействие на живое существо. При образовании бленда происходят проекции из исходных пространств: из пространства хирурга заимствуются личность агента, личность пациента и обстановка операционной, а из пространства мясника — роль мясника и связанные с ней действия. В бленде действия мясника (убить животное) приходят в

противоречие с целью хирурга (вылечить пациента), и именно из этого конфликта рождается вывод о неумелости хирурга.

Сравнение трактовки феномена метафоры в данных теориях позволяет выявить как их общие черты, так и различия. Общее заключается в том, что метафора признается явлением концептуальным, относящимся к мышлению человека, его понятийной системе. Суть метафоры состоит в проекциях между понятийными областями.

Различия прежде всего касаются количества задействованных областей, или пространств. Помимо этого, у Лакоффа и Джонсона метафора представляет собой направленный процесс, а в модели Фоконье и Тернера — нет. Есть и разница в предмете исследования: если теория концептуальной метафоры уделяет основное внимание устойчивым, прочно закрепленным в языке выражениям («мертвым» метафорам), теория концептуальной интеграции нередко применяется к анализу окказиональных конструкторов. Другими словами, теория Лакоффа и Джонсона сосредоточена на выявлении глубоко укорененных, хранящихся в долговременной памяти связей между понятиями, а Фоконье и Тернера больше интересуют динамичные процессы построения новых значений. Эта дифференциация дает основание не отдавать предпочтение той или другой теории, а рассматривать их как комплементарные, выгодно дополняющие друг друга [там же].

Влияние концептуальной интеграции на категоризацию

Согласно Фоконье и Тернеру, новые понятия, входящие в нашу жизнь и получающие закрепление в общественном сознании и языковом узусе, могут быть результатом концептуальной интеграции — примерами тому могут служить понятия *same-sex marriage* ('гомосексуальный брак') и *computer virus* ('компьютерный вирус')¹ [Fauconnier, Turner 1998; Fauconnier 1999].

Так, бленд *гомосексуальный брак* получен из двух исходных пространств: с одной стороны, это традиционный брак, с другой — совместное проживание людей одного пола. Эти пространства имеют ряд «параллельных» элементов (два партнера, общее хозяйство, любовь и пр.), которые отображаются в бленде. Кроме

---

¹ В более привычной терминологии данные словосочетания наглядно иллюстрируют то, что называется «семантическим рассогласованием» [Гак 1972].

того, происходит выборочная проекция: из первого исходного пространства берется официальный статус и церемония свадьбы, а из второго — одинаковая половая принадлежность и невозможность иметь детей. Аналогичным образом, бленд *компьютерный вирус* получен из исходных пространств, связанных с биологическими организмами и компьютерами.

Возникает вопрос, как влияют появление и последующая конвенционализация подобных блендов на соответствующую категорию. По мнению Фоконье и Тернера, на первых порах понятие *гомосексуальный брак* еще существует отдельно, само по себе, не входя в категорию *брак*, так как не соответствует ее критериям (гетеросексуальный союз с целью иметь детей). Но по мере закрепления этого бленда в общественном сознании может возникнуть потребность в пересмотре данных критериев, расширении границ категории и включении в нее данного понятия. С когнитивной точки зрения такая возможность подкрепляется наличием у исходных пространств одинаковых элементов (общее хозяйство и финансы, разделение труда, взаимопомощь и пр.). Разумеется, у разных людей этот процесс будет протекать по-разному: для одних понятие *гомосексуальный брак* вскоре станет привычной подкатегорией категории *брак*, а для других так и останется конфликтным блендом. Важен сам факт, что концептуальная интеграция способна влиять на категоризацию мира человеком [Fauconnier, Turner 1998].

Сетевая модель концептуальной интеграции

Теория концептуальной интеграции постоянно претерпевает изменения, развивается, расширяется. В настоящее время речь идет уже не столько о проекции двух исходных пространств на бленд, сколько о сетевой модели концептуальной интеграции (*conceptual integration network*), подразумевающей взаимодействие между множеством пространств. Пространства находятся в постоянном движении: меняются их «параллельные» элементы, проецируемые структуры, происходят обратные отображения из бленда на исходные пространства, последовательно порождаются все новые бленды, активируются дополнительные пространства и фреймы. Конструирование значения не ограничивается отдельным пространством, но задействует ряд пространств и связей между ними [Fauconnier, Turner 1998].

Поскольку концептуальная интеграция по своей природе не является алгоритмической операцией (бленд невозможно «вы-

числить» из исходных пространств), авторы пытаются выявить релевантные для этого процесса факторы. Из того, что некоторые бленды, по их наблюдениям, оказываются удачнее других, Фоконье и Тернер делают вывод о существовании неких принципов оптимальности, регулирующих процесс концептуальной интеграции. Вот они [там же]:

1. Цельность (*integration*): бленд должен быть цельным, чтобы им удобно было пользоваться как единым, компактным конструктом.
2. Топология (*topology*): для каждого элемента, отображаемого из исходных пространств в бленд, желательно, чтобы его связи с другими элементами в бленде соответствовали связям, имеющимся у него в исходном пространстве¹.
3. Сеть (*web*): при использовании бленда сеть его связей с исходными пространствами должна сохраняться сама собой, не требуя дополнительных усилий по ее поддержанию или вычислению.
4. «Распаковка» (*unpacking*): интерпретатор бленда не должен испытывать затруднений при его «распаковке» — восстановлении исходных пространств, их «параллельных» элементов, родового пространства и всей сети связей между пространствами.
5. Обоснованность (*good reason*): при прочих равных условиях, появление элемента в бленде должно подкрепляться его значением для этого бленда, а именно его связями с другими пространствами и какой-то функциональной нагрузкой в самом бленде.
6. Ограничение, связанное с метонимической проекцией (*metonymy projection constraint*): когда два элемента одного и того же исходного пространства, связанные между собой отношением метонимии, отображаются в бленд, следует стремиться к сокращению метонимического расстояния между ними в бленде. Это делает бленд более компактным.

Перечисленные принципы могут приходиться в противоречие друг с другом и вступать в конкуренцию. Анализируя особенности их реализации на различных примерах, авторы пытаются вплотную подойти к созданию типологии сетевых моделей [там же].

Концептуальная интеграция — явление столь глубокого порядка, что ее исследование, можно сказать, только начинается. Несомненная заслуга Фоконье и Тернера состоит, прежде всего,

---

¹ Ср. выдвинутую Дж. Лакоффом гипотезу инвариантности (гл. II.1).

в том, что они обратили внимание на этот феномен и заложили основы его изучения. Их исследования одновременно идут вглубь — ко все более тонкому и всестороннему пониманию механизма действия этой когнитивной операции — и вширь — к выявлению сферы ее действия. Стремясь показать, что концептуальная интеграция представляет собой базисную способность, повседневно проявляющуюся в самых разных областях жизнедеятельности человека, авторы привлекают разнообразный материал. Круг примеров непрестанно расширяется под влиянием работ коллег и последователей, обнаруживающих действие концептуальной интеграции во все новых областях: музыке, юморе, физике, компьютерных интерфейсах и пр. Обсуждая соотношение концептуальной интеграции с другими активно обсуждающимися в когнитологии процессами (такими как метафоризация, категоризация, схематизация), Фоконье и Тернер высказывают мысль о том, что за кажущейся разницей скрывается общность задействованных когнитивных операций [там же].

В одной из своих последних книг М. Тернер [Turner 2001] выдвинул предположение, что развитие способности к концептуальной интеграции было самым важным событием в эволюции человека, тем скачком, который выделил его среди других биологических видов. Именно концептуальная интеграция как способность к мысленному совмещению себя и «другого» в свое время обеспечила выживание человека, сделала его общественным существом и создала культуру, науку, искусство, язык.

Автор подчеркивает, что в своей повседневной жизни человек постоянно осуществляет концептуальную интеграцию. Всякий раз, когда мы мечтаем, составляем планы на будущее или даем совет на основе собственного опыта, мы запускаем мысленную симуляцию и порождаем бленд, содержащий элемент, который одновременно *мы* и *не мы*. Думая о том, *что было бы, если бы*, мы создаем бленд, в котором проживаем одновременно реальную и вымышленную жизнь. Бленды позволяют нам делать то, что мы не можем делать, и быть тем, кем мы не можем быть.

Мы порождаем бленды для того, чтобы сделать выводы, решить проблемы, собрать воедино разрозненную информацию, создать новое значение, сделать выбор, вызвать у себя какие-то эмоции и т. д., и для выполнения всех этих задач нам приходится одновременно находиться в двух местах — в бленде и в исходном пространстве, которые могут быть несовместимы или даже противоречить друг другу. Однако конфликт остается незамеченным: так, мы привычно проклинаям запасное колесо, которое *не хочет* встать на место, и в то же время, разумеется, не верим в его «злой умысел» [там же].

Глава VI

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

1. ОТНОШЕНИЕ ГРАММАТИКИ К ПОЗНАНИЮ

В кругу тех, кого принято упоминать, когда речь идет о когнитивной лингвистике, имя Леонарда Талми стоит особняком. Не то чтобы обычные заботы когнитивистов о месте языка в ряду других когнитивных систем были ему вовсе чужды, но они не являются для него главными: Талми не только и не столько «когнитивный лингвист» — прежде всего, он крупный грамматист и типолог. Его не слишком занимает полемика с генеративистами, и ключевые слова *когнитивный* и *ментальный* встречаются в его работах сравнительно редко¹.

В предисловии к первой (и пока единственной) публикации работ Талми на русском языке П. Б. Паршин отмечает, что из всех когнитивистов «он — в наибольшей степени лингвист в том смысле, что его работы мотивированы удивлением перед фактами языка, тогда как интенция к междисциплинарному синтезу <...> играет по меньшей мере второстепенную роль. Исследования Талми — это, конечно, почти чистая лингвистическая семантика, однако семантика особого вида: в частной беседе он как-то согласился с определением ее как сверхглубинной» [Паршин 1999: 89–90].

На протяжении нескольких десятилетий ученый упорно и скрупулезно работает над одной темой — отношением грамматики к познанию². Исследуя материал разнообразных языков, он стре-

---

¹ Недостаточная «вовлеченность» Талми в когнитивистику даже вызывала неодобрительные комментарии — см., напр., [Wagner 2000].

² В том, что данная тема является стержнем всего научного творчества Л. Талми, нетрудно убедиться, просмотрев список его публикаций. В разные годы такое название получили две его статьи [Talmy 1978; 1988], а также первая глава монографии

мится выявить закономерности (некоторые из них, возможно, являются универсалиями), касающиеся грамматически выражаемых значений. Талми строит собственную эмпирически обоснованную теорию суперкатегорий и схематических систем, которая упорядочивает грамматику языка под непривычным углом зрения, игнорирующим и «перетасовывающим» традиционные понятия числа, вида, способов действия, залога, диатезы, дейксиса и пр. Будем надеяться, что работа над ней будет продолжаться, а пока представим ту версию «сверхглубинной семантики», что нашла отражение в [Талми 1999].

Лексика и грамматика как комплементарные подсистемы

В любом языке, как утверждает Талми, есть две подсистемы — грамматическая и лексическая, — обладающие функциями, необходимыми и дополнительными по отношению друг к другу. Эти функции заключаются соответственно в определении концептуальной структуры и обеспечении концептуального содержания.

Автор исходит из того, что высказывание (или другой отрезок дискурса) активизирует в сознании слушающего определенную часть его опыта, которую можно назвать «когнитивной репрезентацией» (*cognitive representation*). Структура когнитивной репрезентации выражается главным образом грамматическими элементами, а лексические поставляют большую часть ее содержания. Хотя лексические элементы также могут заключать в себе некоторую информацию о структуре, именно грамматически закодированная информация является решающей. Она определяет концептуальный каркас для лексически выраженного содержания [Talmy 1988: 165; Талми 1999, № 1: 91–92].

К вопросу о делении на лексику и грамматику Талми подходит с точки зрения противопоставления открытых и закрытых классов единиц¹: класс является открытым, если он насчитывает большое

[Talmy 2000]: всякий раз предшествующая версия дополнялась и перерабатывалась. В своем изложении мы будем преимущественно опираться на последнюю, тем более что она была опубликована по-русски [Талми 1999] (с разрешения издательства опередив оригинальное издание).

¹ Как известно, для разграничения грамматических и лексических единиц предлагались различные критерии. Подход, которым пользуется Талми, восходит к трудам А. Мартине и М. Хэллiday и оценивается Дж. Лайонзом как наиболее удовлетворительный из существующих [Лайонз 1978: 460].

число членов и легко пополняется новыми элементами; напротив, класс считается закрытым, если он содержит относительно малое фиксированное количество элементов и сопротивляется нововведениям. К открытым (лексическим) классам единиц автор относит корневые морфемы существительных, прилагательных и глаголов, а также лексические комплексы (устойчивые сочетания и идиомы) и наречия, образованные не по регулярным моделям [Талми 1999, № 1: 93]. Среди единиц закрытых классов различаются эксплицитные и имплицитные грамматические формы; первые, в свою очередь, могут быть как свободными (встречаться в изолированном виде), так и связанными (входить в состав слова), ср. [там же: 93–94]:

1) эксплицитные грамматические единицы:

- свободные (например, союзы, предлоги, частицы, детерминативы);
- связанные (окончания, словообразующие элементы, клички);

2) имплицитные грамматические единицы: основные грамматические категории (например, имя, глагол), подкатегории (например, исчисляемое существительное), грамматические отношения (например, подлежащее, прямое дополнение), модели порядка слов.

Обсуждая возможные дополнения к этим спискам, автор указывает, что к эксплицитным формам можно также отнести интонационные конструкции — в том случае, если число таких конструкций в языке невелико и с трудом поддается пополнению. Что касается имплицитных форм, то в их число, вероятно, следует также включить нулевые формы и грамматические комплексы, представленные грамматическими конструкциями и синтаксическими структурами простого и сложного предложений [там же: 94].

Природа грамматически выражаемых понятий

Научные интересы Талми связаны с единицами закрытых классов (главным образом эксплицитными). На материале типологически разных языков он изучает корреляции между грамматическими элементами и глубинными семантическими сущностями (такими как *движение*, *путь*, *способ*, *причина* и пр.). Анализ ведется в обоих направлениях: как от грамматических единиц к семан-

тическим сущностям [Talmy 1985], так и наоборот [Talmy 1976; 1983; 1986; 1988; 1996]¹.

Внимательно исследуя «отношение грамматики к познанию», Талми прежде всего отмечает, что не всякое содержание может передаваться формами закрытых классов. Существуют два вида ограничений: на категории и на члены этих категорий. Ограничение первого типа можно проиллюстрировать, обратившись к способам наименования цвета. По данным Талми, ни в одном языке не зафиксировано каких бы то ни было способов грамматического выражения цвета предмета: данная категория всегда выражается лексически. Ограничение второго типа видно на примере категории *число*, так как далеко не любая числовая величина может быть выражена грамматически. В языках мира отмечены формы закрытых классов, выражающие 'единственное', 'двойственное', 'тройственное', 'множественное' и 'паукальное' ('малочисленное') число объектов, но не значения 'четный', 'нечетный', 'дюжина' — для их обозначения всегда используются лексические формы [Талми 1999, № 1: 95–96].

Помимо цвета, в число категорий, редко или никогда не выражающихся грамматическими элементами, Талми включает *абсолютную / измеренную величину* (расстояния, размера и т. д.) и *форму / контур линии* [там же: 97–100].

Первая из них может быть проиллюстрирована парами предложений:

This speck is smaller than that speck ('Это пятнышко меньше, чем то пятнышко') vs. *This planet is smaller than that planet* ('Эта планета меньше, чем та планета').

The ant crawled across my palm (букв. 'Муравей полз через мою ладонь') vs. *The bus drove across the country* ('Автобус ехал через <всю> страну').

Автор подчеркивает, что в обеих парах предложения отличаются друг от друга только лексически, но не грамматически. Следовательно, различия между ситуациями, связанные с вели-

---

¹ Преобладание исследований, построенных по принципу «от семантики к ее формальному выражению», по-видимому, неслучайно и является следствием функциональной направленности теории Талми, как и вообще когнитивных исследований языка. Ср.: «Функциональная грамматика предполагает определяющую роль подхода „от семантики к средствам ее выражения“ как основной исходной позиции, обуславливающей построение грамматики» [Теория функциональной грамматики... 1987: 14].

чиной или расстоянием, передаются исключительно элементами открытых классов. Эти и подобные им примеры показывают, что грамматические элементы нейтральны по отношению к величине объекта.

Аналогичным образом, нейтральность по отношению к форме / контуру линии видна из сравнения предложений:

I zig-zagged through the woods ('Я делал зигзаги по лесу') vs. *I circled through the woods* ('Я кружил по лесу') —

где предлог *through* безразличен к контуру траектории, описываемой движущимся объектом.

Талми обсуждает еще три типа нейтральности грамматических элементов: нейтральность по отношению к объему, к конкретному представителю и к материалу¹ [там же: 104–105].

В итоге автор выдвигает гипотезу о том, что формы закрытых классов в языках мира «представляют собой совершенно особенное с семантической точки зрения множество, выражающее только некоторые концептуальные категории, а внутри этих категорий — только некоторые частные концепты»² [там же: 110–111]. Несмотря на то что фиксированного списка концептов и концептуальных категорий, которые могут быть выражены грамматически хотя бы в одном языке, не существует, Талми указывает на принципиальную возможность составить универсальный инвентарь грамматически выражаемых понятий.

Внутри этого инвентаря концепты и категории будут занимать разное положение в зависимости от того, насколько широко они представлены в языках, причем некоторые из них могут оказаться

¹ Здесь необходимо сделать оговорку. Талми отдает себе отчет в том, что «формы закрытых классов не могут выражать большинство содержательных концептов, таких как приготовление еды, гимнастика или народная медицина» [Талми 1999, № 1: 104], но подобные факты его не интересуют. Внимание исследователя сосредоточено лишь на тех категориях, которые «обладают структурной значимостью либо вследствие того, что определенный фактор играет важную роль в когнитивных системах, либо из-за того, что фактор, тесно связанный с данным, может быть выражен формами закрытого класса» [там же].

² Эта «избирательность» грамматики в отношении выражаемых значений нередко вызывала удивление лингвистов. Так, М. А. Тулов писал в 1861 г., что «для логики очень важна категория отношения понятий по их объему и содержанию как основание для разделения понятий на видовые и родовые. Понятия *роза*, *цветок*, *растение*, с логической точки зрения, находятся именно в отношении рода, вида, класса; но этих важных логических отношений язык не выразил в грамматической форме слов» (цит. по: [Арутюнова 1999: 21]).

универсальными (среди наиболее вероятных претендентов автор упоминает категорию *полярности* со значениями 'положительный' и 'отрицательный' и категорию *установка говорящего по отношению к слушающему* со значениями 'утверждение' и 'вопрос'). Другие члены инвентаря широко распространены, но не универсальны (например, категория *число*). Есть и такие, что встречаются довольно редко, но не отсутствуют вовсе, например категория *скорость* со значениями 'быстро' и 'медленно'. Наконец, многие концептуальные категории и отдельные концепты вообще не войдут в данный инвентарь, в частности упомянутая выше категория *цвет*. И если в отношении нее, как пишет автор, еще могут возникнуть некоторые сомнения, то категория *гимнастика* уж точно выпадает из рассматриваемого инвентаря [там же: 111–112].

Заслуживает внимания отмеченная автором связь между идеей универсального иерархического инвентаря грамматически выражаемых понятий и теориями грамматикализации. Талми указывает, что обычно эти теории уделяют много внимания начальному этапу процесса грамматикализации (типам лексическим форм, значение которых постепенно стиралось), но не конечной его стадии (типам грамматических значений, которые получаются в результате такого стирания). Между тем «именно универсальный инвентарь грамматически выражаемых концептов с его особым содержанием и иерархией управляет возможным ходом процесса стирания лексического значения и его грамматикализации» [там же: 113].

Категории грамматически выражаемых понятий

В концепции Талми грамматически выражаемые понятия объединяются в так называемые «схематические категории» (*schematic categories*); последние, в свою очередь, входят в несколько крупных «схематических систем» (*schematic systems*; прежнее название — «системы формирования образов» (*imaging systems*)). Схематическим категориям и системам присущи определенные организующие принципы, а именно:

- 1) обширный параллелизм (*homology*) в представлении пространства и времени;
- 2) возможность преобразовывать выражение одного понятия в выражение другого понятия той же категории благодаря взаимодействию между грамматическими формами и моделями лексикализации. Преобразование осуществляется посредством когнитивной операции внутрикатегориальной конверсии. Язык,

допускающий конверсию понятия *A* в понятие *B*, часто (но не обязательно) располагает формами, осуществляющими конверсию и в обратном направлении (*B* в *A*);

3) вложенность (*nesting*).

Рассмотрим действие первых двух принципов (к последнему мы обратимся позже) на примере категории *область* (*domain*), включающей два основных понятия — ‘пространство’ и ‘время’ [там же: 78–85]. По признаку непрерывности/дискретности в пространстве выделяются такие «сущности», как ‘масса’ и ‘объекты’, а во времени — соответственно ‘деятельность’ и ‘акты’, ср.:

Область	Непрерывное	Дискретное
пространство	масса	объекты
время	деятельность	акты

Внутрикатегориальная конвертируемость «области» представлена когнитивными операциями опредмечивания (*reification*) и акционализации (*actionalizing*). Первая из них, осуществляемая путем номинализации глагола, приводит к тому, что акты и деятельность концептуализируются как объекты или масса, ср.:

Акт <i>John called me</i> (‘Джон позвонил мне’) <i>I was called by John</i> (‘Мне позвонил Джон’)	Опредмеченный как объект <i>John gave me a call</i> (букв. ‘Джон дал мне телефонный звонок’) <i>I got a call from John</i> (букв. ‘Я получил телефонный звонок от Джона’)
Деятельность <i>John helped me</i> (‘Джон помог мне’) <i>I was helped by John</i> (‘Мне помог Джон’)	Опредмеченная как масса <i>John gave me some help</i> (букв. ‘Джон дал мне некоторую помощь’) <i>I got some help from John</i> (‘Я получил некоторую помощь от Джона’)

Когда понятие действия опредмечено, к нему становятся применимы многие манипуляции, производимые с физическими объектами и массами: их можно давать и получать, оценивать качественно и количественно и др., ср.:

She transferred / redirected / rerouted / forwarded John’s call to me (‘Она переадресовала мне звонок Джона’).

I returned his call (букв. ‘Я вернул ему звонок’, т. е. ‘В ответ на его звонок я сам позвонил ему’).

We exchanged calls (‘Мы обменялись телефонными звонками’).

He gave me three business calls (букв. ‘Он дал мне три деловых звонка’).

В целом, как замечает Талми, представление действия как предмета допускает большой спектр концептуальных манипуляций, поскольку использует для их описания открытый класс глаголов, в то время как закрытые классы содержат меньше средств выражения [там же: 82].

Обратная операция — акционализация — предполагает, наоборот, образование глагола из существительного, обозначающего объект или массу; в итоге большая часть чувственно воспринимаемых свойств денотата отодвигается на задний план, уступая место концептуализации в терминах процесса, ср.:

<p>Объект <i>Hailstones came in through the window</i> ('Градины влетали в окно') <i>I removed a pit from the cherry</i> ('Я вынул косточку из вишни')</p>	<p>В акционализованном виде: <i>It hailed through the window</i> (букв. 'Сквозь окно градило') <i>I pitted the cherry</i> (букв. 'Я обескосточил вишню')</p>
<p>Масса <i>Ice is forming over the windshield</i> ('На лобовом стекле образуется лед')</p>	<p>В акционализованном виде: <i>It is icing over the windshield</i> ('Лобовое стекло заледеневаает')</p>

В связи с обсуждением данных противоположных когнитивных операций автор высказывает гипотезу о том, что все языки можно разделить на две важные типологические категории: те, что отдают предпочтение существительным, — языки с объектной доминантой (*object-dominant languages*) — и те, что обычно делают выбор в пользу глагола, — языки с акциональной доминантой (*action-dominant languages*). Предположительно наиболее распространенным является первый тип. К нему относится и английский язык, который предпочитает обозначать физические сущности в терминах их чувственно воспринимаемой материальности, хотя и располагает возможностями для того, чтобы подчеркнуть динамику ситуации посредством акционализации [там же: 83].

Схематические системы

Категории объединяются в рамках следующих крупных схематических систем:

- 1) конфигурационная структура (*configurational structure*);
- 2) перспектива (*perspective*);
- 3) распределение внимания (*distribution of attention*);
- 4) динамика сил (*force dynamics*);
- 5) когнитивное состояние (*cognitive state*).

Первые три из них получили достаточно подробное освещение в [Талми 1999: № 4, 6], поэтому в отношении них я ограничусь лишь краткими комментариями, за исключением феномена распределения внимания, которому будет уделено больше места за счет привлечения материалов статьи [Talmy 1996]. Изложение, посвященное понятию динамики сил и его языковым манифестациям, опирается на статью [Talmy 1986].

Конфигурационная структура

Первая из выделенных Талми систем «отвечает» за схематическое структурирование пространства, времени или какой-либо другой области, которое осуществляется формами закрытых классов — предложениями и послелогом, подчинительными союзами, действительными элементами, показателями вида и времени, числа и т. п. В рамки данной схематической системы входят следующие категории [Талми 1999, № 4: 85–104]:

- плексность (*plexity*);
- состояние ограниченности (*state of boundedness*);
- состояние разделенности (*state of dividedness*);
- степень протяженности (*degree of extension*);
- модель распределения (*pattern of distribution*);
- аксиальность (*axiality*);
- сегментация сцены (*scene partitioning*).

Примечательно, что отдельные категории могут взаимодействовать между собой: автор демонстрирует это на примере пересечений категорий *область*, *плексность*, *состояние ограниченности* и *состояние разделенности* [там же: 93–95].

Перспектива

Перспектива¹ определяет точку зрения, с которой объект рассматривается сознанием², и включает в себя следующие категории [Талми 1999, № 6: 88–97]:

---

¹ Ср. понятие перспективы у Лангакера (гл. IV.2). В схематических системах Талми можно найти и другие параллели с аспектами образности Лангакера.

² В иной, более привычной терминологии речь идет о фигуре наблюдателя. Мы позволили себе использовать этот термин при переводе названий некоторых категорий, входящих в данную схематическую систему.

- положение наблюдателя (*perspectival location*) с точки зрения места и времени;
- расстояние между наблюдателем и рассматриваемым объектом (*perspectival distance*) — удаленное, среднее или близкое;
- режим просмотра (*perspectival mode*) — синоптический или последовательный;
- направление наблюдения (*direction of viewing*) (в случае последовательного режима наблюдения) — косеквенциальное и антисеквенциальное.

Распределение внимания

Если первые две схематические системы приписывают обозначаемому объекту или событию конфигурационную структуру и устанавливают точку зрения, с которой его надлежит рассматривать, третья схематическая система регулирует распределение внимания по этой структуре с данной точки зрения. Распределение внимания включает три фактора [там же: 97–98]:

1) сила внимания (*strength of attention*), коррелирующая с более традиционными понятиями когнитивной выделенности (*salience*), выдвижения на передний план (*foregrounding*) и отодвигания на задний (*backgrounding*);

2) модель внимания (*pattern of attention*), распадающаяся, в свою очередь, на:

- фокус внимания (*focus of attention*),
- окно внимания (*window of attention*),
- уровень внимания (*level of attention*);

3) приписывание внимания (*mapping of attention*), благодаря которому одна и та же модель внимания может быть по-разному наложена на описываемую сцену.

Из перечисленных факторов Талми подробно рассматривает фокус внимания, к которому автор относит такие категории, как уровень синтеза (*level of synthesis*), уровень экзemplарности (*level of exemplarity*), уровень базовой линии в иерархии (*level of baseline within a hierarchy*) и уровень подробности (*level of particularity*) [там же: 99–107].

Мы же обратимся к подмодели «окно внимания», которой Талми в свое время посвятил пространную статью [Talmy 1996]. В ней данный феномен описывается применительно к различным типам событий: движению, каузации, повторяющимся актам и др. Отправной точкой служит понятие «каркас события» (*event frame*),

который, согласно определению, образован существенными, ядерными элементами конкретного события или типа события, а также их отношениями между собой и не включает периферийные и случайные элементы данного события (время, место и прочие подробности) [там же: 237–238]. Так, каркас движения предполагает целостную траекторию перемещения объекта, каркас каузативного действия — всю цепочку актов, повлекших изменения в объекте и т. д.

Проиллюстрируем понятие окна внимания на примере движения [там же: 244–249]. Талми различает три типа движения:

- с незамкнутой траекторией (*open path*),
- с замкнутой траекторией (*closed path*),
- с фиктивной траекторией (*fictive path*).

Незамкнутая траектория допускает всевозможные виды «кадрирования» внимания: «окно» может включать весь путь движения, либо любой из его этапов (начальный, серединный или конечный), либо любые два из них. Упомянутые в тексте этапы тем самым как бы выдвигаются на передний план, а опущенные — отодвигаются на задний, что, однако, не мешает слушателю / читателю мысленно восстанавливать их, учитывая каркас данного типа события и контекст.

Вслед за Талми проиллюстрируем сказанное на примере предложения, которое начинается словами:

The crate that was in the aircraft's cargo bay fell... ('Корзина, находившаяся в грузовом отсеке самолета, выпала...').

Как указывает автор, оно может быть завершено любым из следующих способов:

- 1) окно охватывает всю траекторию: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell out of the plane through the air into the ocean* (букв. 'Корзина, находившаяся в грузовом отсеке самолета, выпала из самолета через воздух в океан');
- 2) окно включает любые два из трех этапов пути:
  - начальный и серединный: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell out of the plane through the air,*
  - начальный и конечный: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell out of the plane into the ocean,*
  - серединный и конечный: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell through the air into the ocean;*
- 3) окно включает один (любой) этап пути:

- начальный: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell out of the plane,*
- срединный: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell through the air,*
- конечный: *The crate that was in the aircraft's cargo bay fell out into the ocean.*

В отличие от незамкнутой траектории, путь по замкнутому контуру предполагает ограничение на возможные способы «кадрирования» внимания, а именно запрет на окно, включающее только начальную точку движения. Это связано с тем, что при замкнутой траектории указания на начальный этап движения недостаточно для мысленного восстановления всей траектории.

Возьмем в качестве примера предложение:

Go get it out of the refrigerator and bring it here ('Пойди возьми его из холодильника и принеси сюда') — следующее за утверждением *I need the milk* ('Мне нужно молоко').

В нем реализован вариант (1) — максимальное окно:

1) окно внимания охватывает все событие целиком: начальный этап (*Go*), срединный (*get it out of the refrigerator*) и конечный (*bring it here*).

По аналогии с предыдущим примером, возможны и прочие способы кадрирования внимания, за исключением одного, ср.:

2) окно включает любые два из трех этапов пути:

- начальный и срединный: *Go get it out of the refrigerator,*
- начальный и конечный: *Go and bring it here,*
- срединный и конечный: *Get it out of the refrigerator and bring it here,*

3) окно включает один этап пути:

- начальный: *Go (высказывание помечено как «неправильное», потому что не позволяет мысленно восстановить всю траекторию движения),
- срединный: *Get it out of the refrigerator,*
- конечный: *Bring it here.*

Под фиктивной траекторией Талми понимает перемещение фокуса внимания по обозреваемой сцене [там же: 247]. Характерно, что говорящий при описании этого воображаемого пути прибегает к помощи ровно тех же языковых средств, посредством которых обозначаются «реальные» траектории движения, например конструкции «*X be across Y from Z*», ср.:

My bike is across the street from the bakery ('Мой велосипед стоит через дорогу напротив булочной').

Jane sat across the table from John ('Джейн села за стол напротив Джона').

Использование данной конструкции для описания фиктивного движения предполагает, что фокус внимания первоначально находится в пункте Z (*булочная, Джон*), затем пересекает Y (*дорога, стол*) и наконец доходит до точки X (*велосипед, Джейн*). В приведенных примерах окно внимания охватывает всю сцену целиком. Возможны и некоторые другие варианты, а именно:

(а) окно включает начальный и конечный этапы:

My bike is across from the bakery,
Jane sat across from John;

(b) окно включает серединный и конечный этапы:

My bike is across the street,
Jane sat across the table.

В примерах (а) опущение серединного этапа фиктивной траектории обычно не препятствует тому, что адресат — с опорой на контекст и речевые конвенции — успешно реконструирует описываемую ситуацию. В предложениях типа (b) адресат «вычисляет» начальную точку фиктивного движения либо из предшествующего текста, либо из текущего положения говорящего.

Обратимся теперь к каузативному событию, связанному с физическим воздействием на объект [там же: 249–258]. Каркас такого события представляет собой цепь непосредственно следующих друг за другом подсобытий:

- намерение агента, вызывающее телесное движение;
- телесное движение агента, запускающее цепочку физических действий;
- совокупность промежуточных действий, каждое из которых обусловлено предыдущим;
- предпоследнее подсобытие, оно же — непосредственная причина окончательного результата;
- окончательное подсобытие, воплощающее намерение агента.

Талми подчеркивает, что в большинстве языков каузативные конструкции обычно включают упоминание только об агенте — инициаторе события и окончательном результате, а все середин-

ные этапы опускаются. Ср., например: *I broke the window* ('Я разбил окно'), — где отсутствуют какие бы то ни было указания на телесные движения агента (например, нагнулся, поднял с земли камень, выпрямился, замахнулся и с силой бросил его вперед), движение камня по воздуху, его столкновение с окном и пробивание окна насквозь.

Из всех промежуточных этапов наибольшую вероятность быть выраженным, т. е. попасть в окно внимания, имеет предпоследнее подсобытие, непосредственно каузирующее окончательный результат. В английском языке оно регулярно обозначается оборотом «*by* + Gerund», ср.:

I broke the window by hitting it with a rock (букв. 'Я разбил окно тем, что попал в него камнем').

Примечательно, что эта конструкция оказывается неприемлемой для обозначения других промежуточных этапов, ср.:

I broke the window...
**by grasping a rock with my hand* ('тем, что взял в руку камень'),
**by lifting a rock with my hand* ('тем, что поднял камень'),
**by swinging a rock with my arm* ('тем, что замахнулся камнем'),
**by propelling a rock through the air* ('тем, что с силой пустил камень по воздуху'),
**by throwing a rock toward it* ('тем, что бросил камень в направлении его'),
**by throwing a rock at it* ('тем, что бросил в него камень').

С когнитивной точки зрения существенно, что именно срединные этапы события (будь то движение или каузация) нередко оказываются невыраженными: намерение агента относительно наступления определенного события или состояния и наступление этого события / состояния выдвигаются на передний план и как бы «склеиваются» друг с другом, а промежуточные этапы остаются в тени. Размышляя о преимуществах такого осмысления события, при котором намерение и его реализация соединяются как будто встык (*conceptual splicing*), Талми отмечает, что оно сочетает в себе факторы постоянства и пластичности. С одной стороны, сохраняется общая схема достижения цели (*goal schema*), с другой — способы ее достижения могут варьировать. В этом плане устройство языка повторяет существенные особенности других когнитивных систем [там же: 255–258].

Вложенность

Как отмечалось выше, вложенность представляет собой один из трех организующих принципов, присущих схематическим категориям. Его суть заключается в том, что одно грамматически выражаемое понятие может оказаться вложенным в другое, а то, в свою очередь, — в третье и т. д.

Вложенность конфигурационной структуры может быть показана на примере следующего ряда предложений [Талми 1999, № 6: 108]:

I saw a duck [...in the valley] ('Я видел утку [...в долине]').

I saw ducks ('Я видел уток').

I saw a group of 5 ducks ('Я видел группу из 5 уток').

I saw groups of 5 ducks each ('Я видел группы по 5 уток в каждой').

I saw 3 ponds full of groups of 5 ducks each ('Я видел 3 пруда по 5 уток в каждой').

Мы видим, что первоначально униплексный объект (*утка*) претерпевает когнитивную операцию мультиплицирования (*утки*). Полученный результат ограничивается и вновь концептуализируется как униплекс (*группа из 5 уток*) и снова мультиплицируется (*группы уток*). Наконец, новая мультиплексность окончательно ограничивается (*3 пруда с группами уток*).

Схематическая система перспективы также может демонстрировать вложенность [там же: 109–110]. Так, в предложении:

At the punchbowl, John was about to meet his first wife-to-be ('У чаши с пуншем Джону предстояло встретить свою будущую первую жену') —

можно выделить несколько точек перспективы (рис. 23). Самая ранняя точка (*A*) устанавливается выражением *be about to* ('предстоять') и связана с моментом чуть раньше встречи Джона с определенной женщиной (точка *B*). Выражение *wife-to-be* ('будущая жена') сигнализирует о точке (*C*), когда эта женщина станет женой Джона. Слово *first* ('первый') ведет еще далее вперед, к следующей жене или женам Джона (*D*). Наконец, точка зрения говорящего в момент речи (*E*) устанавливается прошедшим временем глагола *was*. Таким образом, вложенность в данном примере предполагает включение более ранних точек зрения в сферу наблюдения, осуществляемого с позиций текущего момента.

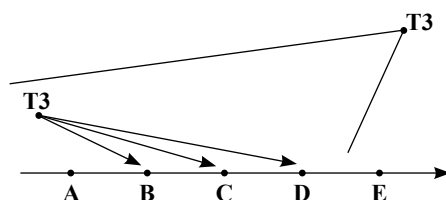

Рис. 23. Вложенность перспективы [Талми 1999, № 6: 109]

Примером вложенности внимания (точнее, фокуса внимания) может служить предложение:

The customer was sold a vase ('Покупателю продали вазу'), —

в котором «объектив наведен» на покупателя, но некоторое вторичное внимание уделяется и продавцу за счет употребления глагола *sell* ('продавать'). Хотя мы и «смотрим» на покупателя, а продавец находится как бы «за кулисами», действия продавца кажутся более активными, а покупатель выглядит скорее пассивным получателем.

Наличие в рассмотренном примере двух фокусов внимания (основного и второстепенного, вложенного) становится очевидным, если сравнить его с другим предложением, описывающим ту же ситуацию:

The customer bought a vase ('Покупатель купил вазу'), —

где за счет лексики *buy* ('покупать') все внимание сконцентрировано на покупателе, а роль продавца отодвинута на задний план [там же: 110–112].

Динамика сил

Четвертая схематическая система получила название «динамики сил» (*force dynamics*). Талми определяет ее как семантический компонент языка, касающийся взаимодействия противоположных сил, например, внутреннего стремления объекта к движению или покою, противодействия этому стремлению со стороны другого объекта, сопротивления противодействию, преодоления сопротивления, столкновения, блокировки проявления силы, снятия этой блокировки и пр. [Talmy 1996: 277]. Называя динамику сил

«забытой семантической категорией» [Talmy 1986: 67], автор тем самым подчеркивает отсутствие каких бы то ни было систематических исследований по данной проблеме в лингвистике.

Сравним предложения [там же: 69]:

The ball was rolling along the green ('Мяч катился по газону') vs. *The ball kept (on) rolling along the green* ('Мяч продолжал катиться по газону').

Если в первом из них движение мяча представлено как автономное явление, нейтральное с точки зрения динамики сил, то во втором употребление конструкции «*keep (on) + Gerund*» предполагает некоторое силовое взаимодействие. Возможно, естественная тенденция мяча к остановке преодолевается воздействием на него внешней силы (например, ветра), или инерция мяча в описываемый момент столь велика, что превосходит сопротивление среды (силу трения о траву).

Динамика сил может проявляться не только в сфере физических взаимодействий, но и в ситуациях, связанных с моделями поведения и внутренними психологическими состояниями, ср. [там же]:

He didn't close the door ('Он не закрыл дверь') vs. *He refrained from closing the door* ('Он не стал закрывать дверь').

She's polite to him ('Она обращается с ним вежливо') vs. *She's civil to him* ('Она проявляет любезность в отношении к нему').

Как видно из последней пары предложений, отдельные значения, связанные с динамикой сил, могут быть лексикализованы в языке, однако Талми интересуют прежде всего способы выражения данной категории элементами закрытых классов.

Для описания типов ситуаций, связанных с проявлением динамики сил, Талми вводит понятия «агонист» (*agonist*) и «антагонист» (*antagonist*). Агонист — это тот из двух взаимодействующих объектов, который находится в фокусе и характеризуется с точки зрения его внутренней тенденции (к движению или покою) и результата взаимодействия с антагонистом. Для наглядности автор прибегает к схематическим изображениям (рис. 24).

Выделяются три основных типа ситуаций, связанных с проявлением динамики сил.

Первый тип — это стабильные модели силовой динамики (*steady-state force dynamic patterns*). Они включают в себя четыре подтипа, представленные следующими примерами (рис. 25):

- (a) *The ball kept rolling because of the wind blowing on it* ('Мяч продолжал катиться под воздействием на него порывов ветра').
- (b) *The shed kept standing despite the gale wind blowing against it* ('Сарай продолжал стоять несмотря на порывы шквального ветра').
- (c) *The ball kept rolling despite the stiff grass* ('Мяч продолжал катиться несмотря на жесткую траву').

Агонист	○	Антагонист	⌋
Внутренняя тенденция:		к движению	>
		к покою	●
Результирующее состояние:		движение	>
		покой	—●—
Баланс сил:		более сильный участник	+
		более слабый участник	-

Рис. 24. Условные обозначения для описания динамики сил [Talmy 1986: 70].

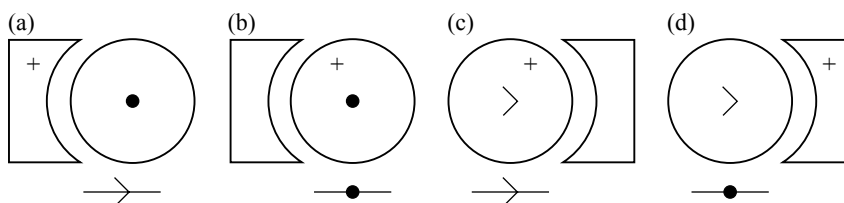

Рис. 25. Стабильные модели силовой динамики [Talmy 1986: 71]

(d) *The log kept lying on the incline because of the ridge there* ('Бревно продолжало лежать на склоне холма, не скатываясь вниз, благодаря насыпи').

Данные подтипы различаются между собой значениями следующих трех параметров:

- 1) Внутренняя тенденция агониста:
  - к покою (a, b);
  - к движению (c, d).
- 2) Результирующее состояние агониста:
  - движение (a, c);
  - покой (b, d).

3) Агонист по отношению к антагонисту:

- слабее (a, d);
- сильнее (b, c).

В то же время у каждого из них есть по одному общему параметру с любым другим подтипом.

Второй тип представлен подвижными моделями силовой динамики (*shifting force dynamic patterns*). В них антагонист не воздействует с постоянной силой на агониста, а лишь дает некий толчок, приводящий к изменению состояния агониста. Здесь также возможны четыре варианта в зависимости от внутренней тенденции агониста, характера воздействия антагониста и результирующего состояния агониста (рис. 26):

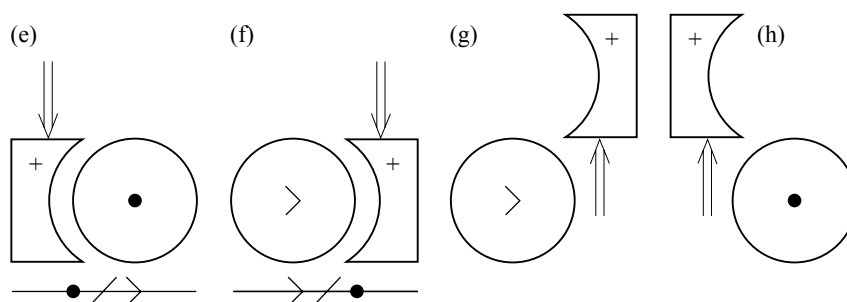

Рис. 26. Подвижные модели силовой динамики [Talmy 1986: 74]

(e) *The ball's hitting it made the lamp topple from the table* ('Мяч ударил по лампе, и она упала со стола').

(f) *The water's dripping on it made the fire die down* ('В огонь попала вода, и он погас').

(g) *The plug's coming loose let the water flow from the tank* ('Затычка выпала, и вода вытекла из резервуара').

(h) *The stirring rod's breaking let the particles settle* ('Мешалка сломалась, и частицы осели на дне').

Как и в случае стабильных моделей, каждая пара предложений характеризуется общим значением какого-то одного из релевантных параметров, ср.:

1) Внутренняя тенденция агониста:

- к покою (e, h);
- к движению (f, g).

2) Характер воздействия антагониста:

- каузация (e, f);
  - позволение (letting) (g, h).
- 3) Результирующее состояние агониста:
- начало движения (e, g);
  - завершение движения (f, h).

Наконец, выделяется третий тип ситуаций, связанных с проявлением динамики сил, а именно вторичные стабильные модели силовой динамики (*secondary steady-state force dynamic patterns*). Вторичными они называются потому, что образованы от собственно стабильных моделей силовой динамики путем изменения роли антагониста. Если в стабильных моделях антагонист активно воздействовал на агониста, то здесь наблюдается невмешательство антагониста в положение агониста (рис. 27):

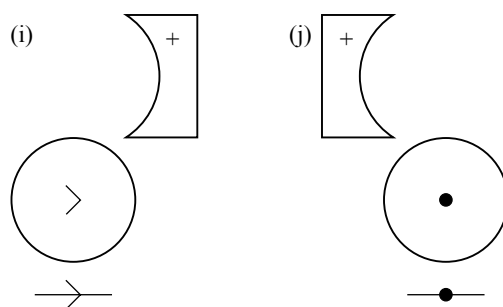

Рис. 27. Вторичные стабильные модели силовой динамики [Talmy 1986: 76].

- (i) *The plug's staying loose let the water drain from the tank* ('Затычка не была воткнута, и вода вытекла из резервуара');
- (j) *The fan's being broken let the smoke hang still in the chamber* ('Вентилятор был сломан, и дым неподвижно висел в зале').

Талми утверждает, что введенное им понятие динамики сил является обобщением традиционного понятия каузации, что позволяет раздвинуть привычные рамки последнего и включить в рассмотрение не только прототипические ситуации каузирования действия, но и ситуации каузирования покоя. Динамика сил, по мнению автора, дает возможность с единых позиций подойти как к анализу ситуаций, связанных с собственно каузированием, так и к случаям попустительства тому или иному ходу вещей, позволения событию случиться. Другое достоинство своего подхода Талми видит в опровержении взгляда на каузацию как на примитивное понятие. Выделение таких компонентов силовой динамики

ки, как агонист, антагонист, их сила, внутренняя тенденция, результирующее состояние, воплощает новое представление о каузации как о сложном концептуальном целом [там же: 81–82].

Связь грамматики языка с другими когнитивными системами

Анализ схематических категорий и систем приводит Талми к заключению, что «структурирование, осуществляемое грамматическими средствами в языке, по целому ряду функций и характеристик соответствует структурированию в других крупных когнитивных системах, таких как зрительное восприятие и логическое мышление» [Талми 1999, № 6: 112]. Главная функция такого структурирования, общая для когнитивных систем, по-видимому, заключается в обеспечении концептуальной связности рассматриваемой сцены [там же].

Действительно, именно грамматические элементы задают структуру когнитивной репрезентации, служат своеобразными строительными лесами или каркасом, на который накладывается содержательный материал. Без грамматического структурирования любая выборка лексически выражаемых понятий, присутствующих в предложении, будет всего лишь набором элементов, а не их комплексом, передающим мысль. Но системе зрительного восприятия также присуща связность. Сумбур оптических ощущений, имеющий место в любой момент восприятия сцены, делается связным благодаря способности человека (приобретаемой в раннем детстве) к выявлению ее структурных очертаний.

Талми допускает, что многие из рассмотренных схематических категорий (например, состояние ограниченности и уровень экземпляльности) соответствуют структурирующим факторам зрительного восприятия. Более того, похоже, что три схематические системы — конфигурационная структура, перспектива и распределение внимания — во всей своей целостности имеют аналоги в зрительном восприятии [там же: 115].

С другой стороны, в языке есть грамматические категории, не существенные для системы зрительного восприятия — к примеру, *статус реальности*, выражающийся показателями наклонения, или *статус знания* (грамматическая категория эвиденциальности). Зато эти категории, по-видимому, имеют параллели в нашей когнитивной системе рассуждения и логического вывода [там же: 117].

Подводя итог, Талми выдвигает предположение о том, что каждая из главных когнитивных систем обладает, во-первых, некоторыми присущими только ей структурирующими свойствами, во-вторых, свойствами, которые присущи и другим когнитивным системам, и, в-третьих, свойствами, общими для всех систем. Таким образом, когнитивная организация представляет собой модель пересекающихся систем, и ее исследование требует сотрудничества всех когнитивных дисциплин [там же].

2. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

Схемы и их свойства

Из всего множества свойств и отношений, которые могут выражаться элементами закрытых классов, Талми особенно интересуют особенности языковой концептуализации пространства. Автор обращает внимание на то, что представление пространственных отношений в языке всегда носит схематический характер: грамматическая единица неизбежно «высвечивает» лишь отдельные стороны обозначаемой сцены, игнорируя все остальные (при этом «неучтенные» аспекты могут варьировать в широком диапазоне, никак не ограничивая возможность применения данной единицы). Можно сказать, что каждый грамматический элемент с пространственной семантикой задает некоторую схему (*schema*), которая приложима к целому семейству конфигураций, обладающих общими свойствами [Talmy 1983: 258].

Схемам присущи следующие характеристики [там же: 258–264]:

- 1) идеализация,
- 2) абстракция,
- 3) языковая топология.

Суть идеализации состоит в том, что употребление грамматического элемента для описания сцены всегда сопряжено с «высвечиванием» каких-то отдельных свойств объекта, существенных для данной схемы. Так, для схем, задаваемых английскими предлогами *from* и *near*, важно, чтобы соответствующие предметы были приблизительно равны по трем измерениям и, следовательно, могли быть осмыслены в виде точки. При этом «масштаб» ситуации не играет никакой роли, ср.:

A pelican 20 feet from the boulder ('Пеликан в двадцати футах от валуна'),
An asteroid near the planet ('Астероид около планеты').

Аналогичным образом, предлог *along* ('вдоль') может употребляться по отношению к любому предмету, у которого одна из сторон гораздо длиннее, чем две другие (например, карандаш, небоскреб и пр.); сам предмет при этом концептуализируется как линия.

Абстракция — это оборотная сторона идеализации: если идеализация связана с выявлением у объекта очертаний, соответствующих данной схеме, то абстракция означает отвлечение от всех остальных его свойств. В качестве примера можно привести схему предлога *across* ('через, поперек'), которая, хотя и предъявляет к объекту целый ряд требований, не содержит ограничений на тип поверхности (суша или вода) и на наличие / отсутствие боковых границ (рис. 28).

Итак, схемы определенным образом идеализируют объект, «замечая» в нем лишь основные геометрические очертания (точки, линии, плоскости и пр.) и игнорируя важные физические характеристики. Более того, для схем обычно несущественны и конкретные контуры, углы и расстояния между составляющими их точками, линиями и плоскостями, т. е. параметры, присущие метрическому пространству, классической геометрии Эвклида. Для выражения этих характеристик в языках мира используются преимущественно лексические единицы, ср.: *square* ('квадратный'), *straight* ('прямой'), *equal* ('равный'), числительные и пр. Грамматические же элементы структурируют пространство иначе — с точки зрения его топологических свойств. Они описывают пространство в терминах относительных, качественных, приближительных — а не абсолютных, количественных и точных [Talmy 1983: 262; Талми 1999, № 1: 96–100].

Таким образом, можно сказать, что грамматические элементы выражают скорее понятия, связанные с топологическим пространством¹, — пространством, из которого изъяты мера и система координат, но в котором сохраняются отношения соседства, вклю-

---

¹ «Топологическое пространство — основной объект изучения топологии. Понятие топологического пространства можно рассматривать как обобщение понятия геометрической фигуры, в котором мы отвлекаемся от свойств наподобие размера или точного положения частей фигуры в пространстве, и сосредотачиваемся только на взаимном расположении частей. Топологические пространства возникают естественно почти во всех разделах математики» [Топологическое пространство].

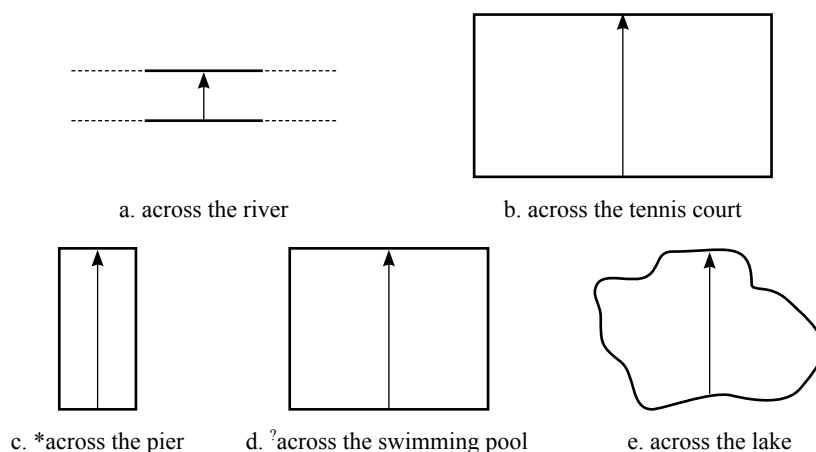

Рис. 28. *Across* [Talmy 1983: 260]

ченности / исключенности, прерывности / непрерывности¹. Здесь уместно вспомнить упоминавшуюся в предыдущей главе нейтральность грамматических элементов по отношению к абсолютной / измеренной величине (расстояния, размера и т. д.), форме / контуру линии и объему. В частности, масштаб ситуации не влияет на выбор предлога, ср.:

The lamp stood in the box ('Лампа стояла в коробке') vs. *The building stood in the valley* ('Здание стояло в долине').

The ant crawled across my palm (букв. 'Муравей полз через мою ладонь') vs. *The bus drove across the country* ('Автобус ехал через <всю> страну').

Комментируя подобные факты, Талми отмечает, что топологию часто называют «геометрией резинового листа» (*rubber-sheet geometry*), который может быть растянут до требуемого размера. «На

¹ Согласно психологам, топологическое пространство ранее всего приобретается ребенком и на протяжении всей жизни служит основой для восприятия реальности. Ж. Пиаже, правда, утверждал, что по мере развития человека топологическое пространство все более вытесняется евклидовым, однако современные исследователи склоняются к тому, что этот процесс не носит всеобъемлющего характера и в сознании человека сосуществуют различные формы восприятия пространства [Копосов 2001: 36–43]. Субъективные особенности представлений человека об окружающей пространственной среде и их степень соответствия реальной топографии местности имеют значение не только для когнитивных исследований, но и для прикладных задач в области архитектуры, градостроительства, дизайна и пр. (см., напр., [Линч 1982] и публикации лаборатории Space Syntax Group на <http://www.spacesyntax.org>).

первый взгляд, несложно иметь в языке две грамматические формы или более, которые относятся к одной и той же геометрической схеме, но различаются между собой отнесенностью к разным участкам на шкале величины: например, одну форму со значением 'в' для емкостей размером с полчашки, а другую — со значением 'в' для емкостей размером с океан. Но что примечательно: за вычетом немногих спорных исключений, кажется, что языки избегают подобных разграничений в подсистемах закрытых классов» [Талми 1999, № 1: 101–102].

Языковая топология не вполне совпадает с топологией математической. Например, английский предлог *in* ('в') нейтрален по отношению к закрытости (замкнутости) вместилища, ср.: *in the bowl* ('в миске') vs. *in the ball* ('в шаре'). Для его употребления также несущественно, является ли поверхность вместилища сплошной, ср.: *in the bell-jar* ('в стеклянном сосуде') vs. *in the birdcage* ('в птичьей клетке'). Эти параметры игнорируются топологической системой языка, но для математической топологии они являются значимыми [там же: 102].

Выбор схемы

Само собой разумеется, что один и тот же объект может участвовать в различных пространственных конфигурациях и, следовательно, подвергаться разным схематизациям. К примеру, коробка может «иметь» тарелку *на* ней, мяч *в* ней и куклу *в* 5 метрах *от* нее. Схема, задаваемая предлогом *на*, требует, чтобы коробка имела горизонтальную верхнюю поверхность, но для нее несущественно, есть ли внутри полое пространство. Для предлога *в*, напротив, первое свойство не имеет значения, а наличие полости является определяющим. Для отношения удаленности, выражаемого предлогом *от*, обе эти характеристики не играют никакой роли, зато важно, чтобы объект представлял собой целостный предмет, который можно концептуализировать в виде точки [Talmy 1983: 264–265].

Более интересно то, что к одной и той же пространственной конфигурации бывают приложимы разные схемы, дающие, соответственно, различные образы одной и той же ситуации. В английском языке подобная альтернативная схематизация возможна, например, при описании движения человека через поле, на котором растет пшеница, ср. [там же: 265]:

A man went across the wheatfield vs. *A man went through the wheatfield*, —

где предлоги *across* и *through* налагают каждый свою схему. Первый акцентирует тот факт, что человек пересекал участок горизонтальной поверхности от одного края до другого, но игнорирует среду, в которой это движение осуществлялось (пшеничные колосья). Второй, напротив, подчеркивает среду, но оставляет в тени горизонтальность и ограниченность поверхности.

Другие примеры альтернативной схематизации ситуации включают следующие пары предложений [там же: 266]:

Get this bicycle out of the driveway! ('Убери этот велосипед с дороги') vs. *Get that bicycle out of the driveway!* ('Убери тот велосипед с дороги') — в соответствии с тем, как говорящий мысленно расчленяет сцену;

The cabbage in the bin is all turning brown ('Вся капуста в ящике начала гнить') vs. *The cabbages in the bin are all turning brown* ('Все кочаны капусты в ящике начали гнить') — в зависимости от того, осмысляется капуста в ящике как масса или как совокупность дискретных предметов.

Во всех рассмотренных выше примерах именно говорящий выбирает конкретную схему из диапазона возможных. Однако, по мнению Талми, в некоторых случаях выбор между потенциальными альтернативами уже сделан и закреплён языком. Примером могут служить отдельные непоследовательности в языковой концептуализации схожих пространственных конфигураций: так, в английском языке автомобиль осмыляется как вместилище (*in / into / out of the car*), а автобус — как платформа (*on / onto / off of the bus*). Этому факту есть историческое объяснение, так как первоначально перемещение осуществлялось в открытых каретах и дилижансах. Кроме того, как замечает Талми, в отличие от легкового автомобиля, по салону автобуса можно ходить, и это, предположительно, подкрепляет использование схемы, акцентирующей горизонтальную поверхность, а не внутренний объём. С другой стороны, в немецком языке и легковые автомобили, и автобусы концептуализируются как вместилища. Это даёт автору основание утверждать, что язык обладает способностью навязывать своим носителям определённый способ осмысления объекта, одну схему, а не другую [там же: 266–267].

Обратимся теперь к тому, как множество потенциальных пространственных конфигураций «покрывается» схемами грамматических элементов в конкретном языке. Согласно традиционным представлениям, эти схемы должны обладать высокой степенью

смежности (не оставлять зазоров между собой), не пересекаться (т. е. находиться в отношениях взаимного исключения) и быть приблизительно равными по объемам тех семантических областей, которые ими «охватываются». Однако такая идеальная картина далека от действительности [там же: 276].

Прежде всего, в языке нет «континуума схем», где каждая отличалась бы от соседних лишь по одному параметру: на самом деле, каждая схема отличается от любой другой одновременно целым набором характеристик. Вследствие этого говорящий не всегда имеет в своем распоряжении «стопроцентно подходящую» схему, высвечивающую ровно те аспекты ситуации, которые он хочет подчеркнуть. Нередко ему приходится выбирать между более общей схемой, отражающей меньше характеристик описываемой сцены, чем он хочет выразить (*underspecific schema*), и излишне детализированной схемой, содержащей такие подробности, которые отсутствуют в его мысленном образе (*overspecific schema*) [там же: 269].

Поясним сказанное на примерах [там же: 270–271]. Допустим, требуется выразить тот факт, что некто шел по прерии. Какой английский предлог следует подставить в предложение *He walked ... the prairie*? Употребление предлога *across* предполагает, что путь пролегал от одного края ограниченного пространства до противоположного края, но в данном случае это не так. Не подходят и другие «кандидаты»: предлог *along* требует, чтобы прерия представляла собой узкую длинную полосу, *over* подразумевает выпуклую поверхность, *through* подчеркивает среду, через которую проходил субъект (например, колосья пшеницы), *around* — изогнутость траектории. Получается, что рассматриваемая ситуация попадает «между» схемами, задаваемыми английскими предлогами, все из которых оказываются излишне детализированными для нее.

Обратный случай — недостаточную подробность схемы — можно проиллюстрировать уже знакомой ситуацией, в которой человек переходит поле, на котором растет пшеница. Ресурсы грамматических элементов английского языка не позволяют одновременно отразить как ограниченность пространства поля (*A man went across the wheatfield*), так и среду, через которую он продвигался (*A man went through the wheatfield*), так что говорящему приходится делать выбор в пользу высвечивания либо одного, либо другого аспекта.

Очевидна также несостоятельность представления о том, что грамматические элементы (в данном случае предлоги) «покрыва-

ют» приблизительно равные по объему семантические области. Чтобы это было так, они должны были бы предъявлять примерно одинаковое число требований к описываемым сценам. Но на самом деле предлоги значительно варьируют с точки зрения «проработанности» своей схемы, что доказывается сравнением английских предлогов *across* и *near*, первый из которых предъявляет к описываемой сцене 9 требований (см. ниже), а последний требует лишь, чтобы обозначаемый объект мог быть осмыслен в виде точки [там же: 276–277].

Согласно Талми, предлоги и дейктические выражения английского языка в совокупности позволяют отразить как минимум двадцать параметров, имеющих непосредственное отношение к пространственным конфигурациям. Очевидно, что охватить всевозможные их комбинации язык не в состоянии — для этого потребовались бы миллионы лексем. В действительности собственное выражение в английском языке имеют лишь отдельные комбинации параметров. Тем не менее они с достаточной плотностью и репрезентативностью покрывают эту как минимум 20-мерную, семантическую область [там же: 277–279].

Не следует забывать, однако, что даже те грамматические единицы, которые задают весьма подробные схемы, не способны отразить все аспекты описываемой ситуации. С этой точки зрения, роли говорящего и слушающего в процессе коммуникации сводятся к следующему. Говорящий стремится к тому, чтобы передать адресату полную картину соответствующей ситуации, вызвать в его сознании ее подробный образ. Перед ним стоит задача обозначения целого через части за счет выбора наиболее подходящей схематизации (т. е. элемента закрытых классов), а также соответствующих лексических единиц. Адресат же должен сделать обратное, а именно: по частям реконструировать целое, опираясь при этом не только на информацию, извлекаемую из грамматических и лексических единиц, но и на собственные знания о мире и понимание текущей речевой ситуации. По ходу дискурса полученный образ ситуации может дополняться и корректироваться [там же: 274, 279–280].

Фигура и Фон

Любая схема, используемая для обозначения пространственных конфигураций, предполагает выделение в описываемой сцене того, что Талми называет попеременно то первичным и вторичным объектами (*primary and secondary objects*), то соответственно

Фигурой (*Figure*) и Фоном (*Ground*). Заимствуя последнюю пару терминов из гештальтпсихологии, автор, однако, снабжает их своими определениями [Talmy 1983: 232]:

«Фигура — это движущийся или потенциально движимый предмет, местонахождение, путь, ориентация или направление которого неизвестно и нуждается в определении.

Фон — это неподвижный предмет, выполняющий функцию точки отсчета при определении местонахождения, пути, ориентации или направления Фигуры».

Очевидна содержательная близость между определенными таким образом понятиями Фигуры и Фона и понятиями траектора и ориентира в концепции Р. Лангакера; возможны и параллели с семантическими падежами Ч. Филлмора [там же: 232–233].

Итак, Фигура — это та «часть» сцены, которая находится в фокусе внимания и местонахождение и прочие пространственные характеристики которой описываются относительно другой «части» (Фона), расположение, а иногда и геометрические свойства которой уже известны адресату или считаются таковыми. Фон, таким образом, выполняет роль «референциального объекта» (*reference object*), ср. [там же: 230]:

The bike stood near the house ('Велосипед стоял рядом с домом').

The bike stood in the house ('Велосипед стоял в доме').

The bike stood across the driveway ('Велосипед стоял поперек дороги').

The bike rolled along the walkway ('Велосипед катился по аллее').

Фигура и Фон обладают набором стандартных характеристик, которые в значительной мере предопределяют распределение соответствующих ролей между «частями» сцены [там же: 230–231]:

	Фигура	Фон
1	Пространственные характеристики нуждаются в определении	Пространственные характеристики известны; используется в качестве точки отсчета
2	Более подвижная	Более закрепленный
3	Меньшая по размеру	Большой по размеру
4	Мыслится как геометрически более простая (часто в виде точки)	Мыслится как более сложный по своей конфигурации
5	Более когнитивно выделенная	Менее когнитивно выделенный
6	Недавно стала частью сцены / вошла в сознание адресата	Имеется на сцене / в сознании адресата с более раннего времени

Подчеркивая значимость данных понятий для семантического анализа, автор указывает на разную степень приемлемости таких предложений, как:

The bike is near the house ('Велосипед стоит рядом с домом') и [?]*The house is near the bike* ('Дом стоит рядом с велосипедом'), — которую можно объяснить только функциональной асимметрией между Фигурой и Фоном. Иначе остается неясным, почему данные предложения неравноценны — ведь с точки зрения формальной семантики отношение *be near* является симметричным [там же: 231].

Хотя в большинстве схем Фигура, действительно, предстает в виде более простого геометрического объекта по сравнению со сложной конфигурацией Фона, она тоже может подвергаться подробной «прорисовке». Рассмотрим схему, задаваемую английским предлогом *across*, на примере предложения:

The board lay across the railway bed ('Доска лежала поперек железнодорожного полотна').

Эта схема содержит целый ряд требований к геометрической форме как Фигуры (F), так и Фона (G), а также к их взаимному расположению, ср. [там же: 235]:

- 1) F узкий и длинный, обычно ограниченный с обоих концов;
- 2) G имеет форму ленты;
- 3) ось F (обычно, но необязательно также ось G) расположена горизонтально;
- 4) оси F и G в грубом приближении перпендикулярны;
- 5) F расположен параллельно плоскости G;
- 6) F касается плоскости G, но не лежит на ней;
- 7) длина F не меньше, чем ширина G;
- 8) F касается обоих краев G;
- 9) выступ F за пределы G с какой-то одной стороны не превышает существенно его выступа с другой стороны, а также ширины G.

Талми утверждает, что несоблюдение любого из перечисленных условий делает невозможным употребление предлога *across*, причем в некоторых случаях его можно заменить другим предлогом. Например, если F не просто касается плоскости G, а лежит на ней, уместен предлог *in*; если ось F не перпендикулярна оси G, а, скорее, параллельна — предлог *along*; если же длины F недостаточно для того, чтобы пересечь G, следует употребить предлог *on* [там же].

Все же в целом такая подробная «прорисовка» Фигуры нетипична. Что касается Фона, то он в разных схемах может представлять в виде различных геометрических форм, ср. [там же: 237–238]:

- точки: *The bike stood near the boulder* ('Велосипед стоял около валуна');
- пары точек: *The bike stood between the boulders* ('Велосипед стоял между двух валунов');
- набора из нескольких точек: *The bike stood among the boulders* ('Велосипед стоял среди валунов');
- скопления множественных, близко расположенных друг к другу точек, осмысляемых как масса: *The toy bike stood amidst the wheatstalks* ('Игрушечный велосипед стоял посреди пшеничных колосьев');
- среды: *The tuna swam through the minnows / the seaweed / the polluted water* (букв. 'Тунец плыл сквозь стаи мелких рыбок / водоросли / загрязненную воду').

Проблема асимметричного Фона

Во всех рассмотренных выше схемах подразумевалось, что Фон является в некотором роде «геометрически правильным» — без выраженной асимметрии между его отдельными частями и без заданной ориентации или направления движения. Например, схема предлога *across* в выражении *across the field* ('через поле') не ограничивала выбор одного или другого конца поля в качестве начальной точки движения. Однако многие языковые элементы, служащие для описания пространственных отношений, предполагают наличие у референциального объекта таких противопоставленных частей, как верх и низ, правая и левая стороны, передняя и задняя части. При этом обычно какая-то одна часть (и только она) идентифицируется по умолчанию, без специальных указаний: в структуре объекта она является *выделенной* (*biased*) [там же: 240–241].

Например, в предложении:

The bike is on the right of the church, —

утверждается, что велосипед (Фигура) стоит справа от церкви (Фона); при этом подразумевается, что правую сторону следует определять стоя лицом к фасаду (а не какой-либо другой стороне).

Если Фон не имеет выделенной части, то интерпретация подобных выражений осуществляется исходя из положения и ориентации говорящего (либо слушающего, если говорящий специально «подстраивается» под его расположение и смотрит на сцену его глазами) — он тогда выступает в качестве внешнего референциального объекта¹, обеспечивающего правильное определение местонахождения Фигуры относительно Фона, ср. [там же: 252]:

The bike is to the right of the tree (‘Велосипед стоит справа от дерева’).

Примечательно, что, в отличие от оппозиции *справа* — *слева*, отношения *спереди* — *сзади* неодинаково интерпретируются в разных культурах и, более того, даже внутри одной культуры мнения людей могут расходиться. В подтверждение Талми ссылается на данные Клиффорда Хилла, который провел следующий эксперимент. Он расположил перед испытуемыми в ряд на разном удалении от них небольшие предметы: ближе всего была перчатка, далее мяч и, наконец, бита, — и задавал им вопрос: *Что расположено перед мячом?* Опыт проводился отдельно с американцами и носителями языка хауса. Были получены следующие результаты: среди американцев 2/3 школьников и 90% студентов ответили, что это перчатка, а 90% носителей хауса, наоборот, указали на битку [там же: 253].

Помимо той или иной части объекта выделенным может быть также направление его движения, ср. [там же: 241]:

John moved ahead in the line (‘Джон продвинулся вперед в очереди’),

John swam upstream (‘Джон плыл вверх по течению’).

В связи с рассматриваемой проблемой представляют интерес случаи неоднозначности, обусловленные возможностью как дейктического, так и недейктического прочтения. Один такой пример обсуждается в [Апресян 1995а: 635] — это предложение *Девушка*

---

¹ Человеческое тело с его верхней и нижней частями, передней и задней, правой и левой сторонами Талми отмечает в числе двух важнейших референциальных объектов, регулярно задействуемых языком для структурирования пространства (другим объектом является планета Земля с оппозициями *верх* — *низ*, *север* — *юг*, *восток* — *запад*) [Talmy 1983: 244–245]. Предполагается, что три «координаты» человеческого тела каким-то образом связаны с трехмерностью пространства, однако природа этой связи остается неясной [Топоров 1983: 252–253].

стояла перед машиной, допускающее двоякую трактовку: либо девушка стояла перед капотом по ходу движения автомобиля, либо между говорящим и автомобилем. Первая интерпретация учитывает присущую Фону асимметрию (наличие у автомобиля выделенного направления движения), вторая игнорирует этот факт, но зато принимает во внимание положение внешнего референциального объекта (говорящего).

Первичный и вторичный референциальные объекты

Положение Фигуры может характеризоваться по отношению к более чем одному референциальному объекту — в таком случае среди них различаются первичный и вторичный. Первичные референциальные объекты могут быть заключены внутри вторичных, как, например, в предложении [там же: 246]:

John is ahead of Mary ('Джон находится впереди Мэри' — например, в очереди).

Чтобы определить местонахождение Фигуры (Джона), следует знать не только расположение Фона (он же первичный референциальный объект) — Мэри, но и направление другого объекта, в некотором смысле включающего Мэри, а именно очереди.

Роль вторичного референциального объекта часто выполняет Земля, ср. [там же]:

The mosaic is on the east wall of the church ('Мозаика расположена на восточной стене церкви'), —

где первичный референциальный объект — *восточная стена церкви* — отсылает к одной из базовых ориентаций, присущих нашей планете.

Другое соотношение между первичным и вторичным референциальными объектами обнаруживается в предложениях типа [там же: 250]:

The bike is on the side of the church toward the cemetery ('Велосипед стоит у церкви со стороны кладбища'),

The bike is on this side of the church ('Велосипед стоит у этой стены церкви'), —

где первичный референциальный объект (сторона церкви) находится вне вторичного. Последний в этом случае характеризуется выделенностью, сопоставимой с выделенностью Фигуры, ср. кладбище в первом примере и говорящего, подразумеваемого местоимением *this*.

Наконец при описании местоположения Фигуры может быть задействован целый «референциальный комплекс» (*reference complex*), как в предложении [там же: 251]:

The bike is across the street, down the alley, and around the corner from the church, —

представляющем, по сути, руководство по поиску велосипеда (перейти улицу, пройти по аллее и повернуть за церковь).

Языковая концептуализация пространства: дальнейшие исследования

Ценность трудов Талми, посвященных языковой концептуализации пространственных отношений, для когнитивной лингвистики в значительной мере определяется уже самим предметом исследования. Пространственные категории считаются онтогенетически первичными, а следовательно, основополагающими для человеческого сознания, отсюда — особый интерес к ним со стороны когнитологов. Ср.: «Пространство лежит в основе концептуализации и, следовательно, в основе новой когнитивной парадигмы в лингвистике, которая стремится исследовать пространственный базис концептуализации в языке и посредством языка» [Pütz 1996: xi]. Тема «Язык и пространство» становится все более популярной, о чем свидетельствует стремительный рост числа соответствующих публикаций: из наиболее заметных укажем на [Herskovits 1986; Vandeloise 1986; Pütz, Dirven 1996; Bloom, Peterson, Nadel, Garrett 1996; Levinson 2003; Tyler, Evans 2003; Zee, Slack 2003; Carlson, Zee 2005; Hickmann, Robert 2006]¹.

---

¹ В качестве другого источника интереса к данной теме укажем на возрождение локализма — направления, провозглашающего пространственные отношения единственно правильной основой для истолкования значений языковых конструкций. Возникнув в Германии в первой половине XIX в., локализм вновь стал популярным в XX в. в связи с выходом в свет книги [Anderson 1971]. Наиболее заметный его вклад в семантические исследования связан с интерпретацией видо-временных и падежных значений в индоевропейских языках (см., напр., [Miller 1972; 1985; Anderson 1973]).

Тот факт, что пространственным категориям принадлежит центральное место в когнитивных исследованиях, нашел отражение в настоящей книге — достаточно вспомнить ориентационные метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, кинестетические схемы образов, аспекты образности Р. Лангакера, исследования в области исторической семантики, анализ семантики предлогов и приставок с пространственными значениями.

Напоследок следует упомянуть о еще одном направлении исследований, имеющем непосредственное отношение к языковой концептуализации пространства и логически дополняющем рассмотренные ранее работы в области синхронической семантики. Как известно, в современной лингвистике различают два противоположных подхода к изучению значений: семасиологический и ономасиологический. Одним из первых это разделение отчетливо сформулировал Ф. Дорнзайф, писавший, что семасиология идет в направлении «от звучания к содержанию» и пытается ответить на вопрос: «Что значит данное слово, сочетание слов?», в то время как ономасиология движется «от содержания к выражению» и ставит вопрос иначе: «Какие существуют слова, сочетания слов для выражения определенного содержания?» (цит. по: [Новиков 1982: 80–81]).

Исследования, рассмотренные в гл. IV.3, лежат в русле семасиологического подхода к лексической семантике. Здесь мы обратим внимание на некоторые работы, которые реализуют обратную, ономасиологическую, перспективу.

Начнем с понятий *длина* и *ширина*, а именно с исследования того, как данные параметры приписываются сторонам трехмерных объектов. В свое время представитель генеративной теории Манфред Бирвиш определил длину как максимальное, главное невертикальное измерение предмета, а ширину как его вторичное невертикальное измерение и предложил описывать значения данных слов в терминах семантических маркеров ($\pm$ Maximum) и ($\pm$ Second) [Bierwisch 1967]. При этом он считал само собой разумеющимся, что данные понятия носят объективный характер (не зависят от «человеческого фактора»), а значит, им можно дать универсально пригодное определение.

Однако, как было показано в работе [Vandeloise 1988], подход Бирвиша «работает» не всегда. Есть много ситуаций, в которых выбор между английскими словами *length* ('длина') и *width* ('ширина') при номинации той или иной стороны предмета делается с учетом и других факторов — назначения предмета, направления

его движения, положения говорящего и пр. К разным видам объектов применимы разные правила, диктующие, что следует считать их длиной, а что — шириной, и определения Бирвиша — не более чем одно из таких правил, хотя и достаточно мощное, способное одержать верх в условиях конкуренции с другим(и). Показав недостаточность определений Бирвиша, автор работы — Клод Ванделуаз — предложил взамен собственный набор правил и выявил «прагматические мостики» (*pragmatic bridges*) между ними, обеспечивающие внутреннюю целостность рассматриваемых понятий. В более широкой перспективе ценность данного исследования для когнитивной лингвистики связана с показом принципиальной невозможности объективного определения пространственных понятий — в отвлечении от того, как человек концептуализирует окружающий мир.

Обратимся теперь к другой «серии» исследований — работам, посвященным так называемым «позиционным предикатам» (глаголам *стоять*, *лежать*, *сидеть*) [Serra Borneto 1996; Кравченко 1998; Рахилина 1998б]. В первом из них анализируется употребление немецких глаголов *liegen* ('лежать') и *stehen* ('стоять') для обозначения положения неодушевленных предметов. Автор выделяет следующие два фактора, которые, по его мнению, влияют на выбор глагола:

- аналогия с позами человека, ср.:
Paul steht neben die Tür ('Пауль стоит около двери') → *Die Flasche stehen auf dem Tisch* ('Стаканы стоят на столе'),
Paul liegt auf dem Bett ('Пауль лежит на кровати') → *Die Zeitung liegt auf dem Tisch* ('Газета лежит на столе');
- наличием выделенной части (примером может служить доннышко у тарелки, миски и т. п.): если она имеется, используется глагол *stehen*, если нет — *liegen*, ср.:
Die Teller stehen auf dem Tisch ('Тарелки стоят на столе'),
Die Steine liegen auf der Straße ('Камни лежат на улице').

В своих комментариях по поводу последнего фактора автор ссылается на данные психологии, согласно которым вертикальное измерение для человека является более важным, маркированным: ребенок раньше начинает различать стоящие, вытянутые вверх предметы и в дальнейшем это измерение остается перцептивно выделенным.

Для обозначения положения более абстрактных сущностей в немецком языке, по свидетельству автора, используется глагол *liegen*:

Der Punkt liegt auf der Gerade ('Точка лежит на прямой').
Frankfurt liegt am Main (досл. 'Франкфурт лежит на Майне').

В работе отмечается, что если какой-то контекст допускает употребление обоих глаголов, то говорящий в своем выборе руководствуется соображениями, связанными с характеристиками Фигуры и Фона: *stehen* более подчеркивает Фигуру, а *liegen* выделяет Фон.

В исследовании [Кравченко 1998] рассматриваются особенности употребления русских глаголов *сидеть*, *стоять* и *лежать* применительно к положению конкретных объектов. Автор делает ряд интересных наблюдений над фактами языка: например, что крупные животные и птицы с длинными ногами, подобно человеку, могут *стоять*, *сидеть* и *лежать*, в то время как в отношении мелких животных, птиц и насекомых глагол *стоять* не употребляется. Н. Н. Кравченко объясняет это тем, что в силу их небольшого размера, невозможно различить, согнуты у них ноги или распрямлены, и потому эти животные, согласно языковой картине мира, могут только *сидеть* или *лежать*.

В отношении неодушевленных предметов автор отмечает, что геометрические свойства здесь оказываются не столь существенны, а главную роль играет функциональный признак. Нередко про один и тот же предмет можно сказать, что он *стоит* и что он *лежит* — в зависимости от того, находится ли он в рабочем состоянии (в данный момент или вообще), ср.:

Вот здесь у меня лежит одно устройство vs. Вот здесь у меня стоит одно устройство.

В статье [Рахилина 1998б] эта идея получает дальнейшее развитие и подкрепление. Более того, она распространяется на объяснение сочетаемости глаголов *стоять* и *лежать* с абстрактными существительными, ср:

Пыль лежит на столе vs. Пыль стоит в воздухе (как бы «работает» — «пылит»).

По той же причине, по мнению автора, стоят *дым*, *пар*, *чад*, *мороз*, *тишина*, *крик*, *проблема*, *точка*, *подпись* и др.

У глагола *сидеть* также есть употребления, не мотивированные сидячей позой человека, ср.:

*Целый месяц сижу дома: ни в театр, ни на концерт.
На работу она не ходит: сидит с ребенком.
Два дня сидим без хлеба.
Сидеть на диете.*

Пытаясь объяснить, почему в подобных контекстах используется именно глагол *сидеть*, автор выдвигает предположение, что у него, также как и у глаголов *стоять* и *лежать*, есть некий определяющий смысловой компонент. Если для *стоять* и *лежать* такими компонентами являются соответственно 'функциональность' и 'полная нефункциональность', то для глагола *сидеть* это — 'фиксированность где-то, в рамках определенного пространства или ситуации'. Данная формулировка объясняет также, почему *гвоздь сидит в стене, пробка — в бутылке, репка — в земле, топор — на топорнице*. В заключение автор останавливается на некоторых «странностях» в употреблении глагола *висеть*, которым тоже находит когнитивное объяснение.

Завершая краткий обзор работ, посвященных семантике позиционных предикатов, отметим недавнюю коллективную монографию [Newman 2002], объединившую исследования, проведенные на материале различных языков мира.

Подводя итог исследованиям языковой концептуализации пространства, следует указать на растущее осознание лингвистами недостаточности чисто «геометрического» подхода к объяснению и описанию соответствующих фактов языка. Представление о пространстве, закрепленное в языке, по своей природе антропоцентрично и не может анализироваться «объективно», в отвлечении от человека. Для когнитивистов это служит очередным аргументом в пользу субъективистского подхода к анализу фактов языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как бы ни относиться к когнитивной лингвистике, трудно отрицать, что она состоялась. Это — данность современного языкознания, и как таковая она нуждается в изучении.

Любое новое научное направление, сознательно или нет, многое берет от предшественников, будь то путем притяжения или, наоборот, отталкивания. Не уставая подчеркивать свою оппозиционность по отношению к генеративной грамматике, представители когнитивного направления тем самым акцентируют последний момент: ведь когнитивная лингвистика в свое время возникла как реакция на кризис генеративизма. Тема преемственности звучит гораздо реже. О параллелях с более ранними исследованиями упоминают преимущественно деятели европейской когнитивной лингвистики, обращаясь при этом к научному наследию психологического этапа в развитии языкознания (трудам Г. Пауля и др.). Что же касается американских когнитивистов, то они очевидным образом многое наследуют от выдающихся деятелей менталистского направления — Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, — что само по себе вполне закономерно; удивляет лишь практически повсеместное отсутствие ссылок на их исследования, то ли вследствие незнания, то ли из-за нежелания признать чужое влияние. Можно предположить, что срабатывает сугубо американская боязнь оказаться чуть менее современным и оригинальным, чуть более связанным с традицией и ей чем-то обязанным.

Это влияние, однако, весьма ощутимо, причем не только в частных наблюдениях и замечаниях, но и в общих установках, касающихся сущности языка, задач лингвистики и ее места в системе гуманитарного знания. Именно Сепир и Уорф выдвинули языковое значение на передний план лингвистических исследований и еще в первой половине XX в., задолго до возникновения когнитологии и целого ряда смежных дисциплин, предсказали неизбежную интеграцию языкознания с другими науками. В своих размышлениях о статусе лингвистики Сепир указывал на то, что лингвисты «должны осознать, какое значение

их наука может иметь для интерпретации человеческого поведения в целом. Хотя бы того или нет, им придется все больше и больше заниматься теми проблемами антропологии, социологии и физиологии, которые вторгаются в область языка» [Сепир 1993: 265]. О грядущем расширении границ лингвистики писал и основоположник современной культурной антропологии Б. Малиновский, ср.: «...язык не может оставаться независимым и самодостаточным предметом исследования» (цит. по: [Taylor 1995: 19]); «...лингвистика будущего, особенно в том, что касается теории значения, превратится в изучение языка в его культурном контексте» [Малиновский 1999: 17]. Представляется, что из всех современных направлений в языкознании когнитивная лингвистика с ее открытостью, стремлением привлекать сведения из разных отраслей знания наиболее полно реализует указанную перспективу. Насколько плодотворным окажется этот путь, покажет время.

Когнитивная лингвистика широка и разнообразна, и в этом можно увидеть как недостаток (неоднородность направления, отсутствие у него четкой платформы и общей исследовательской программы), так и достоинство. Именно этот последний ракурс хочется обсудить в завершение книги. Многогранность когнитивной лингвистики позволяет разным исследователям найти в ней что-то «для себя». Для когнитологов и нелингвистов это прежде всего междисциплинарные аспекты соответствующих исследований. Лингвиста же может привлечь характерное для данного направления пристальное внимание к фактам языка — не только регулярным, общим для класса языковых единиц, но и к частным и даже единичным. Ведь с точки зрения когнитивной лингвистики все в языке важно и все требует объяснения — позиция, которая не может не вызвать симпатии у лингвиста *ex officio*, а также в силу присущей ему (как и любому носителю языка) того, что Ю. Н. Караулов назвал *amor linguae*.

Когнитивные исследования языка представляют интерес и ценность не только в профессиональном плане. По словам философа М. Джонсона, важная заслуга когнитивной лингвистики состоит в том, что она дает возможность осознать относительность наших ценностей, понятий и общественных институтов, необходимость их критического анализа, пересмотра и адаптации к меняющимся условиям. Показывая, что существуют разные способы осмысления одной и той же ситуации, различные системы морали, регулирующие общественную жизнь, когнитивная лингвистика подчеркивает невозможность установления единых аб-

солютных моральных принципов и критериев и раскрывает горизонты альтернативных возможностей и точек зрения. Она не обещает сделать нас мудрее, но помогает нам глубже понять, что значит быть человеком и какие перспективы открыты перед нами [Johnson 1992: 361, 365].

ЛИТЕРАТУРА

- Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. (а)
- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. (б)
- Арутюнова Н. Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. СЛЯ. 1978. Т. 37. № 4.
- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М., 1990.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Баранов А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А. Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. (а)
- Баранов А. Н.* Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. (б)
- Баранов А. Н.* Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя (предисловие редактора) // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. СЛЯ. 1997. Т. 56. № 1.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М., 1994.

- Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М., 1986.
- Безменова Н. А.* Теория и практика риторики массовой коммуникации. М., 1989.
- Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. 3-е изд. Тамбов, 2002.
- Бредемайер К.* Черная риторика: Власть и магия слова. 2-е изд. М., 2005.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006. (а)
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* „Metaphors We Live By“: интертекстуальные трансформации // *Respectus Philologicus*. 2006. № 10. (б)
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Васильев Л. М.* Полисемия // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. Вып. 1. Уфа, 1975.
- Вежбицкая А.* Прототипы и инварианты // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М. А. Кронгауз. М., 1996.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М., 1999.
- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. Т. 1, 2. М., 2006.
- Вендлер З.* О слове *good* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
- Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
- Гак В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988.
- Гак В. Г.* Рецензия на книгу: Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991 // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
- Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гачев Г. Д.* Наука и национальные культуры. Ростов-н/Д, 1992.
- Герасимов В. И.* К становлению «когнитивной грамматики» // Современные зарубежные теории. М., 1985.
- Гилярова К. А.* Радиальная структура значений как инструмент описания полисемии в когнитивной семантике (семантико-типологическое исследование прилагательного *круглый*) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 5.
- Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.

- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Демьянков В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX в. М., 1995.
- Демьянков В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
- Джонсон-Лэрд Ф.* Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
- Динсмор Дж.* Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1995.
- Добренко Е.* Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
- Зализняк А. А.* Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна, 1999.
- Зализняк А. А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: Проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Звегинцев В. А.* Семасиология. М., 1957.
- Звегинцев В. А.* Теоретическая лингвистика на перепутье // Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Звегинцев В. А.* Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
- Ивин А. А.* Основы теории аргументации. М., 1997.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Касевич В. Б.* О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998.
- Катц Дж.* Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
- Кацнельсон С. Д.* Семантико-грамматическая концепция У. Л. Чейфа // У. Л. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975.
- Кибрик А. Е.* Когнитивный подход к языку и типология // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.): Материалы. СПб., 2005.
- Клемперер В.* ЛГТ: Язык Третьего рейха. М., 1998.
- Копосов Н. Е.* Как думают историки. М., 2001.
- Кошелев А. Д.* Что лежит в основании языковой категории «игра»: частные признаки (Витгенштейн, Лакофф) или общее значение (Хёйзинга, Вежбицкая) // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006.
- Кравченко Н. Н.* Когнитивно-семантический анализ глаголов *сидеть*, *стоять* и *лежать* // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 5.
- Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

- Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М., 1995.
- Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова Е. С.* Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. СЛЯ. 1999. Т. 58. № 6.
- Кубрякова Е. С.* Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики с сфере словообразования // Известия АН. СЛЯ. 2002. Т. 61. № 1.
- Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. СЛЯ. 2004. Т. 63. № 3.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Кустова Г. И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4.
- Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Лабов У.* Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. М., 1983.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.
- Лангакер Р. В.* Природа грамматической валентности // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 5.
- Лангакер Р. В.* Когнитивная грамматика: Научно-аналитический обзор. М., 1992.
- Лангакер Р. В.* Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 4, 6.
- Лассан Э.* Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
- Лекомцев Ю. К.* Психическая ситуация предложения и семантический признак // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту, 1973.
- Линч К.* Образ города. М., 1982.
- Логический анализ языка. Знание и мнение / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1989.*

- Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М., 1997.
- Майсак Т. А.* Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1.
- Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.
- Малиновский Б.* Научная теория культуры. М., 1999.
- Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск, 2004.
- Мауро Т. де.* Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре // Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
- Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.
- Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000.
- Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 3 / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2002.
- Монелья М.* Прототипические vs. Непрототипические способы понимания и семантические типы лексических значений // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
- Неориторика: генезис, проблемы, перспективы / Отв. ред. Н. А. Безменова. М., 1987.
- Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
- Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 1997.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Падучева Е. В.* Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна, 1999.
- Паршин П. Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- Паршин П. Б.* Об исследовательской программе Леонарда Талми // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.

- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.
- Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б., Репьев А. П., Кодзасов С. В., Борисова Е. Г.* Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000.
- Поляков И. В.* Лингвистика и структурная семантика. Новосибирск, 1987.
- Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избранные работы / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М., 1983.
- Рабинович Е. Г.* Риторика повседневности: Филологические очерки. СПб., 2000.
- Рахилина Е. В.* Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. М., 1997.
- Рахилина Е. В.* Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. (а)
- Рахилина Е. В.* Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. (б)
- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Ричардс А. А.* Философия риторики // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1988.
- Ромашко С. А.* «Язык»: структура концепта и возможности развертывания лингвистических концепций // Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1991.
- Селиверстова О. Н.* Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Серво П.* Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Склярская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Скребцова Т. Г.* Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000.
- Скребцова Т. Г.* Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // *Respectus Philologicus*. 2002. № 2.
- Скребцова Т. Г.* Современные исследования политической метафоры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2005. Вып. 1.

- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Пер. с франц. С. В. Чистяковой; под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 1999.
- Стеблин-Каменский М. И.* Об основных признаках грамматического значения // М. И. Стеблин-Каменский. Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Степанов Ю. С.* Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Степанов Ю. С.* Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Этир Э.* Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1, 4, 6.
- Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1988.
- Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Теория метафоры* / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис* / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.
- Топологическое пространство* // Свободная энциклопедия Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Ульманн С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. М., 1970.
- Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
- Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
- Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.
- Фрумкина Р. М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX в. М., 1995.
- Фрумкина Р. М.* Когнитивная лингвистика или «психолингвистика наоборот»? // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999.
- Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
- Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972.
- Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975.
- Человеческий фактор: Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи.* М., 1991.

- Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. М., 1997.
- Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя судьба как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1996. № 6.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. М., 2006.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
- Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.
- Anderson J. M.* The Grammar of Case: Towards a Localistic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Anderson J. M.* An Essay Concerning Aspect. The Hague: Mouton, 1973.
- Anderson R. D.* Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and Transformation of Russian Politics. <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm>
- Armstrong S. L., Gleitman L. R., Gleitman H.* What some concepts might not be // Cognition. 1983. Vol. 13.
- Baldinger K.* Semantic Theory: Towards a Modern Semantics. Oxford: Basic Blackwell, 1980.
- Barcelona A.* (ed.). Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Bartlett F. C.* Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
- Bierwisch M.* Some semantic universals of German adjectivals // Foundations of Language. 1967. Vol. 3. No. 1.
- Bloom P., Peterson M. A., Nadel L., Garrett M. F.* (eds.). Language and Space. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
- Bolinger D.* Language — The Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today. London; New York: Longman, 1980.
- Bréal M.* Essai de sémantique. 7-ème ed. Paris, 1924.

- Bybee J. L., Moder C. L.* Morphological classes as natural categories // *Language*. 1983. Vol. 59. No. 2.
- Carlson L., Zee E. van der* (eds.). *Functional Features in Language and Space: Insights from Perception, Categorization, and Development*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Chilton P.* *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge, 2003.
- Chilton P., Schäffner C.* (eds.). *Politics as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Coleman L., Kay P.* Prototype semantics: The English verb *lie* // *Language*. 1981. Vol. 57. No. 1.
- Coulthard M.* *An Introduction to Discourse Analysis*. London: Longman, 1977.
- Croft W.* The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // *Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4. No. 4.
- Croft W., Cruse D. A.* *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Cruse D. A.* Polysemy and related phenomena from a cognitive linguistic viewpoint // P. Saint-Dizier, E. Viegas (eds.). *Computational Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Dancygier B., Sweetser E.* *Mental Spaces in Grammar: Conditional Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Deane P. D.* On Jackendoff's conceptual semantics // *Cognitive Linguistics*. 1996. Vol. 7. No. 1.
- Denny J. P.* Locating universals in lexical systems for spatial deixis // *Chicago Linguistic Society. Papers from Parasession on the Lexicon*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1978.
- Dijk T. A. van.* Pragmatic connectives // *Journal of Pragmatics*. 1979. Vol. 3. No. 5.
- Dinsmore J.* *Partitioned Representations*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991.
- Dirven R., Pörings R.* (eds.). *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Dirven R., Taylor J.* The conceptualization of vertical space in English: The case of *tall* // B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988.
- Evans N., Wilkins D.* The knowing ear: An Australian test of universal claims about the semantic structure of sensory verbs and their extension into the domain of cognition. Institut für Sprachwissenschaft Universität zu Köln. Arbeitspapier Nr. 32. Dezember 1998.
- Evans V., Green M.* *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
- Fauconnier G.* *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985.

- Fauconnier G.* Domains and connections // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. No. 1.
- Fauconnier G.* *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.
- Fauconnier G.* Methods and generalizations // Th. Janssen, G. Redeker (eds). *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Fauconnier G., Sweetser E.* (eds.). *Spaces, Worlds, and Grammar*. Chicago: Chicago University Press, 1996.
- Fauconnier G., Turner M.* Blending as a central process of grammar // A. Goldberg (ed.). *Conceptual Structure, Discourse, and Language*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1996.
- Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22. No. 2.
- Feldman O., Landtsheer C. de* (eds.). *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere*. Westport, CT: Praeger Publishers, 1998.
- Gazdar G.* Pragmatics and logical form // *Journal of Pragmatics*. 1980. Vol. 4. No. 1.
- Geeraerts D.* Cognitive grammar and the history of lexical semantics // B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. (a)
- Geeraerts D.* Where does prototypicality come from? // B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. (b)
- Geeraerts D.* Introduction: Prospects and problems of prototype theory // *Linguistics*. 1989. Vol. 27. No. 4.
- Geeraerts D.* Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries // *Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4. No. 3.
- Geeraerts D.* (ed.). *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Gibbs R. W.* What's cognitive about cognitive linguistics // E. H. Casad (ed.). *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Givón T.* Notes on the semantic structure of English adjectives // *Language*. 1970. Vol. 46. No. 4.
- Givón T.* Negation in language: pragmatics, function, ontology // *Syntax and Semantics*. Vol. 9. New York etc.: Academic Press, 1978.
- Givón T.* Prototypes: between Plato and Wittgenstein // C. Craig (ed.). *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986.
- Givón T.* *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. 2. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1990.

- Givón T.* Markedness in grammar: distributional, communicative and cognitive correlates of syntactic structure // *Studies in Language*. 1991. Vol. 15. No. 2.
- Givón T.* *Biolinguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Goldberg A. E.* Jackendoff and construction-based grammar // *Cognitive Linguistics*. 1996. Vol. 7. No. 1.
- Goossens L.* Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic actions // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. No. 3.
- Grady J. E., Oakley T., Coulson S.* Blending and metaphor // G. Steen, R. Gibbs (eds.). *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
- Györi G.* Historical aspects of categorization // E. H. Casad (ed.). *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Haiman J.* Conditionals are topics // *Language*. 1978. Vol. 54. No. 3.
- Haiman J.* Dictionaries and encyclopedias // *Lingua*. 1980. Vol. 50. No. 4.
- Heine B., Kuteva T.* *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Herskovits A.* *Language and Spatial Cognition: An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Herskovits A.* Spatial expressions and the plasticity of meaning // B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988.
- Hickmann M., Robert S.* (eds.). *Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.
- Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2.
- Hopper P. J., Thompson S. A.* The discourse basis for lexical categories in universal grammar // *Language*. 1984. Vol. 60. No. 4.
- Hopper P. J., Traugott E. C.* *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Horn L. P.* Metalinguistic negation and pragmatic ambiguity // *Language*. 1985. Vol. 61. No. 1.
- Jackendoff R.* *Semantic Structures*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Jackendoff R.* Conceptual semantics and cognitive linguistics // *Cognitive Linguistics*. 1996. Vol. 7. No. 1.
- Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. Vol. 6. Prague, 1936.
- Janda L. A.* *A Semantic Analysis of the Russian Verbal Prefixes za-, pere-, do- and ot-*. München: Verlag Otto Sagner, 1986.

- Janda L. A.* The mapping of elements of cognitive space onto grammatical relations: An example from Russian verbal prefixation // B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988.
- Janda L. A.* Unpacking markedness // E. H. Casad (ed.). *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Jenkins L.* *Biolinguistics: Exploring the Biology of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Jenkins L.* (ed.). *Variation and Universals in Biolinguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2004.
- Johnson M.* *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Johnson M.* Philosophical implications of cognitive semantics // *Cognitive Linguistics*. 1992. Vol. 3. No. 4.
- Johnson-Laird P. N.* *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Kristiansen G., Achard M., Dirven R., Ruiz de Mendoza F.* (eds.). *Cognitive Linguistics: Foundations and Fields of Application. A Reader*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Lakoff G.* Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Papers from the 8th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1972.
- Lakoff G.* *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff G.* The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. No. 1.
- Lakoff G.* Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // B. Hallet (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991.
- Lakoff G.* *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Lakoff G.* Metaphor and War, Again. 2003. <http://www.alternet.org/story/15414>
- Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lakoff G., Johnson M.* *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books, 1999.
- Lakoff G., Turner M.* *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: Chicago University Press, 1989.
- Landtsheer C. de.* Introduction to the study of the political discourse // O. Feldman, C. de Landtsheer (eds.). *Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere*. Westport, CT, 1998.
- Langacker R. W.* *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 1987.

- Langacker R. W.* An overview of cognitive grammar // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. (a)
- Langacker R. W.* A usage-based model // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. (b)
- Langacker R. W.* A view of linguistic semantics // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. (c)
- Langacker R. W.* Subjectification // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. No. 1.
- Langacker R. W.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. (a)
- Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991 (b).
- Langacker R. W.* Reference-point constructions // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4. No. 1.
- Langacker R. W.* Assessing the cognitive linguistic enterprise // Th. Janssen, G. Redeker (eds). Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Lasswell H. D.* Style in the language of politics // H. D. Lasswell et al. Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.
- Lee D.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Lenneberg E.* Biological Foundations of Language. New York: John Wiley and Sons, 1967.
- Levinson S. C.* Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Mey M. de.* The Cognitive Paradigm: Cognitive Science, a Newly Explored Approach to the Study of Cognition. Dordrecht: Reidel, 1982.
- Mieder W.* The Politics of Proverbs: From Traditional Wisdom to Proverbial Stereotypes. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.
- Miller G., Johnson-Laird P.* Language and Perception. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976.
- Miller J.* Towards a generative semantic account of aspect in Russian // Journal of Linguistics. 1972. Vol. 8. No. 2.
- Miller J.* Semantics and Syntax: Parallels and Connections. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Newman J.* (ed.). The Linguistics of Sitting, Standing and Lying. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Nikiforidou K.* The meaning of the genitive: A case study in semantic structure and semantic change // Cognitive Linguistics. 1991. Vol. 2. No. 2.
- Norvig P., Lakoff G.* «Taking»: A study in lexical network theory // Proc. of the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1987.

- Nunberg G.* The non-uniqueness of semantic solutions: Polysemy // *Linguistics and Philosophy*. 1979. Vol. 3. No. 2.
- Palmer F. R.* *Semantics: A New Outline*. M.: Высшая школа, 1982.
- Peeters B.* Cognitive musings // *Word*. 1998. Vol. 49. No. 2.
- Perkins R. D.* *Deixis, Grammar, and Culture*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992.
- Pulman S. G.* *Word Meaning and Belief*. London: Croom Helm, 1983.
- Pütz M.* Language and the cognitive construal of space // Pütz M., Dirven R. (eds.). *The Construal of Space in Language and Thought*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Pütz M., Dirven R.* (eds.). *The Construal of Space in Language and Thought*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Radden G.* The Folk Model of Language. <http://www.metaphorik.de/01/radden.htm>
- Radden G.* Motion metaphorized: The case of *coming* and *going* // E. H. Casad (ed.). *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics*. Berlin; New York: Mouton d Gruyter, 1996.
- Rice S.* Prepositional prototypes // M. Pütz, R. Dirven (eds.). *The Construal of Space in Language and Thought*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Rice S., Sandra D., Vanrespaille M.* Prepositional semantics and the fragile link between space and time // M. K. Hiraga, C. Sinha, C. Wilcox (eds.). *Cultural, Psychological and Typological Issues in Cognitive Linguistics: Selected papers of the biannual ICLA meeting (Albuquerque, July 1995)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
- Rohrer T.* *Metaphors We Compute By: Bringing Magic into Interface Design*. <http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/gui4web.htm>
- Rosch E.* Principles of categorization // E. Rosch, B. B. Lloyd (eds.). *Cognition and Categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Publishers, 1978.
- Sandra D., Rice S.* Network analyses of prepositional meaning: Mirroring whose mind — the linguist's or the language user's? // *Cognitive Linguistics*. 1995. Vol. 6. No. 1.
- Serra Borneto C.* *Liegen* and *stehen* in German: A study in horizontality and verticality // E. H. Casad (ed.). *Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996.
- Sweetser E.* Polysemy vs. abstraction: mutually exclusive or complementary? // Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1986.
- Sweetser E.* Metaphorical models of thought and speech: A comparison of historical directions and metaphorical mappings in the two domains // Proc. of the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1987.

- Sweetser E.* From Etymology to Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Sweetser E.* Compositionality and blending: semantic composition in a cognitively realistic framework // Th. Janssen, G. Redeker (eds). Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Talmy L.* Semantic causative types // Syntax and Semantics. Vol. 6. New York etc.: Academic Press, 1976.
- Talmy L.* The relation of grammar to cognition // D. Waltz (ed.). Proc. of TINLAP-2 (Theoretical Issues in Natural Language Processing). Champaign: University of Illinois, 1978.
- Talmy L.* How language structures space // H. L. Pick, Jr., L. P. Acredolo (eds). Spatial orientation: Theory, research, and application. New York; London: Plenum Press, 1983.
- Talmy L.* Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. III: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Talmy L.* Force dynamics as a generalization over „causative“ // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1985. Washington, DC: Georgetown University Press, 1986.
- Talmy L.* The relation of grammar to cognition // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988.
- Talmy L.* The windowing of attention // M. Shibatani, S. A. Thompson (eds.). Grammatical Constructions: Their Form and Function. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- Taylor J. R.* Approaches to word meaning: The network model (Langacker) and the two-level model (Bierwisch) in comparison // R. Dirven, J. Vanparys (eds.). Current Approaches to the Lexicon. Frankfurt-am-Main etc.: Peter Lang, 1995.
- Taylor J. R.* Linguistic Categorization. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Taylor J. R.* Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Traugott E. C.* From polysemy to internal semantic reconstruction // Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1986.
- Traugott E. C., Dasher R.* On the historical relation between mental and speech act verbs in English and Japanese // Papers from the 7th Annual Conference on Historical Linguistics. Amsterdam, 1985.
- Traugott E. C., Dasher R. B.* Regularity in Semantic Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Travaux Linguistiques de Prague. Vol. 2. Prague, 1966.

- Tregidgo P. S.* „Must“ and „may“: demand and permission // *Lingua*. 1982. Vol. 56, No. 1.
- Tuggy D.* Ambiguity, polysemy, and vagueness // *Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4, No. 3.
- Turner M.* *Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Turner M.* *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Turner M.* Backstage cognition in reason and choice // A. Lupia, M. McCubbins, S. L. Popkin (eds.). *Elements of Reason: Cognition, Choice and the Bounds of Rationality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
- Turner M.* *Cognitive Dimensions of Social Science: The Way We Think about Politics, Economics, Law, and Society*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Turner M., Fauconnier G.* Conceptual integration and formal expression // *Journal of Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. No. 3.
- Tyler A., Evans V.* *The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning, and Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Ungerer F., Schmid H.-J.* *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London: Longman, 1996.
- Vandeloise C.* *L'espace en français: Sémantique des prépositions spatiales*. Paris: Le Seuil, 1986.
- Vandeloise C.* Length, width, and potential passing // B. Rudzka-Ostyn (ed.). *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988.
- Wagner L.* Review of: Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000 // *LinguistList* 14.2954. <http://linguistlist.org>
- Weinreich U.* *On Semantics*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980.
- Whorf B. L.* *Language, Thought, and Reality: Selected Writings* / Ed. by J. B. Carroll. Cambridge, MA: MIT Press, 1956.
- Wierzbicka A.* Prototypes in semantics and pragmatics: Explicating attitudinal meanings in terms of prototypes // *Linguistics*. 1989. Vol. 27. No. 4.
- Wierzbicka A.* *Dusha (= soul), toska (= yearning), sud'ba (= fate): Three key concepts in Russian language and Russian culture* // Z. Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie jezykow slowianskich*. Bialystok: Bialystok University Press, 1990.
- Wierzbicka A.* Back to definitions: Cognition, semantics, and lexicography // *Lexicographica*. 1992. Vol. 8.
- Wischer I., Diwald G.* (eds.). *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Zee E. van der, Slack J.* (eds.). *Representing Direction in Language and Space*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Ziff P.* *Semantic Analysis*. Ithaca: Cornell University Press, 1960.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
ГЛАВА I. Когнитивная лингвистика как научное направление.....	6
Еще одна междисциплинарная область знания.....	6
Зарождение когнитивной лингвистики.....	7
Основной постулат когнитивной лингвистики.....	8
Когнитивная лингвистика как этап в развитии языко- знания.....	9
Историко-филологическая наука.....	10
Структурная лингвистика.....	11
Трансформационная порождающая грамматика.....	14
Формальные теории языка.....	17
Когнитивная лингвистика.....	18
Когнитивная лингвистика как составная часть когнитивной науки.....	21
Современный этап развития когнитивной лингвистики.....	23
Когнитивные лингвисты — кто они?.....	23
Фундаментальные принципы когнитивной лин- гвистики.....	26
Когнитивная лингвистика и отечественные семантические исследования.....	30
ГЛАВА II. Когнитивные исследования метафоры.....	34
1. Теория концептуальной метафоры.....	34
Понятие концептуальной метафоры.....	34
Типы концептуальных метафор.....	38
Ориентационные метафоры.....	38
Онтологические метафоры.....	40
Структурные метафоры.....	42
Об одном удивительном совпадении.....	48
Последующее развитие теории концептуальной метафоры...	49
2. Когнитивные исследования политической метафоры.....	51
О причинах современного интереса к политической мета- форе.....	51
Первый опыт анализа концептуальных метафор в поли- тике.....	53
Дальнейшие исследования концептуальных метафор в политическом дискурсе.....	60
Метафоры тоталитарного дискурса.....	61
Метафоры демократии.....	62

Метафоры переходных периодов.....	64
Диагностический и прогностический потенциал политических метафор.....	67
3. Закономерности исторической семантики в свете теории концептуальной метафоры.....	69
К истории вопроса о характере семантических изменений ...	70
Когнитивный подход к закономерностям исторической семантики	72
Регулярные изменения лексических значений.....	75
Пространство → время	75
Лексика чувственного восприятия.....	76
Глаголы положения в пространстве и движения.....	78
Регулярные изменения грамматических значений.....	79
Модальные глаголы	79
Отрицание	81
ГЛАВА III. Категоризация.....	84
1. Теория прототипов и категорий базисного уровня.....	84
Важность проблемы категоризации для когнитивной науки	84
Эволюция взглядов на категории: от Аристотеля до Рош....	86
Теория прототипов.....	89
Прототипические эффекты в лингвистических категориях...	98
Теория категорий базисного уровня.....	101
2. Идеализированные когнитивные модели	107
Понятие идеализированной когнитивной модели.....	107
Кластерная ИКМ.....	110
Метонимические ИКМ	112
3. Философия эмпирического реализма.....	114
Эмпирический реализм как «третий путь»	114
Неадекватность объективизма.....	115
Кинестетические схемы образов	117
Значение и понимание	118
Истина	120
Знание	123
Объективность	124
ГЛАВА IV. Когнитивная грамматика.....	126
1. Принципы когнитивной грамматики.....	126
«Максималистская» концепция языка.....	126
Типы единиц	130

2. Семантика в когнитивной грамматике	134
Субъективистский подход к значению	134
Понятие когнитивной области	136
Профиль и база, траектор и ориентир	138
Аспекты образности	142
Когнитивные точки отсчета. Метонимия. Активная зона ..	150
3. Когнитивные модели полисемии	153
Проблема полисемии в когнитивной грамматике	153
Подходы к полисемии	155
Способы описания многозначности	157
Первые опыты построения когнитивных моделей поли-	
семии	158
Сетевая модель П. Норвига и Дж. Лакоффа	161
Сетевая модель Р. Лангакера	163
Критика когнитивных моделей полисемии	165
ГЛАВА V. Ментальные пространства и их интеграция	168
1. Теория ментальных пространств	168
Понятие ментального пространства	168
Типы связей между ментальными пространствами	171
Роль языковых средств в построении ментальных прост-	
ранств	172
О когнитивном статусе ментальных пространств	175
2. Теория концептуальной интеграции	176
Понятия концептуальной интеграции и бленда	177
Свойства концептуальной интеграции. Этапы построения	
бленда	178
Проявления механизма концептуальной интеграции	182
Бленды в грамматике	184
Анализ метафоры в рамках теории концептуальной ин-	
теграции	190
Влияние концептуальной интеграции на категоризацию ...	191
Сетевая модель концептуальной интеграции	192
ГЛАВА VI. Топологическая семантика	195
1. Отношение грамматики к познанию	195
Лексика и грамматика как комплементарные под-	
системы	196
Природа грамматически выражаемых понятий	197
Категории грамматически выражаемых понятий	200
Схематические системы	202
Конфигурационная структура	203

Перспектива	203
Распределение внимания	204
Вложенность	209
Динамика сил	210
Связь грамматики языка с другими когнитивными системами	215
2. Языковая концептуализация пространства	216
Схемы и их свойства	216
Выбор схемы	219
Фигура и Фон	222
Проблема асимметричного Фона	225
Первичный и вторичный референциальные объекты	227
Языковая концептуализация пространства: дальнейшие исследования	228
Заключение	233
Литература	236Г

Учебное издание

Скребцова Татьяна Георгиевна
КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
Курс лекций

Редактор *В. С. Волкова*
Корректор *Н. В. Пивоварова*
Технический редактор *Л. В. Васильева*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 11.08.2011.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 16. Тираж 500 экз. Заказ № .
Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии
ОАО Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2

